

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№4 (08)
2024**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№4(08)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

КАРАСИК В. И. Осмысление интереса в языковом сознании 4

ШАЦКАЯ М. Ф. Когнаты и ложные друзья переводчика в
близкородственных славянских языках (на материале бо-
танических и зоологических номинаций)..... 15

НЕКРАСОВА К. И., ВАСИЛЬЕВ Л. Г. Интенциональный
уровень аргументирующей языковой личности: к когни-
тивно-стилевому анализу 26

БУРЯКОВСКАЯ В. А., ЗУБАИРОВА Р. Р. Фрейминг как спо-
соб подачи информации (на материале англоязычных
СМИ) 31

КОТЕЛЬНИКОВА Н. Н., НИН ХУАЙИН. Неофраземы дис-
курсивного пространства китайского интернета 36

АЛЯЕВА Л. С. Коммуникативные тактики солидаризации и
оппозиционирования в российских интервью представи-
тельниц шоу-бизнеса 43

БАБЕНКО Т. А. Заимствования как источник формирования
неологизмов 50

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

ПИМЕНОВА М. В. Символический макроконцепт *чудо* в
зеркале мотивирующих признаков 56

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
Я.А. Волкова
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Д.Ю. Гулинов
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

НИКИФОРОВА Е. Б., БУДАРИНА А. А. Наименования посуды в русском языке: семантико-диахроническая классификация64

КАРПОВА А. М. Копипаста как разновидность электронного креолизованного текста (на материале русскоязычных текстов стриминговой платформы «twitch»)71

КОКОВА Л. ДЖ., КОКОВА Б. ДЖ., ШЕРИЕВА М. М. Ономастическое пространство романа В. А. Каверина «Два капитана»77

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОЛЬДЕНБЕРГ А. Х. Свадьба как архетипический сюжет поэтики Н. В. Гоголя86

ТРОПКИНА Н. Е. Орнитологические образы в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980-1990 годов: птица как текст93

ЛЕОНОВ И. С. Мотив болезни в современной православной прозе98

ЗАВЬЯЛОВА Е. Е., КАЙЖИГИТОВ Э. Д. Специфика сюжетно-композиционной организации нонсенс-сказок Е. Клюева103

СОРОКИНА М. В. Пространство детства в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»: эпическое и лирическое начала109

ЧЕЛОВЕК В КОММУНИКАЦИИ

КРАСАВСКИЙ Н. А. От этиологии к эмотивной лингвоэкологии (из научного наследия профессора В. И. Шаховского)116

ВОЛКОВА Я. А. Кросс-культурные эмоции: к вопросу о достижении эквивалентности при переводе терминов эмоций121

ИОНОВА С. В. Язык субъективных ощущений человека: от лингвистики эмоций к тактильной лингвосемиотике128

КОВШОВА М. Л. Вежливость в понимании молодых (на материале экспериментального опроса в Сети)136

КОРОБКИНА Н. И. Стилистические особенности окказиональных имен собственных148

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Подписано в печать
12.12.2024.

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 18,6
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 25/12/1

Выход в свет
25.12.2024.

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2024

КРЮКОВА И. В. Прецедентные имена 1990-х годов как
эмоционально-оценочное средство в современной мас-
совой коммуникации..... 153

ПАНЧЕНКО Н. Н. Отражение коммуникативной личности
«эгоцентрик» в языковом сознании носителей русского
языка 159

СОЛОДОВНИКОВА Н. Г. Эмотивный язык как маркер ре-
верса эмоций в категориальной эмоциональной ситуации
«овладеть собой» 164

ШТЕБА А. А. Эмотивность в аспекте нечетких множеств 170

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

СУПРУН В. И. Русисты собрались в Красноярске (о работе
VIII конгресса РОПРЯЛ) 178

Сведения об авторах.....182

Information about authors.....185

Состав редакционной коллегии188

Состав научно-редакционного совета.....188

В. И. КАРАСИК
Москва

ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРЕСА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Рассматривается интерес как лингвокультурный феномен. Признание чего-либо интересным относится к важнейшим познавательным ориентирам человечества. Понятийные характеристики этого концепта сводятся к желанию субъекта узнать что-либо необычное, получая от этого удовольствие и/или выгоду. Интересное противопоставляется скучному, при этом выделяются два вида проявления интереса – любознательность как похвальное стремление к знаниям и любопытство как осуждаемое желание узнавать чужие секреты. Образно-ситуативные характеристики этого ментального образования уточняют идею привлекательности объекта, его необычности, неожиданности и странности, иногда запретности. Ценностные характеристики этого концепта амбивалентны. В пословицах в основном дана рекомендация не проявлять любопытства. В афористике, притчах и анекдотах показаны положительные стороны любознательности, вместе с тем критически оценивается эгоистичный интерес к себе, холодный расчетливый и праздный интерес.

Ключевые слова: *концепт, языковое сознание, лингвокультура, понятие, образ, ценность.*

Лингвокультурное моделирование реальности привлекает к себе внимание многих современных исследователей [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 15; 17; 20; 22; 24; 25; 26].

В качестве единицы описания обычно рассматривается концепт – квант переживаемого знания, включающий понятийное, образное и ценностное содержание, представленный в индивидуальном, групповом и этническом языковом сознании в разных типах дискурса. Изучение концептов как когнитивных ментальных образований направлено на установление характеристик значимой информации, структурирования и преобразования ее в индивидуальном и коллективном сознании, в то время как лингвокультурный подход к концептам предполагает сравнение различных картин мира и описание общих и различных признаков того или иного осмысливаемого фрагмента реальности. Типы концептов весьма разнообразны, как и разнообразна концептуализируемая реальность. К числу важных ментальных образований, еще недостаточно изученных в лингвокультурологии, относится интерес – познавательная потребность человека, стремящегося понять действительность.

Понятийное содержание этого концепта представлено в определениях словарей и справочников.

Интерес – 1) внимание, проявляемое к кому-, чему-либо; 2) занимательность, увлекательность; 3) важность, значение; 4) выгода, польза; 5) *только мн.* стремления, потребности, запросы [23].

Интерес – 1) внимание, к-рое проявляется к кому-чему-л, вызванное желанием узнать, увидеть, изучить и т.п. лучше, глубже, шире и т.п. *Син.* Любопытство; то, что заслуживает внимания, на что следует обратить внимание; 2) *обычно мн.* стремления, потребности, заботы и т.п., к-рые характеризуют кого-л., к-рыми живет кто-л., к-рые со-

ставляют преимущественное содержание мыслей, речи и т.п. кого-л.; 3) *зд. мн.* То, что выгодно, полезно кому-чему-л., составляет благо для кого-чего-л. [2].

Interest – 1) if you have an interest in something or someone, you want to know or learn more about them; 2) an activity that you enjoy doing or a subject that you enjoy studying; 3) a quality or feature of something that attracts your attention or makes you want to know more about it; 4) the extra money that you must pay back when you borrow money; 5) the things that bring advantages to someone or something [29].

Interest – 1. A state of curiosity or concern about or attention to something: an interest in sports. Something, such as a quality, a subject, or an activity, that evokes this mental state. 2. Often interests. Regard for one's own benefit or advantage; self-interest 3. a. A right, claim, or legal share. b. Something in which such a right, claim, or share is held. c. A person or group of persons holding such a right, claim, or share. 4. Involvement with or participation in something. 5. a. A charge for a loan, usually a percentage of the amount loaned. b. An excess or a bonus beyond what is expected or due. 6. An interest group. b. The particular cause supported by an interest group [27].

Сравнение приведенных определений позволяет выделить следующие общие смысловые признаки: 1) желание субъекта узнать что-либо, 2) объект, вызывающий такое желание, 3) внимание к этому объекту, 4) польза для субъекта, лежащая в основе желания. В англоязычных словарях в дополнение к этим признакам добавляется признак 'процент, который нужно уплатить за взятые в долг деньги', либо 'процент, который банк выплачивает клиенту, хранящему деньги в этом банке'.

Этимология этого латинского заимствования прозрачна: 'иметь большое значение', буквально 'быть между, среди, внутри'.

Прилагательное *интересный*, обозначающее причину проявления внимания к объекту интереса, имеет ряд синонимов в русском языке: *занимательный, занятный, жгучий, животрепещущий, любопытный, увлекательный, забавный, курьезный; небезынтересный*. Эти слова объединены признаком 'привлекательность' и противопоставляются по уточняющим признакам 'доставляющий удовольствие', 'важный', 'необычный', 'притягательный'.

Английское прилагательное *interesting* подразумевает притягательность объекта, вызывающего такое чувство. Синонимы этого слова уточняют его семантику в следующих направлениях: *engrossing* 'захватывающий', 'увлекательный' акцентирует силу такой притягательности, *absorbing* 'всепоглощающий' сравнивает это состояние с засасыванием, *intriguing* 'интригующий' выводит на первый план привлечение внимания [30].

Интересное противоположно скучному.

Предмет сам по себе не может быть интересным либо скучным, таким он становится только для субъекта. Скучное – это то, что не только не вызывает желания познавательно освоить соответствующий объект, но и сопряжено с неприятными переживаниями напрасной потери времени и приводит к унынию:

Скука – 1. Тягостное душевное состояние, вызываемое отсутствием дела, интереса к окружающему и т.п. 2. Уныние, тоска, царящие где-либо, вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему и т.п. [23].

Скука – состояние тоски, с трудом переносимой апатии, болезненного равнодушия к окружающему и т.д., обычно вызываемое бездельем или отсутствием интереса к чему-л. (В. И. Даль: *томление бездействия*) [2].

Boredom – the feeling you have when you are bored, or the quality of being boring. Boring – not interesting in any way [29].

Boredom – Uninteresting and tiresome; dull. Syn.: boring, monotonous, tedious, irksome, tiresome, humdrum. These adjectives refer to what is so lacking in interest as to cause mental

weariness. Boring implies feelings of listlessness and discontent. What is monotonous bores because of lack of variety. Tedious suggests dull slowness or long-windedness. Irksome describes what is demanding of time and effort and yet is dull and often unrewarding. Something tiresome fatigues because it seems to be interminable or to be marked by unremitting sameness. Humdrum refers to what is commonplace, trivial, or unexcitingly routine [27].

В определении скуки можно увидеть следующие признаки: 1) тягостное душевное состояние, вызываемое а) отсутствием интереса к окружающему, б) бездельем, в) однообразием обстановки.

В русском языке идея скуки уточняется в синонимах слова *скучный*: *нудный, монотонный, рутинный, тягомотный, канительный*. Эти слова объединены значением 'вызывающий тоску' (тягостное душевное состояние) и различаются признаками надоедливости, однообразия, отсутствия новизны, тяжести, медлительности. В английском языковом сознании, по данным словарей, выделяются аналогичные признаки, при этом акцентируются утомительность и отсутствие новизны.

Интерес как желание узнать что-то новое уточняется в русском языке в значениях слов, характеризующих постоянные качества человека, – любознательность и любопытство. Любознательный человек стремится к приобретению новых знаний, в значении прилагательного *пытливый* акцентируется стремление всё понять. Любопытный человек проявляет интерес ко всему для него новому, но при этом такой интерес бывает праздным, мелочным и нездоровым.

В английском языке эти качества отрицательно оцениваемого познавательного интереса обозначаются прилагательными *curious, inquisitive, prying, snoopy, nose*:

Curious – wanting to know about something [29].

Inquisitive – asking too many questions and trying to find out too many details about something or someone [Там же].

Prying – to pry – to try to find out details about someone else's private life in an impolite way [Там же].

Nosey – always wanting to find out things that do not concern you, especially other people's private affairs [Там же].

Заметим, что у этих слов в ряде случаев нет однословных эквивалентов в русском языке (*inquisitive* – 'излишне любопытный', *prying* – 'назойливо любопытный'; *snoopy* – 'излишне любопытный'; *nosey* – 'любопытно-пронирыливый'). В толкованиях синонимов акцентируется стремление узнать чужие секреты, вмешаться в чужую жизнь, с хитростью, подобно собаке, вынюхивающей след [30].

Образно-ситуативные признаки концепта «интерес» выявляются путем анализа высказываний с этим словом и с помощью опроса информантов. Рассматриваются разные частеречные вербализации этого концепта. Высказывания с этим словом, размещенные в «Национальном корпусе русского языка» [19], уточняют признаки, выделенные в словарных определениях.

В текстовых примерах уточняется идея привлекательности факта, который признается интересным:

А для журналистов всегда важно найти какой-нибудь интересный факт, какую-нибудь интересную судьбу (И. Архипова).

А что касается тридцатилетнего цикла, напомним интересный исторический факт: после Великой Французской революции ее завалы разгребали до 1830 года (А. Салуцкий).

Нет, он в чистом виде автор с чудными шутками и способностью найти интересный поворот в теме... (И. Кио).

С интересным человеком приятно вести беседу:

Автор полусотни поэтических книг для детей и взрослых, поэм, сказок, рассказов, очерков и воспоминаний о В. Маяковском, Н. Островском, А. Серафимовиче, перевод-

чик, литературный критик, тонкий психолог и большой знаток детских душ, мудрый воспитатель и талантливый педагог, он остался в памяти знавших его как интересный собеседник и блестящий рассказчик, подлинный рыцарь дружбы и любви, аристократ духа (В. Арефьева).

Мужчина интересный, рост высокий, я это люблю, хотя сама вышла за низенького, и лицо интеллигентное, хотя прелести особой нет, но зато сразу виден ум, правда? (И. Грекова).

Интересное впечатляет:

– Прочтите, вам должно понравиться, – посоветовал он. – Я там поместил очень интересный этюд. Ничего особенного, конечно, но очень картинно и впечатляюще (Ю. Домбровский).

Воланд заговорил: «Какой интересный город, не правда ли?» (М. Булгаков).

Интересным считается нечто необычное:

В 28 главе 1 книги Царств есть весьма интересный фрагмент, в котором описывается посещение царем Саулом женщины-медиума в Аэндоре, во время которого произошло загадочное явление умершего пророка Самуила (А. Кашкин).

Но самый интересный дом во всей деревне – серебристый, в виде космической ракеты (А. Лисаченко).

Дмитрий, почему вы взяли такой интересный псевдоним? (Д. Соколов).

Вызывает интерес нечто странное:

Разгоряченные переживаниями, мама и ее подруга сняли варежки, мама заметила какой-то интересный лак на ногтях подруги, та сказала, что ездила на юг этим летом – там и купила у цыган (А. Сальников).

Чрезвычайно интересный случай – наблюдение фотографий внутренней поверхности масок (Г. Рожкова).

Неизвестное часто кажется интересным:

Зимой он вдруг явился к нам в телогрееке, валенках и сказал, что уезжает на месяц в Калининскую область: завербовался в артель лесорубов. Говорят, интересный народ эти лесорубы. Пощупать их психологию (Ю. Трифонов).

Интересное оценивается как нечто курьезное и занятное:

Сын сделал из этого эпизода интересный вывод, что воровать у жуликов прилично, и вывод этот оказал некоторое влияние на его последующую жизнь (Э. Лимонов).

Говорил он о людях, чьи дела вел, как-то странно, – без злобы, без волнения: «интересный был человек», «чудак», «симпатяга» (В. Гроссман).

Есть что-то, что тебя там удивляет, раздражает? – Есть момент интересный. Но это не раздражает, скорее, просто забавно (А. Лесняк).

Интересное может быть запретным:

Вторая: защита от любопытного народа, который может повалить валом в интересный объект, особенно если он на доступном для автомобилизированного населения расстоянии от жилых мест (Г. Ведерников).

Нужно будет заснять один очень интересный объект, и там, вполне возможно, будут крутиться на подступах агенты в штатском... (А. Бушков).

Текстовые примеры на английском языке, взятые из «Британского национального корпуса» [28], уточняют признаки, выделенные в словарных дефинициях.

Интересное означает привлекательное:

The Jewellery Quarter is home to several excellent restaurants in interesting historic surroundings. В Ювелирном квартале находится несколько отличных ресторанов, расположенных в интересном историческом окружении (Здесь и далее перевод наш. – В. К.).

Birmingham lies in a wealth of beautiful countryside, historic houses, interesting towns and pretty villages. Бирмингем расположен в замечательной местности, он богат историческими постройками, там много интересных городов и красивых деревень.

We have a wide range of interesting and exciting trips lined up for you. У нас широкий выбор интересных и увлекательных поездок, предназначенных для вас.

The town today is one of the most interesting resorts on the south coast – as you'll soon discover. Этот город сегодня – один из самых интересных курортов на южном побережье, как вы скоро в этом убедитесь.

Интересным признается нечто достойное внимания:

Antique furniture and needlework with a wide variety of unusual and interesting plants in the gardens. Старинная мебель, вышивки и множество необычных и интересных растений в садах.

<...> It is interesting to note that they both value intuition. Интересно заметить, что они оба ценят интуицию.

It is interesting that Piaget failed to recognise what Vygotsky (1933, tr. 1976) observed about a young child's play: that it is rule-bound. Интересно, что Пиаже не знал о работе Выготского (1933, перевод 1976), в которой сказано о детской игре: она подчиняется правилам.

Уточняется объект, который считают интересным:

I'm enjoying watching Villa play and it will be interesting to see how many fans want to show their appreciation. Мне нравится смотреть пьесу «Вилла», и будет интересно увидеть, сколько фанатов захочет выразить свою оценку.

<...> For both purposes, television scored significantly higher amongst those who found politics interesting at the end of the campaign. <...> Исходя из обеих целей, телевидение оказалось гораздо важнее для тех, кто интересовался политикой, когда кампания завершилась.

As a character actor you get interesting parts, good money and enough time off to enjoy it. Как актер характера вы получаете интересные роли, хорошие деньги и много свободного времени, чтобы насладиться этим.

Интересное значит необычное:

...time plays a variety of interesting tricks. Время разыгрывает множество интересных трюков.

Типичны примеры, в которых друзья описаны как интересные люди:

We've made interesting friends there and we like it. У нас там появилось много интересных друзей, и нам это нравится.

He said: «I've met lots of interesting people that I would never have seen before». Он сказал: «Я встретил много интересных людей, с которыми никогда раньше не встречался».

Интересно то, что заставляет нас мобилизовать наш интеллектуальный потенциал:

A technical problem such as this raises interesting methodological questions. Такая техническая проблема ставит перед нами интересные методологические проблемы.

I find all this dead interesting. This is the sort of stuff you should be asking us. По-моему, это ужасно интересно. Это как раз то, о чем вы будете нас спрашивать.

He's in an interesting and frightening dilemma, about to retire. Он стоит перед интересной и пугающей дилеммой – уходить ли в отставку.

Интересное осмысливается как неожиданное:

The only thing that makes it bearable is the irrational belief that somebody interesting will come on in a minute... Единственное, что позволяет это вынести, – иррациональная вера в то, что кто-то интересный появится через минуту.

Не все способны интересно рассказывать о своем опыте:

Not least because he is the first senior politician for some time to write a book that is stylish, witty, beautifully observed and therefore vastly superior to the plodding tone employed by most ex-Cabinet ministers who confuse being there with being able to write an interesting account of what happened. Не в последнюю очередь потому, что он первым из старших политиков написал книгу в интересном стиле, умную с интересными наблюдениями и поэтому значительно превосходящую тяжеловесную продукцию, которую производит большинство бывших членов кабинета министров, путающих свой опыт с умением написать интересный отчет о том, что было.

Таким образом, текстуальное уточнение признаков того, что считается интересным, позволяет выделить идеи привлекательности, необычности, странности, неожиданности и курьезности в описаниях соответствующих ситуаций. Отметим дискурсивную важность этого концепта в рекламных текстах.

Заслуживает внимания ассоциативное осмысление интереса в реакциях информантов на прилагательное *интересный*:

Интересный – человек (89), собеседник (56), фильм (51), рассказ (31), мужчина (20), разговор, случай (15), книга (11), роман (10), журнал (9), увлекательный (8), скучный (7), друг, занимательный (6), вопрос, глупый, очень (5), вечер, день, спектакль (4), заманчивый, концерт, любопытный, предмет, товарищ (3), веселый, захватывающий, кино, молодой человек, момент, неинтересный, ответ, парень, поэт, привлекательный, сон, увлеченный, факт (2), алгоритм, безызвестный, белый, боевик, большой, век, вид, вкусный, восхитительно, вратарь, всесторонний, глаза, год, гость, грустный, детектив, деятель, доклад, документ, думать, жанр, жутко, забавный, забытый, загадочный, заинтересованно, заинтересовать, занятный, звук, знать, известный, интеллигент, кайфовый, кинофильм, космос, красивый, кто, лекция, лучший, любезный, любознательный, любопытство, магнитофон, мальчик, матч, мир, мозги, муж, мужик, мэн, не интересный, не оторваться, не очень, неглупый, необычный, неплохой, непредсказуемый, новость, обмен, огромный, оппонент, особый, отдых, очень редко, педагог, пейзаж, план, плац, повествовать, поворот, подход, подход к человеку, познавательный, поход, пресный, приятный, противный, раздел, сдвиг, сидят и слушают, синий, скука, сложный, слон, смотреть, совет, соль, стена, стоит посмотреть, субъект, тип лица, труд, урок, учебник, учитель, цветы, черт, читать, чушь, этюд, юноша, яркий (1) [21].

Ассоциации информантов показывают, что интересными чаще всего признаются люди и оцениваемые объекты, прилагательные с положительной оценкой доминируют, и в целом этот концепт является оценочным индикатором.

Ценностные характеристики в осмыслении интереса имеют амбивалентный характер. С одной стороны, акцентируется положительная оценка стремления к познанию и узнавания чего-то нового, с другой стороны, осуждается желание узнать нечто запретное или нарушающее чужую приватность. В книге, посвященной изучению любознательности в ее разных проявлениях, А. Мангель отмечает, что этот концепт «несет в себе как позитивный, так и негативный смыслы. Позитивный, поскольку любопытный ко всему проявляет внимание; а негативный, потому что он прилагает все силы к детальному исследованию вещей, тщательно скрытых, не предназначенных для посторонних глаз и несущественных» [18]. Эта идея отчетливо выражена в одном из библейских апокрифов – Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай» [11, 3–21].

В пословицах мы не находим одобрительной оценки интереса и любознательности. Вероятно, любознательность рассматривается в народной культуре как компонент получения знаний, как учеба, и это оценивается положительно, но не комментируется. Но любопытство однозначно осуждается:

Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Любопытство – не порок, а большое свинство. Много будешь знать, скоро состаришься. Не тычь носа в чужое просо. О чем не сказывают, о том не допытывайся. Curiosity killed the cat.

Назидательный смысл этих речений сводится к тому, что любопытных людей, проявляющих нездоровый интерес к тому, что их не касается, наказывают.

В афористике осмысление интереса представлено гораздо более вариативно, чем в пословицах. Это можно объяснить тем, что афоризмы фиксируют наблюдения о природе человека и не сводятся к рекомендациям правильного поведения. Но если пословицы, будучи анонимными суждениями, отражают (с некоторыми оговорками) национальное мировосприятие, то афоризмы носят подчеркнуто личностный характер. Значимым моментом в лингвокультурном плане, возможно, следует признать лишь отсутствие афоризмов на определенном языке на определенную тему, поскольку эта тема не актуальна для этой лингвокультуры, но для такого вывода нужно проанализировать огромное количество афоризмов.

В английском языке слово *curiosity* обозначает и любознательность, и любопытство. Суждения с положительной оценкой этого качества весьма многочисленны:

Любознательность предшествует открытию (Р. Дюк). *Любознательность побуждает нас двигаться вперед, экспериментировать, открывать новые двери* (У. Дисней). *Тот, кто потерял любознательность, уже мертв* (Дж. Блюм).

Интерес признается одной из основ человеческого поведения:

Два рычага движут людьми – интерес и страх (Наполеон Бонапарт).

Но этому суждению противоречит другое изречение:

Миром правят не интересы, а страсти (А. Шартье).

Осуждается интерес только к себе:

Интерес только к себе является врагом всех других чувств (Ф. Д. Рузвельт).

Интерес может противопоставляться сочувствию:

Мы ищем сочувствия, а получаем в лучшем случае заинтересованность (Д. Квиллар).

Отсутствие интереса к миру не является спасением от невзгод:

То, что ты не интересуешься политикой, не означает, что политика не будет интересовать тебя (Перикл).

Интерес порой основан на холодном расчете:

Политики не питают ни любви, ни ненависти. Они руководствуются не чувствами, а интересом (Ф. Честерфилд).

Любая тема может стать интересной:

На свете нет такого понятия, как неинтересная тема. Зато есть такое понятие, как безразличный человек (Г. Честертон).

Столкновения мнений делают мир интересным:

Перестав быть спорной, мысль перестает быть интересной (У. Гэзлитт).

Больше всего людей интересуют люди:

Для человека нет ничего более интересного в мире, чем люди (В. фон Гумбольдт).

Вместе с тем причины такого интереса часто бывают низкими и корыстными:

Если бы ты ведал, из какого источника текут людские суждения и интересы, то перестал бы домогаться одобрения и похвалы людей (Марк Аврелий).

Заземленность интересов гарантирует их устойчивость (Г. Малкин).

Людям свойственно интересоваться тем, что их не касается либо не заслуживает внимания:

Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается (Дж. Б. Шоу). *Люди в своем большинстве живо интересуются всем на свете, за исключением того, что действительно стоит знать* (О. Уайльд).

Вряд ли можно согласиться с суждением великого психиатра:

Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью – это значит, что он болен (З. Фрейд).

Возможно, этот вывод касается не смысла жизни, а переживания отсутствия смысла.

Ирония видна в следующих суждениях:

Если любопытство касается серьезных проблем, оно уже именуется жаждой познания (М. Эбнер-Эшенбах). *Хорошая репутация ясно доказывает, что у вас не слишком любопытные соседки* (Анон).

Осмысление интереса в афористике свидетельствует о том, что любознательность и любопытство делают жизнь интересной, но в основе такого интереса часто находятся не самые благородные мотивы. Людям свойственно интересоваться тем, что их не касается.

Следует отметить, что в самой первой библейской истории о грехопадении людей повествуется о любопытстве как причине нарушения божественного запрета:

1. *Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?*

2. *И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,*

3. *только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.*

4. *И сказал змей жене: нет, не умрете,*

5. *но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.*

6. *И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел* (Бытие, 3).

Отсюда следует, что человек должен соблюдать предписания и запреты, и одним из таких предписаний является требование контролировать свое стремление узнать нечто новое. Можно увидеть гендерное неравноправие в описании любопытства: ему поддалась именно Ева, праматерь рода человеческого. Адам оказался соучастником этого преступления и был наказан так же, как и его жена. Сказание о падшем ангеле акцентирует идею гордыни как главного греха божественных созданий, в то время как первым грехом человеческим является непослушание.

В притчах об интересе акцентируются не самые лучшие качества людей. Однозначно осуждается праздный интерес. Показателен следующий сюжет о Ходже Насреддине:

– *Мулла, пойдем быстрее! В чайхане собрались на диспут все мудрецы нашей страны! Неужели тебе не интересно посмотреть, кто победит в этом споре и кто знает истину?*

– *Что касается состязаний, то я предпочитаю петушиные бои или скачки, – ответил Насреддин. – В споре безрассудно спорящих не может родиться истина. Для этого им следовало бы прекратить любые диспуты – ведь истина говорит сама за себя. Но они ищут не истины, а лишь победы. Их спор будет разгораться все сильнее, и ни один из этих мудрецов не успокоится до тех пор, пока все остальные не будут повержены* [16].

Тезис о самоочевидности истины не бесспорен. Но анонимный автор этого текста прав в том плане, что споры об истине большей частью направлены на победу в состязании, а не на познание.

Осуждается также высокомерие тех, кто считает только свою деятельность достойной признания и похвалы. Об этом говорится в басне Ф. Кривина:

С точки зрения Печной Трубы, у всех ее кухонных домочадцев довольно-таки нелепые заботы. Кран с утра до вечера наполняет водой одни и те же ведра. Газовая Плита подогревает одни и те же кастрюли, чайники и сковородки, Топор, кроме дров, ничего не хочет рубить.

И только Печная Труба стоит выше этих узких кухонных интересов: она снабжает дымом всю вселенную [14].

Заставляет задуматься краткая философская притча о детском любопытстве, которое помогает человеку ощутить смысл жизни:

Когда я был ребёнком, отец строго-настрого запретил мне открывать дверь подвала. Но однажды детское любопытство пересилило. Я открыл дверь и увидел вещи, которых никогда раньше не видел: траву, деревья, небо, солнце...

Заслуживают внимания шутки и анекдоты, в которых осмысливаются интерес, любознательность и любопытство [1].

Нам свойственно ошибочно думать, что мы представляем интерес для других людей:

Идет конференция, выступает докладчик. Сначала зал слушал с интересом, но время шло, народ потихоньку начал расходиться. Наконец, когда доклад закончился, оказалось, что только один человек остался в аудитории. Докладчик подошел к нему и сказал: – Спасибо за Ваши интерес и терпение. – О, не стоит, – ответил мужчина, – я не мог выйти, потому что я следующий докладчик.

Интерес к жизни возрастает, если люди находятся в опасности:

Предупредительный выстрел в воздух майора Петренко добавил интереса к жизни местному парашютисту.

Трудно имитировать заинтересованность:

Нет ничего тяжелее, чем две минуты смотреть на чужом телефоне видео и изображать неподдельный интерес.

Орфографические ошибки наших оппонентов свидетельствуют о том, что нет смысла вести с ними дискуссию:

Когда аргументы в виртуальном споре заканчиваются, начинает вызывать пристальный интерес орфография оппонента.

Человек, отличающийся от большинства, обычно вызывает интерес:

Сегодня человек, не имеющий аккаунта в социальных сетях, сначала вызывает подозрение, потом интерес, после чего появляется какая-то жалость и, в конце концов, – зависть.

Материальные интересы часто ведут людей к совершению противозаконных действий:

1-й закон сохранения интересов: скорость распила пропорциональна сумме отката.

Приведенные примеры сюжетного описания интереса к разным сторонам реальности свидетельствуют о том, что такой интерес порой обусловлен не лучшими мотивами поведения, часто имитируется, но может привести нас к пониманию смысла жизни.

Подведем основные итоги.

Интерес как лингвокультурный феномен относится к важнейшим познавательным ориентирам человечества. Понятийные характеристики этого концепта сводятся к желанию субъекта узнать что-либо необычное, получая от этого удовольствие. Интересное противопоставляется скучному, при этом выделяются два вида проявления интереса – любознательность как похвальное стремление к знаниям и любопытство как осуждаемое желание узнавать чужие секреты. Образно-ситуативные характеристики этого ментального образования уточняют идею привлекательности объекта, его необычности, неожиданности и странности, иногда запретности. Ценностные характеристики этого кон-

цепта амбивалентны. В пословицах в основном дана рекомендация не проявлять любопытства. В афористике, притчах и анекдотах показаны положительные стороны любознательности, вместе с тем критически оценивается эгоистичный интерес к себе, холодный расчетливый и праздный интерес.

Список литературы

1. Анекдоты из России // URL: <https://www.anekdot.ru/search/?query=любопытство> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.
3. Бухаров В. М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 74–84.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996.
5. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.
6. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
7. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике: монография. М.: Глобал Ком, 2013.
8. Демьянков В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2007. С. 26–33.
9. Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 38–53.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
11. Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова <http://www.patriarchia.ru/bible/sir/3/> (дата обращения: 18.07.2024).
12. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.
13. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008.
14. Кривин Ф. Д. Полусказки. Ужгород: Закарпатское книжно-газетное издательство. 1964.
15. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика: монография / Пер. с нем. М.: Гнозис, 2022.
16. Лучшие притчи. Большая книга. Все страны и эпохи / Сост. Е. Мишаненкова. М.: Астрель, 2012.
17. Мамонтов А. С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения: монография. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.
18. Мангель А. *Curiositas*. Любопытство / Пер. с англ. М.: Издательский Дом Ивана Лимбаха, 2017.
19. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 18.07.2024).
20. Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007.
21. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994.
22. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография. М.: Academia, 2000.
23. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
24. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
25. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / Науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.
26. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.

27. The American Heritage Dictionary of the English Language. 5th Edition. Harper Collins, 2011.
28. British National Corpus. Британский национальный корпус // URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 18.07.2024).
29. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978.
30. Webster's New Dictionary of Synonyms / Ed. in Chief P. B. Gove. Springfield, Mass.: Merriam, 1978.

* * *

1. Anekdoty iz Rossii // URL: <https://www.anekdot.ru/search/?query=lyubopytstvo> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. V. V. Morkovkina. M.: AST-PRESS KNIGA, 2016.
3. Buharov V. M. Koncept v lingvisticheskom aspekte // Mezukul'turnaya kommunikaciya: Ucheb. posobie. Nizhnij Novgorod: Dekom, 2001. S. 74–84.
4. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / Per. s angl. M.: Rus. slovni, 1996.
5. Vorkachev S. G. Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2014.
6. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody): monografiya. M.: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 1997.
7. Dement'ev V. V. Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike: monografiya. M.: Global Kom, 2013.
8. Dem'yankov V. Z. «Koncept» v filosofii yazyka i v kognitivnoj lingvistike // Konceptual'nyj analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya: sbornik nauchnyh trudov. M.; Kaluga: IP Koshelev A. B., 2007. S. 26–33.
9. Zusman V. G. Koncept v kul'turologicheskom aspekte // Mezukul'turnaya kommunikaciya: Ucheb. posobie. Nizhnij Novgorod: Dekom, 2001. S. 38–53.
10. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
11. Kniga Premudrosti Iisusa syna Sirahova <http://www.patriarchia.ru/bible/sir/3/> (дата обращения: 18.07.2024).
12. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003.
13. Krasavskij N. A. Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turakh: monografiya. M.: Gnozis, 2008.
14. Krivin F. D. Poluskazki. Uzhgorod: Zakarpatskoe knizhno-gazetnoe izdatel'stvo. 1964.
15. Kusse H. Kul'turovedcheskaya lingvistika: monografiya / Per. s nem. M.: Gnozis, 2022.
16. Luchshie pritchi. Bol'shaya kniga. Vse strany i epohi / Sost. E. Mishanenkova. M.: Astrel', 2012.
17. Mamontov A. S. Yazyk i kul'tura: sopostavitel'nyj aspekt izucheniya: monografiya. M.: In-t yazykoznanija RAN, 2000.
18. Mangel' A. Curiositas. Lyubopytstvo / Per. s angl. M.: Izdatel'skij Dom Ivana Limbaha, 2017.
19. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 18.07.2024).
20. Pimenova M. V. Koncept serdce: Obraz. Ponyatie. Simvol: monografiya. Kemerovo: KemGU, 2007.
21. Russkij asociativnyj slovar'. Kn. 1. Pryamoj slovar': ot stimula k reakcii / Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimceva, G. A. Cherkasova. M.: Pomovskij i partnery, 1994.
22. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse: monografiya. M.: Academia, 2000.
23. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950–1965.
24. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997.
25. Sternin I. A. Opisanie koncepta v lingvokonceptologii // Lingvokonceptologiya. Vyp. 1 / Nauch. red. I. A. Sternin. Voronezh: Istoki, 2008. S. 8–20.
26. Shaklein V. M. Lingvokul'turologiya: tradicii i innovacii: monografiya. M.: FLINTA: Nauka, 2012.

Conceptualization of interest in linguistic consciousness

The paper deals with Interest as a linguacultural phenomenon. Recognizing something as interesting belongs to the most important cognitive guidelines of mankind. The conceptual characteristics of this concept are reduced to the subject's desire to learn something unusual, getting pleasure and/or benefit from it. Interesting is contrasted with boring, and two types of interest are distinguished – curiosity as a laudable desire for knowledge and curiosity as a condemned desire to learn other people's secrets. Figurative and situational characteristics of this mental formation clarify the idea of attractiveness of the object, its unusualness, unexpectedness and strangeness, sometimes forbiddenness. The value characteristics of this concept are ambivalent. In proverbs, the recommendation not to be curious is mainly given. Aphoristics, parables and anecdotes show the positive sides of curiosity, but at the same time, selfish self-interest, cold calculating and idle interest are critically evaluated.

Key words: *concept, linguistic consciousness, linguistic culture, concept, image, value.*

*Перевод аннотации на английский язык сделан автором.
(Статья поступила в редакцию 14.08.2024).

М. Ф. ШАЦКАЯ
Волгоград

КОГНАТЫ И ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ БОТАНИЧЕСКИХ И ЗООЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ)

Рассматриваются процессы номинирования фитонимов и зоонимов, являющихся когнатами или ложными друзьями переводчика в двух близкородственных языках – русском и украинском. Привлекаются данные еще одного восточнославянского языка – белорусского. Проводится подробный анализ лексикографических данных и выявляется влияние различных интра- и экстралингвальных факторов на процесс именованя.

Ключевые слова: *когнат, ложные друзья переводчика, терминоид, вторичная номинация, зооним, фитоним.*

Процесс номинирования, как известно, проходил в разных языках под влиянием интра- и экстралингвальных факторов. Языковая картина мира у народов, находящихся в близком родстве, имеет черты как сходства, так и различия. При этом ее характеризуют уникальность мотивировки номинации и аксиологичность. Выбор лингвальных

средств, служащих для отражения тех или иных реалий действительности, мог происходить на всех уровнях языка в единицах, обладающих значением.

В нашем исследовании мы предлагаем анализ номинаций, представляющих ботанические и зоологические понятия. Материалом исследования послужили данные двух близкородственных славянских языков – русского, являющегося государственным языком Российской Федерации, и украинского, относящегося к одному из официальных языков Республики Крым (см.: Конституция РФ, ст. 68; Конституция Республики Крым, ст. 10), а также привлекались отдельные факты из белорусского языка.

Термин *номинация* мы будем использовать в *статическом* аспекте как результат именованья, самое имя, а в *динамическом* аспекте акт наречения, присвоения предмету/лицу имени, «этикетки» будет отражать термин *именование* [39, с. 232]. В семасиологическом аспекте номинацию определяют либо как *предметную*, либо как *событийную* (именование ситуации) [Там же, с. 233]. Кроме того, может быть первичное именование предмета (имя употребляется впервые), а также вторичное (имя употребляется вторично). Последний тип подразделяется на *прямую* номинацию (предмет именуется впервые, но имя употребляется вторично) и *косвенную* (предмет переименовывается, имя употребляется вторично) [38; 39].

В случае вторичной прямой номинации имеет место «непрямое отображение внеязыкового объекта, опосредованное предшествующим значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание» [39, с. 129]. К вторичным прямым относятся уже существующие в языке номинации, без изменения формы, используемые для именованья нового денотата. Ко вторичным косвенным относится использование уже существующей в языке номинации одного денотата в отношении другого, сходного или смежного с ним в каком-либо отношении и имеющего собственное имя. Разница между вторичной прямой и вторичной косвенной номинациями в том, что в первом случае значения лексем – собственно номинативные, а во втором чаще всего – экспрессивно-синонимические.

Традиционно о языковой картине мира говорят применительно к вторичной прямой и вторичной косвенной номинации. В случае вторичной прямой номинации это выбор мотивационного признака, внутренней формы. В случае вторичной косвенной номинации это признак переноса значения – *tertium comparationis* (об этом и других теоретических вопросах, представленных выше, см. подробнее: [38]).

Лексемы, называющие одни и те же предметы и имеющие одинаковую семную структуру, но разные фонетическую и графическую оболочки, вошли в содержание понятия, предложенного В. Н. Телия, – *языковая карта мира* [32, с. 102–109].

В богатом массиве лингвальных единиц мы обратили внимание не на все зоонимы и фитонимы, а только на две их группы – *кознаты* и *ложные друзья переводчика* (последняя составная номинация – калька термина *faux amis*, введенного М. Кёсслером и Ж. Дероккини в работе «Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais» (1928) [40]. В «Толковом переводоведческом словаре» [23] представлено 7 значений указанного термина. Среди известных в настоящее время абсолютных и неполных эквивалентов этого понятия употребляются в лингвистических работах такие: *межъязычные омонимы*, *ложные эквиваленты*, *междуязычные аналогемы*, *междуязычные аналогизмы*, *псевдоаналогизмы*, *паронимы*; *междуязычная (лексическая) аналогия*, *межъязыковая омонимика*, *межъязыковая омонимия*, *межъязыковая паронимия*, *ложная омонимия*.

Кознаты – слова общего происхождения, восходящие к одной и той же праформе в языке-основе [3]; *ложные друзья переводчика* – это семантически разнородная категория слов, которая включает интернациональную лексику (межъязыковые относительные синонимы подобного вида), псевдоинтернациональные слова (межъязыковые омонимы) и межъязыковые паронимы [2, с. 3]. Оговоримся также, что сочетание *ложные друзья переводчика* представляет собой не *термин*, а *терминоид* (о дифференциации и

специфике *термина* и *терминоида*, а также узком и широком понимании последнего см.: [7; 22; 28; 31]). Данное составное наименование пока не преодолело «порог терминологизации», хотя и не имеет пока семантически равного и более краткого эквивалента. Кроме того, наличие коннотации в терминоиде является маркером гипотетических ловушек межъязыкового взаимодействия.

Ложные друзья переводчика связаны с проблемой симметрии/асимметрии языкового знака, поэтому это явление можно рассматривать как вид языковой интерференции, под которой понимается «регулярное смещение или сближение сходных слов», кроме того, «межъязыковая интерференция может быть интроверсивной (с чужого языка на родной) и экстраверсивной (с родного языка на чужой). И тот и другой виды интерференции характерны для носителей обоих контактных языков» [21, с. 3]. К. И. Курбанова в своей диссертации привела типологию *ложных друзей переводчика*, которые констатированы в результате анализа трех неблизкородственных языков: синонимические диапаронимы; контактные «ложные друзья»; диапаронимические сплетения [21, с. 15–16]. Причины возникновения подобных межъязыковых лингвальных единиц обычно называют следующие: 1) результат случайного формального совпадения; 2) параллельное заимствование, когда полисемант языка-источника может заимствоваться в родственные языки в разных значениях; 3) слово было заимствовано через разные языки-посредники или в одном случае непосредственно из языка-источника, а в другом – через язык-посредник; 4) изменение значения слова при заимствовании; 5) заимствование может претерпевать необъяснимые и порой весьма комичные семантические изменения в одном из языков-реципиентов и др.

Зоологические номинации (зоонимы)

Домашние птицы. Лексема *качка* в украинском и в белорусском языках обозначает утку, с русским существительным *качка* (дериват от глагола *качать*) никаких семантических связей не имеет. По лексикографической справке, эта номинация – «звуконаслідувальне утворення, пов'язане з вигуком *ках*, що відтворює крик качки» [12, с. 409]. Лексема *качка* отмечается в словаре В. Даля как ‘юж. и зап. утка’ [9, т. 2, с. 100]. *Півень* – это – ‘петух; тетерев’ [24, с. 731]. Как и русское слово, названные выше украинский и белорусский когнаты «пов'язане з *piti* «співати»; пор. аналогічні щодо семантики й творення р. *петух* від *петь*, схв. *певац* «півень» від певати «співати»» [14, с. 384]. Есть также синоним *когут* – «результат спільної для частини східних і західних слов'янських мов видозміни псл. **kokotь* «півень»; рідковживаний суфікс *-ut-* замінив функціонально тотожує з ним *-ot-*; менш переконливі спроби пояснити слово в польській і східнослов'янських мовах як запозичення з чеської мови» [12, с. 489].

Дикие птицы. Процесс метонимии лежит в основе образования когната-существительного *снігур*, которое является паронимом к русскому слову *снегирь* [24, с. 900]. Обе номинации соотнесены со словами *снег/сніг*. Как и в случае с *півень*, Ъ после мягких согласных в русском языке перешел в э, а в украинском – в і.

Существительное *чайка* в украинском языке имеет несколько значений: помимо наименования птицы *чайка* («е звуконаслідувальним утворенням від крику птаха **kē* або **kaj* звідки **čaj*» [16, с. 276]) и *чибис*, у него есть украинский омоним (либо полисемант, о чем свидетельствует гипотетичность одной из версий его происхождения), который является омонимом и к русскому слову *чайка* ‘лодка’ особой конструкции – «запозичення з турецької мови...; початковий звук *ч-* замість *ш-* з'явився, мабуть, під впливом назви птаха чайка» [16, с. 276].

Земноводные и водные. Украинский и белорусский когнат *жаба* обозначает лягушку, а не жабу (по-украински *жаба* – это *ронуха*, номинация представляет собой «запозичення з польської мови; п. *gorucha* «тс.» виводиться від давнішого **chropucha/ucha*» (псл. **korp-avь* «шерехатий»)) [15, с. 123]). Данное существительное имеет общеславян-

ское происхождение, но в ходе развития близкородственных языков закрепилось в них в разных значениях (см.: [12, с. 183] и [35, т. 2, с. 31]).

Млекопитающие. Чередование *о/і* в закрытом слоге привело к возникновению номинаций *кіт, кішка* – ‘кот, кошка’ (омофон к русскому слову *kit* и омограф к существительному *кишкá*). При склонении существительного мужского рода в первом слоге возникает гласный звук *о* и различия с русским аннулируются: *кота, коту* и т.п. По мнению М. Фасмера, русское слово *кот* и украинское *кіт* имеют общее происхождение – они заимствованы из народно-латинского *cattus* ‘дикая кошка’ [35, т. 2, с. 350].

Существительное-омофон к русской номинации *кріси* обозначает не ‘крысы’, а ‘поля шляпы’ («відігнуті краї капелюха; краї посуду, човна») очевидно, через польське посередництво запозичено з середньовісньонімецької або середньоніжньонімецької мови; свн. снн. *kritz* «риска, лінія» [13, с. 94]). Наименование *крысы* – *пацюк* [24, с. 820] – «очевидно, пов’язане з пацюк «поросся», оскільки великий жирний шур схожий на поросся; лит. *patsukas* «пацюк» запозичене з білоруської чи польської мови» [14, с. 323]. В словаре В. Даля отмечается, что *паць, пацюнъ, пасюкъ* – ‘юж. зап. большая бурая домовая крыса’ [9, т. 3, с. 23]. В значении ‘крыса’ употребляется и лексема *шур*, которая восходит к польскому *szczur* «шур, пацюк» [24, с. 953]. Кроме того, эта же номинация используется и для обозначения дождевого червя, причем происхождение ее «не зовсім ясне; найвірогіднішим є припущення <...> про його фіно-угорське походження» [16, с. 516]. В названном этимологическом словаре высказываются и другие версии происхождения данных имен существительных [Там же]. Интересно, что слово *шур* имеет такие значения: метафорическое – ‘мале худе поросся’ – образовано лексико-семантическим способом от *шур; пацюк* – ‘крыса’ по внешнему сходству [24, с. 517]; *шур, шурик* – ‘стриж, береговая ласточка’ [24, с. 953]: «утворення від звуконаслідувального кореня *šcur-*, що позначав щебетання» [16, с. 517]. В словарях современного русского языка лексема *шур* отмечается в значении ‘небольшая птица семейства вьюрковых’. В словаре В. Даля у данной лексемы приводятся значения, возникшие в разные периоды истории русского языка и родственные ему: ‘красивая птичка; ласточка; стриж’, ‘кузнечик’, ‘уж’, ‘крыса’, ‘земляной червь’ и др. [9, т. 4, с. 679].

Горілка – еще одно украинское слово-омоним русского *горилла/гориллка* (род обезьян), однако оно обозначает водку, и его происхождение «пов’язане з *горіти*; ... можливо, основою для виникнення слова стало скорочення якогось словосполучення, вживаного на позначення *горілки*, типу *горіле вино* ... або **горіла(я) вода*» [11, с. 566].

В белорусском языке можно встретить следующих *ложных друзей переводчика*, относящихся к зоологическим номинациям: *балонка* обозначает в нем, как и русский омофон *болонка*, породу домашней собаки, но известны еще и омонимичные значения – ‘аконнае шкло, шыба’ и ‘старонка кнігі, часопіса’ [4]. Существительное *трус* значит ‘кролик’ (‘невялікі хатні грызун сямейства заечых’ [34]) и *баязлівец* (‘чалавек, які лёгка паддаецца начуццю страху; баязлівец’ [34]). *Вожик* – не лидер и не вожак, а ‘ежик’ (ср.: ‘невялікі звярок атрада насякомаедных, спіна і бакі якога пакрыты доўгімі вострымі іголкамі’ [5]).

Насекомые. Лексема, в основе которой лежит глагол, образованный от звукоподражания, – *хрущ* – ‘майский жук’ от *хрускати* – ‘хрустеть’ [24, с. 933]. В словаре В. Даля фиксируется существительное *хрущъ* – ‘юж. зап. жук, жесткокрылое насекомое; майский жук, жук березовый’ [9, т. 4, с. 583], которое также соотносится с глаголом *хрустеть*. В русском языке номинация насекомого составная – *майский жук*, восходит к греческому и латинскому языкам [35, т. 2, с. 560]. *Гробак* произошло от *гроб, гробница* и обозначает червя [24, с. 622]. Это слово в современном русском языке, в отличие от украинского, лишено внутренней формы, непроемное: «переоформление с помощью суф. *-вь* старого *чървь* < **кървь*, родственного перс. *kirm-* «червь», лит. *kirmis* «червь»» [36]. Существительное *гробак* отмечено в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокга-

уза и И. А. Ефрона как 'народное название личинки хлебного жука' [8]. В. Даль пишет о лексеме *гробакъ* – 'юж. гробовой червь' [9, т. 1, с. 407]; лексикографическая фиксация в конце XX–начале XXI вв. отсутствует.

Лексемой *коник* и в украинском, и в белорусском языках номинируется кузнечик («псл. *копiкъ* «комаха, що стрибає», пов'язане з *копiкъ* «невеликий кiнь» за спiльною ознакою – здатністю стрибати» [12, с. 550]), что, вероятно, связано с их стрекотанием, похожим на бег коней, однако коником на Украине также называют и маленького коня (пони), как и в русском. Встречаем мы лексему *коникъ* с подобным значением в словаре В. Даля: 'кузнечик или кобылка' [9, т. 2, с. 157]. Кроме того, метонимично возникла номинация *коники* – «в'язiль барвистий, кучерявий горошок, очевидно, пов'язане з *коник* «малий кiнь»; назва зумовлена, найвiрогiднiше, отруйністю деяких iз цих рослин для свiйських тварин, зокрема коней» [12, с. 551]. Так же метафорично именуют березовые почки – *березовi бруньки*, хотя тут же отмечается, что «мотивація назви неясна» [12, с. 551].

Собирательное именование гнуса, а также нечистой силы получило название *погань* от *поганий* – 'плохой' [24, с. 840]. В русском языке эта просторечная лексема обозначает что-то отвратительное, поганое, скверное, а существительное *гнус* тоже имеет достаточно ясную внутреннюю форму: от прилагательного *гнусный*.

Худобой зовется в украинском языке рогатый скот, скотина (русское *худоба́* по-украински звучит как *худина*). Этимологическая информация свидетельствует о том, что лексема – «семантична видозміна слова *худоба* «убозтво» з таким розвитком значення: *худе* (вбоге) *майно* → **майно* → *худоба* «тварини як частина майна» → «усе майно»; можливо, назву майна *худоба* утворено від *худий* з табуїстичних міркувань – щоб уберегтися від зурочення» [16, с. 220]. В словаре В. Даля отмечают следующие значения существительного *худоба*: 'юж. зап. имущество вообще, вещи, скарб, хозяйство, скот, одежда' [9, т. 4, с. 585]. *Худобой* (собир.) называют до сих пор домашний скот и донские казаки [27, с. 636].

Еще одно существительное с семантикой собирательности *табун* (заимствование из тюркских языков [15, с. 500]) имеет лексическую валентность не только со словом *лошадь*, но и, в отличие от русского слова, может употребляться в значении 'стая, косяк' [24, с. 913]. Таковую же широкую сочетаемость отмечает для этого существительного В. Даль, подчеркивая, что в некоторых местных говорах употребляют '*табун белок, гусей, рыбы*; стая, рунó, юрово' [9, т. 4, с. 395], Схожая синтагматика присутствует в донских говорах – 'стадо коров, свиней' [27, с. 583].

Ботанические номинации (фитонимы)

Наименования растений и цветов. Слово *баба/бабка*, как свидетельствуют материалы этимологического словаря украинского языка [11, с. 104], употребляется в двух значениях – 'подорожник' и 'гриб-зонтик'. В первом случае номинация соотносится, возможно, с бабками-знахарками, которые собирали это лекарственное растение. Второе употребляется еще в значениях 'підберезовик, червоноголовець; шершавий гриб', внутренняя форма которого метафорична, слово, «очевидно, пов'язане з бабчитися «морщитися, м'якнути», рус. *обабитъся* «розпаритися, обм'якнути»; назва могла бути зумовлена м'якістю, в'ялістю відповідних грибів; менш переконливі пов'язання ... з *баба* «пень» на тій підставі, що *обабки* ростуть купками, і зіставлення *обабок* з *опеньок*» [11, с. 105]. В словаре В. Даля находим *бабки* – 'растение голыш, вид шалфея' [9, т. 1, с. 34], и в донских говорах тоже отмечено значение лексемы *бабка* как фитонима – 'растение с душистыми цветками, используемое в медицине; шалфей' [27, с. 583]). Кроме того, известно наименование одуванчика *кульбаба*, оно связано с существительным *бабка*, однако происхождение лексемы *кульбаба* «не зовсім ясне; з одного боку, може бути пов'язане з бр. [папка] «кульбаба», [папки, пупок] «тс.», [папаука] «жовтило», [пупака, пупкі], р. *пупавка*, укр. [пупки] «тс.», пуп'янок; паралелізм фонетичних

варіантів основи **bab-*: **rap-* «набрякати» припускається вже для індоєвропейської прамови ...; назви могли стосуватися зовнішнього вигляду квіткових пуп'янків рослин або кулястої форми відцвілого суцвіття кульбаби; з другого боку, ... зв'язок з *баба* «стара жінка; знахарка» [11, с. 105]. В. Даль тежє отмечає названне вище значення: *кульбаба* – ‘юж. одуванчик, желтый цикорий’ [9, т. 1, с. 220].

Лексемой *рожа* (это не эквивалент русского просторечного слова *рожа*; по-українски это *пика, морда, рило, мармиза*) обозначается мальва, шток-роза. Как свидетельствуют данные этимологического словаря, существительное *рожа* – «запозичення з польської мови; п. *roża* ... через німецьке посередництво походить від лат. *rosa*» [15, с. 103]. Известны также составные номинации *рожа борова* – «герань криваво-червона», *рожа водна* – «вікторія амазонська», *рожа русальна (русальчана)* – «півонія лікарська», *рожа японська* – «камелія» [15, с. 102]. Собственно *роза* по-українски именуется *троянда* [24, с. 920]: «запозичення з новогрецької мови; нгр. *трибсута* «тридцять (пелюстків)» виникло в результаті скорочення назви ..., букв. “тридцятилисок”» [15, с. 653].

Внутренняя форма слов, как мы уже убедились, может выполнять изобразительно-выразительную функцию: например, слово *пролісок, проліс, первоцвіт*, где тежє прослеживается скрытый смысл. Так, *пролісок, проліска* – «підсніжник звичайний, ... не цілком ясне; виводилось ... з реконструйованого **proležьka* як похідного від **proležti* «пролізти» (підсніжники пролізають із-під снігу)» [14, с. 596]. Как видим, русская номинация базирується на субстантивній основі, українська – на глагольній.

Интересные данные о *ложных друзьях переводчика* среди фитонимов представлены и в другом восточнославянском языке.

В белорусском лексема *ветвь* звучит как *галіна* (мн. *галіны*, бел. собир. *галлѐ*) – ‘бакавы адростак на ствале дрэва; сук з веццем’ [6], – что омонимично русскому антропониму. Лексема *хвоя*, по сравнению с русским языком, развила иное значение: так в белорусском языке именується *сосна* (‘вечназялёнае дрэва сямейства хваёвых з высокім прамым ствалом і доўгай ігліцай; сасна’ [30]). Смысл другой, хотя и близкий. А вот непосредственно *хвоя* в белорусском звучит как *ігліца* (ср.: ‘зборны назоўнік Іголкападобнае лісце хвойных дрэў і кустоў’ [17], второе значение – ‘адзін ліст хвойных дрэў і кустоў дрэвьев’ [17]). *Канюшина* обозначает *клевер* (‘атрымала сваю беларускую назву за тое, што падабаецца каням, бо з’яўляецца салодкай’ [19]); как фитоним эта номинация отмечена и в словаре В. Даля: *конюшина* – ‘конский щавель’ [9, т. 2, с. 158].

Две номинации *братаўка* и *братсястра* передают название двух видов однолетних полупаразитных растений рода марьянник – *иван-да-марья*; *кукла* употребляется не только в прямом значении – ‘род жаночай прычоскі: сабраныя ў касу і закручаныя ззаду валасы’, но и в метафорическом – ‘буто́н’. Лексемой *падарожнік* обозначается ‘попутчик, путешественник’ (‘чалавек, які падарожнічае, вандруе; вандроўнік’ [25]) и растение (‘тое, што і трыпутнік’ [25]). Первая номинация является омофоном к русскому фитониму *подорожник*.

Плоды (ягоды и фрукты). Афины (мн. ч.; диал.; омограф, с ударением на первом слоге; начальная форма *а́фина*) – ‘черника’, а не город Афины (в украинском языке он пишется – *Афіни*). Фитоним – «запозичення з румунської мови; етимологічно неясне; зіставлялося... *Affen-béere* (бот.)... букв. «мавп’яча ягода», назва якої складається з іменників *Affe* «мавпа» та *Béere* “ягода”» [11, с. 99].

Порічка – это ягода, что растет у реки, – такая внутренняя форма у данной номинации, которая обозначает *смородину* в украинском языке [24, с. 848] (ср.: «очевидно, запозичення з польської мови; *porzeczka* ростуть понад річками» [14, с. 523]). О происхождении русского слова *смородина* можно прочесть в этимологическом словаре: «суффиксальное производное от *сморода*, того же корня, что и *смердеть, смрад*. Название растению было дано по сильному и терпкому запаху черной смородины» [29].

Можно принять за номинации птиц существительные *журавлина*, *суниця* и *полуниця*, однако это названия ягод. *Журавлина* – ‘клюква’ [24, с. 659] – этимологически связана с наименованием птицы: «назва виникла, мабуть, унаслідок скорочення словосполучки журавлина ягода; ця рослина росте на болотах, де водяться журавлі» [12, с. 210]. В современном русском языке *клюква* – непроизводная номинация (ср.: «Первоначальное *клюкы* > *клюква* (как *тыкы* > *тыква*) – суффиксальное производное от той же основы, что и *клюкать*, *ключ* (1) «родник», диал. ключевина «болото» и т.п. (восходящие к звукоподражанию *клю*, *хлю*, см. *хлюпать*, *хляби* (небесные)). *Клюква* названа, скорее всего, по преимущественному месту произрастания (на болотах) (ср. боровик, багульник)» [20]). Обе номинации – *журавлина* (укр.) и *клюква* (русс.) – тематически связаны с болотом, только в первом случае преобладало влияние зоонима, во втором – локуса. В словаре В. Даля отмечаются обе номинации – *клюква* и эквивалентные или паронимичные второй лексеме, ср.: *клюква* – ‘журавик(н)а, журавлина, жарова, жа(у, е)равица, жеравины, весняки’ [9, т. 2, с. 123]; *журавина* тер., влд., *журавиха* ярс., *журавлиха* влг., *журавлица* ол. – ‘кустик и ягода клюквы’ [9, т. 1, с. 563–564]. В украинском языке следует различать два прилагательных: *журавлинний* – ‘клюквенный’; *журавлиний* (с одной Н) – ‘журавлиный’.

Лексемой *суниця* была названа (лесная) земляника [24, с. 911]: «псл. **sqnica*, утворене за допомогою префікса *sq-* «су-» від *nisь* «обернений вниз», *niknqti* «никнути, схилитися додолу, нахилитися» (букв. «поникла, нахилена до землі ягода»)» [15, с. 476]. Как видим, украинская номинация и этой ягоды тоже тематически близка русской: для первой производящей базой стал глагол, для второй – имя.

Полуниця (напоминает русское слово *полночь*, но это не *полуночица* и не *полнолуние*) – ‘клубника’ [24, с. 846], происхождение существительного «не зовсім ясне; можливо, пов’язане з *паленіти* (< **поленіти*?) «яскраво горіти; червоніти, [дозрівати]», [паліти] «червоніти, рум’яніти» з огляду на яскраво-червоний колір ягоди» [14, с. 505], по другой версии, это трансформация от *полевницы*, «полевой ягоды». Русское слово произошло от собственно русского *клуб* – «образовано от основы *клубн-* (см. *клубень*) с помощью суф. *-ик-* (ср. *земляника*, *костяника* и под.). Название дано по круглой («клубневой») форме ягод» [37, с. 199].

Паронимичное русской номинации *горох* слово *gorix* обозначает ‘орех’. Относительно происхождения русского и украинского слов есть следующая этимологическая справка: «початкове **o** в слов’янських мовах, як і початкове **V** в полабській, є префіксом, приєднаним до основи дієслова *gěšiti* «(розв’язати), спорідненої з лит. *rieš-* у похідній назві *riešutas* «горіх», *rišti* «зв’язувати, розв’язувати»; назва в такому разі мотивується тим, що ліщинові горіхи родять в’язками, купками; **г** в українській мові вторинне...» [11, с. 567]. Мы могли убедиться, что слова близкородственных языков восходят к одному корню.

Точно так же, как *півень* не связан с пивом, так и *квасоля* – с квасом. Эта лексема в украинском языке имеет значение ‘фасоль’: «хвасоля, квасолина, через польське посередництво запозичено з середньовісньонімецької мови» [12, с. 416]. Как известно, буква **ф** заимствована русским языком из греческого языка.

Сливки, мн.ч., обозначают в украинском языке только плоды сливы (к русскому слову это омоформа), но не (молочные) сливки (по-украински – *вершки*, связаны с *верх*, *верхний*): ср. *сливка* – «слива; остаточно не з’ясоване; здебільшого тлумачиться первісно як назва синюватого кольору і в такому разі зіставляється з лат. **livos* «синюватий» [15, с. 298] (см. также: [35, с. 670]).

И в украинском, и в белорусском существительным *гарбуз* – это тыква [24, с. 610], а не арбуз (для передачи этого понятия служит другой тюркизм – *кавун*; см.: [11, с. 472] и [12, с. 336]; в словаре В. Даля отмечается, что в значении ‘тыква’ *гарбуз* употребляется в Малороссии [9, т. 1, с. 353]; в донских говорах и сейчас существуют оба значения –

‘арбуз’ и ‘тыква’ [27, с. 105]). Украинская лексема, омоним русскому слову, *тіква* обозначает *лагенарию* (или Горлянка, или Горлянка обыкновенная, или Тыква горлянка или Тыква бутылочная, или Лагенария змеевидная, или Огурец индийский, или Кабачок вьетнамский, или Калаба). Причем именно из нее, *тыквы бутылочной*, делались посудыны для воды и вина, называемые *тиквця* – «посудина з тикви» псл. **туку* выводит від **тукати* «тикати», вважаючи, що тикву вирощували на тичках (щоб плоди висіли і були правильної форми)» [15, с. 566] (*тичка* – «довга палиця, жердина для підтримування витких рослин, підпирання гілок плодових дерев, для розвішування рибальських сіток і т. ін.» [33]).

Часнік – ‘чеснок’ (омофон к русскому слову *ча́стник*, по-украински *приватник*). Наименование растения и его плодов «виникло на основі субстантивациі прикметника *česnъ* «те, що відчісується (відокремлюється)» (про зубки часнику), похідного від дієслова *česti* (*česati*), укр. *чесати*, ... рефлексі початкового субстантивованого прикметника *česnъ* збереглися частково лише в південнослов’янських мовах, тим часом в інших, у тому числі й в українській, до початкової форми приєднано суфікси *-ькъ, -ікъ, -акъ*» [16, с. 283].

Интересны *ложные друзья переводчика*, номинирующие плоды, представленные в белорусском языке. Так, собирательная семантика у слов *агародніна*, ж. – овощи, мн. (‘карані, клубні, зяленіва агародных раслін’ [1]) – и *садавіна* – фрукты, мн. (‘пады садовых дрэў’ [26]). Лексемой *ігрушка* (от *ігрушавы* – ‘які мае адносіны да грушы’ [18]) обозначается грушевое деревце и мелкий плод груши. *Дзічка* – это не дикарка или просто странноватая девушка, а плод дикорастущей яблони/груши (прямое значение – ‘дзікая, не прышчэпленая груша або яблыня’ [10], метонимическое – ‘плод дзікай ігрушы або яблыні’ [10]). Русское слово *дичка/дичок* имеет более широкое значение по сравнению с белорусским – ‘непривитое плодое дерево’, а вот в донских говорах оно функционирует в сходном с белорусским значении ‘дикая яблоня или груша’ [27, с. 141]).

Исследование *когнатов* и *ложных друзей переводчика* показало основные причины появления таких лексем: 1) когнаты образуются в основном в результате различных фонетических процессов (*півень, снігур, кіт*) или лексико-семантическим путем в результате метафоризации (*коник* ‘кузнечик’, *коники* ‘березовые почки’, *бабка* ‘гриб’) или метонимизации (*коники* ‘растение’, *бабка* ‘подорожник’, *худоба*); 2) ложные друзья переводчика часто являются случайным совпадением слов в трех близкородственных языках, что квалифицируется как различные случаи полной или частичной омонимии (*качка, криси, горілка, Афини*). Кроме того, есть случаи расширения или сужения синтагматических возможностей (*табун* и *хвоя*), варьирования процесса семантической деривации (*погань/гнує*), влияния звукоподражания (*хрущ*).

Большая часть представленных в статье лексем тематически связаны, т.е. являются зоонимами (*кіт, качка*) или фитонимами (*гарбуз, рожжа*). Некоторые слова не имеют отношения к исследуемой тематической группе (*криси, балонка*).

Список литературы

1. Агародніна // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/2345> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Акуленко В. В. Ложные друзья переводчика. М.: Дрофа, 1969.
3. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1992.
4. Балонка // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/8881> (дата обращения: 14.06.2024).
5. Вожык // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/12944> (дата обращения: 07.06.2024).
6. Галіна // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/16448> (дата обращения: 02.06.2024).
7. Гринев С. В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008.
8. Гробак // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/32651/Гробак (дата обращения: 29.06.2024).

9. Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка: В 4 т. СПб.: Гостиный двор; М.: Кузнецкій мостъ, 1880–1882.
10. Дзічка // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/20492> (дата обращения: 13.06.2024).
11. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 1: А–Г / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 1982.
12. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 2: Д–Копці / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 1985.
13. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 3: Кора–М / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко; Укладачі: Р. В. Болдирев, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, О. С. Мельничук, Г. П. Півторак, А. Д. Пономарів, Н. С. Родзевич, В. Г. Скляренко, І. А. Стоянов, А. М. Шамота. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 1989.
14. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 4: Н–П / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, Г. П. Півторак, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко; Укладачі: Р. В. Болдирев, В. Т. Коломієць, А. П. Критенко, О. С. Мельничук, Г. П. Півторак, А. Д. Пономарів, В. Г. Скляренко, І. А. Стоянов, В. А. Ткаченко, О. Б. Ткаченко, А. М. Шамота. НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 2003.
15. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 5: Р–Т / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, Г. П. Півторак, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко; Укладачі: Р. В. Болдирев, В. Т. Коломієць, А. П. Критенко, О. С. Мельничук, Г. П. Півторак, А. Д. Пономарів, В. Г. Скляренко, І. А. Стоянов, В. А. Ткаченко, О. Б. Ткаченко, А. М. Шамота. НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 2006.
16. Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. 6: У–Я / Ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.), В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, Г. П. Півторак, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко; Укладачі: Р. В. Болдирев, В. Т. Коломієць, А. П. Критенко, О. С. Мельничук, Г. П. Півторак, А. Д. Пономарів, В. Г. Скляренко, І. А. Стоянов, В. А. Ткаченко, О. Б. Ткаченко, А. М. Шамота. НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наукова думка, 2012.
17. Ігліца // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/29202> (дата обращения: 10.06.2024).
18. Ігрушка // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/18133> (дата обращения: 12.06.2024).
19. Канюшына // Вікіпедія. URL: <https://be.wikipedia.org/wiki/Канюшына> (дата обращения: 12.06.2024).
20. Клюква // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://etymological.academic.ru/1986/клюква> (дата обращения: 24.06.2024).
21. Курбанова К. И. Типологическое описание «ложных друзей переводчика» при контакте французского, английского и русского языков: автореф. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2012.
22. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009.
23. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
24. Новейший русско-украинский, украинско-русский словарь. Харьков: Промінь, 2008.
25. Падарожник // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/50619> (дата обращения: 02.06.2024).
26. Садавіна // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/74059> (дата обращения: 01.07.2024).
27. Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
28. Сложеникина Ю. В. Классификация терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 4–5. С. 51–71.
29. Смородина // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://etymological.academic.ru/4784/смородина> (дата обращения: 30.06.2024).
30. Сосна // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/90569> (дата обращения: 01.07.2024).
31. Татаринев В. А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М.: Моск. Лицей, 1996.
32. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
33. Тичка // Словник української мови у 20 томах. URL: <https://1677.slovaronline.com/139842-тичка> (дата обращения: 21.06.2024).

34. Трус // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/83899> (дата обращения: 02.06.2024).
35. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.
36. Червь // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://etymological.academic.ru/5958/червь> (дата обращения: 28.06.2024).
37. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
38. Шестак Л. А., Алешенко Е. И., Шацкая М. Ф. Славянские языковые картины мира: монография. Волгоград: Перемена, 2023.
39. Языковая номинация / Отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.
40. Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs). Vuibert, 1928.

* * *

1. Agarodnina // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/2345> (дата обращения: 10.06.2024).
2. Akulenko V. V. Lozhnye druž'ya perevodchika. M.: Drofa, 1969.
3. Akulenko V. V. Voprosy internacionalizacii slovarnogo sostava yazyka. Har'kov: Izd-vo Har'k. un-ta, 1992.
4. Balonka // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/8881> (дата обращения: 14.06.2024).
5. Vozhyk // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/12944> (дата обращения: 07.06.2024).
6. Galina // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/16448> (дата обращения: 02.06.2024).
7. Grinev S. V. Terminovedenie. M.: Izd. centr «Akademija», 2008.
8. Grobak // Enciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/32651/Grobak (дата обращения: 29.06.2024).
9. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka: V 4 t. SPb.: Gostinyj dvor; M.: Kuzneckij most», 1880–1882.
10. Dzichka // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/20492> (дата обращения: 13.06.2024).
11. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 1: A–G / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), I. K. Bilodid, V. T. Kolomic', O. B. Tkachenko. AN URSSR. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 1982.
12. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 2: D–Kopci / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), V. T. Kolomic', O. B. Tkachenko. AN URSSR. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 1985.
13. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 3: Kora–M / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), V. T. Kolomic', T. B. Lukinova, V. G. Sklyarenko, O. B. Tkachenko; Ukladachi: R. V. Boldirev, V. T. Kolomic', T. B. Lukinova, O. S. Mel'nichuk, G. P. Pivtorak, A. D. Ponomariv, N. S. Rodzevich, V. G. Sklyarenko, I. A. Stoyanov, A. M. Shamota. AN URSSR. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 1989.
14. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 4: N–P / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), V. T. Kolomic', T. B. Lukinova, G. P. Pivtorak, V. G. Sklyarenko, O. B. Tkachenko; Ukladachi: R. V. Boldirev, V. T. Kolomic', A. P. Kritenko, O. S. Mel'nichuk, G. P. Pivtorak, A. D. Ponomariv, V. G. Sklyarenko, I. A. Stoyanov, V. A. Tkachenko, O. B. Tkachenko, A. M. Shamota. NAN Ukraïni. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 2003.
15. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 5: R–T / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), V. T. Kolomic', T. B. Lukinova, G. P. Pivtorak, V. G. Sklyarenko, O. B. Tkachenko; Ukladachi: R. V. Boldirev, V. T. Kolomic', A. P. Kritenko, O. S. Mel'nichuk, G. P. Pivtorak, A. D. Ponomariv, V. G. Sklyarenko, I. A. Stoyanov, V. A. Tkachenko, O. B. Tkachenko, A. M. Shamota. NAN Ukraïni. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 2006.
16. Etimologichnij slovník ukraïns'koï movi: V 7 t. T. 6: U–Ya / Red. kol.: O. S. Mel'nichuk (gol. red.), V. T. Kolomic', T. B. Lukinova, G. P. Pivtorak, V. G. Sklyarenko, O. B. Tkachenko; Ukladachi: R. V. Boldirev, V. T. Kolomic', A. P. Kritenko, O. S. Mel'nichuk, G. P. Pivtorak, A. D. Ponomariv, V. G. Sklyarenko, I. A. Stoyanov, V. A. Tkachenko, O. B. Tkachenko, A. M. Shamota. NAN Ukraïni. In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kiev: Naukova dumka, 2012.
17. Iglia // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/29202> (дата обращения: 10.06.2024).

18. Igrushka // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/18133> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
19. Kanyushyna // Vikipedyya. URL: <https://be.wikipedia.org/wiki/Kanyushyna> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
20. Klyukva // Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. URL: <https://etymological.academic.ru/1986/klyukva> (data obrashcheniya: 24.06.2024).
21. Kurbanova K. I. Tipologicheskoe opisanie «lozhnyh družej perevodchika» pri kontakte francuzskogo, anglijskogo i russkogo yazykov: avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2012.
22. Lejchik V. M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. 4-e izd. M.: Librokom, 2009.
23. Nelyubin L. L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. M.: Flinta: Nauka, 2003.
24. Novejšij russko-ukrainskij, ukrainsko-russkij slovar'. Har'kov: Promin', 2008.
25. Padarozhnik // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/50619> (data obrashcheniya: 02.06.2024).
26. Sadavina // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/74059> (data obrashcheniya: 01.07.2024).
27. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / Avt.-sost. R. I. Kudryashova, E. V. Brysina, V. I. Suprun; pod red. R. I. Kudryashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.
28. Slozhenikina Yu. V. Klassifikacija terminologicheskikh variantov // Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2015. № 4–5. S. 51–71.
29. Smorodina // Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. URL: <https://etymological.academic.ru/4784/smorodina> (data obrashcheniya: 30.06.2024).
30. Sosna // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/90569> (data obrashcheniya: 01.07.2024).
31. Tatarinov V. A. Teoriya terminovedeniya: V 3 t. T. 1. Teoriya termina: Istoriya i sovremennoe sostoyanie. M.: Mosk. Licej, 1996.
32. Teliya V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.
33. Tichka // Slovník ukraíns'koï movi u 20 tomah. URL: <https://1677.slovaronline.com/139842-tichka> (data obrashcheniya: 21.06.2024).
34. Trus // Skarnik. URL: <https://www.skarnik.by/tsbm/83899> (data obrashcheniya: 02.06.2024).
35. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Per. s nem. i dop. O. N. rubacheva; pod red. B. A. Larina. 2-e izd. M.: Progress, 1986–1987.
36. Cherv' // Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. URL: <https://etymological.academic.ru/5958/cherv'> (data obrashcheniya: 28.06.2024).
37. Shanskij H. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Pod red. chl.-kor. AN SSSR S. G. Barhudarova. M.: Prosveshchenie, 1971.
38. Shestak L. A., Aleshchenko E. I., Shackaya M. F. Slavyanskije yazykovye kartiny mira: monografiya. Volgograd: Peremena, 2023.
39. Yazykovaya nominaciya / Otv. red. B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimceva. M.: Nauka, 1977.

***Cognates and false friends in closely related Slavic languages
(based on the botanic and zoological nominations)***

The processes of nominating the phytonyms and zoonyms, that are cognates and false friends in two closely related languages – Russian and Ukrainian, are considered. The data of another East Slavic language – Belarusian is involved. The detailed analysis of the lexicographical data is conducted and the influence of different intra- and extralingual factors on the nominating process is discovered.

Key words: *cognate, false friends, terminoid, secondary nomination, zoonym, phytonym.*

(Статья поступила в редакцию 29.08.2024).

К. И. НЕКРАСОВА

Л. Г. ВАСИЛЬЕВ

Калуга

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ АРГУМЕНТИРУЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: К КОГНИТИВНО-СТИЛЕВОМУ АНАЛИЗУ

Представлен лингвоперсонологический анализ манифестаций интенционального уровня аргументативного дискурса с ориентацией на теорию когнитивных стилей. Описаны особенности эксперимента и их последующая лингвистическая интерпретация. Рассмотрены семантические особенности дискурсов респондентов-носителей крайних полюсов когнитивного стиля «конкретная/абстрактная концептуализация», а именно, языковые черты «директивность», «центрированность/децентрированность».

Ключевые слова: когнитивный стиль, языковая личность, интенциональный уровень, языковые черты, директивность, центрированность/децентрированность.

При осуществлении дискурсивной деятельности по созданию результирующего текста языковая личность как субъектная ипостась общения вкладывает в этот текст некоторый коммуникативно значимый смысл, который индивидуализируется в зависимости от психологических и социальных характеристик, интеллекта и способа оперирования когнитивными продуктами. Это дает основание специфицировать исследование языковой личности, используя парадигму когнитивных стилей. Поэтому понятию «когнитивный стиль» может быть придано лингвистическое осмысление, что позволяет получить немаловажный механизм феноменализации дискурсивной деятельности субъекта.

Следует признать, что теория языковой личности, в общем, чувствовала себя достаточно уютно и без обращения к собственно психологическим изысканиям, к коим и принадлежит теория когнитивных стилей [12]. Вместе с тем, как и всякая серьезная научная парадигма, она вполне допускает ряд расширений. Изучение уровневой структуры языковой личности через призму когнитивного стиля проводилось в калужской лингвоаргументологической школе (включая ее удмуртский «филиал») [1; 2; 4; 5; 7; 8; 11]. В настоящей статье в рамках данной концепции изложены результаты изучения одного из типов когнитивного стиля – «конкретная/абстрактная концептуализация» – и их лингвистическое осмысление.

В ходе первого этапа экспериментального исследования для определения принадлежности респондентов к полюсам когнитивного стиля «конкретная /абстрактная концептуализация» нами была использована адаптированная методика незаконченных предложений О. Харви [15]. Исходя из 4-х уровней структурной организации концептуализации личности, предложенных Дж. Кэрроллом [14] и дополненных в [3] и [13], был выделен ряд языковых характеристик, отражающих каждый из уровней концептуализации. Исследованию подвергались респонденты-представители крайних полюсов исследуемого когнитивного стиля.

Следующий этап эксперимента представлял собой изложение аргументации предъявляемого текста. Респонденты могли прослушать и прочитать текст с последующим письменным восстановлением проблемы, выдвигаемой автором, и аргументов в защиту своей точки зрения.

Результаты эксперимента подверглись лингвистической интерпретации в соответствии с моделью языковой личности, предложенной С. А. Сухих. В ней языковая лич-

ность понимается как «сложная многослойная функциональная система, включающая три уровня: владения языком (языковая компетенция), владение способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативная компетенция) и знание мира (тезаурус)» [11, с. 200]. Данный подход, как представляется, наследует определенные выкладки тверской семантико-синтаксической школы И. П. Сусова (учеником которого является и автор статьи Л. Г. Васильев) о многоуровневом процессе порождения предложения, где, заметим, глубинный уровень ни языковым, ни коммуникативным, ни даже тезаурусным еще не является, а уходит в логико-когнитивную сферу потенций ступенчатых восхождений, – если принять гегелеву схему диалектического движения от чувственно-конкретного (в данном случае – стимула) к абстрактно-обобщенному и далее – к абстрактно-конкретному. С. А. Сухих считает возможным построение типологии коммуникантов на основании выделения языковых черт, которые характеризуют предрасположенность (или склонность) субъекта общения к определенному способу вербального поведения.

Под языковой чертой понимается устойчивая и повторяющаяся особенность вербального поведения человека, реализуемая на трех уровнях дискурса: экспонентном, субстанциональном и интенциональном, каждый из которых имеет свои языковые маркеры [10]. Тем самым автор различает дискурсивный (с тремя аспектами) и текстовый планы речевой деятельности человека. Следуя этой интерпретации, мы можем определить дискурс как процесс создания / понимания речевого продукта, а текст – как его вербально-знаковый (и письменный, и устный) результат.

Популярное, но во многом образное определение дискурса Н. Д. Арутюновой (*дискурс есть текст, погруженный в жизнь*), в случае анализа рецептивно-продуктивной деятельности представляет эту дихотомию как (а) сигнал (текст), подлежащий анализу и выявлению в нем знаковых маркеров уровней языковой личности и компонентов аргументации, и (б) мыслительную деятельность (своеобразную дискурсивную «жизнь»), направленную на этот исходный овеществленный вербально-знаковый продукт.

В данной статье мы излагаем результаты анализа интенционального уровня рецептивно-продуктивной деятельности языковой личности. На уровень интенциональной организации дискурса, куда входят система речевых действий, диалогическая модальность, коммуникативные схемы и стратегии, проецируется коммуникативная компетенция.

В настоящей статье на интенциональном уровне дискурсы респондентов исследуются по следующим двум параметрам – *директивность* и *центрированность/децентрированность*. Согласно В. Ю. Зайцевой, «директивность характеризуется склонностью коммуникантов совершать речевые действия регулятивного класса жесткой императивности – приказов, рекомендаций, одергиваний, упреков, угроз, а также опираться на жесткие коммуникативные стратегии, связанные зачастую с нарушением постулатов кооперативности» [4, с. 113]. *Центрированность* характеризуется как доминирование своей самооценки. Это проявляется в неумении слушать других, злоупотреблении правом говорящего избыточно употреблять личные местоимения (*это, по нашему мнению, уже экспонентный уровень – К. Н., Л. В.*) и ссылаться на собственный опыт и знания, т.е. подчеркивать собственную значимость. *Децентрированность* характеризуется как способность становиться на позицию партнера и, соответственно, адекватно оценивать себя.

В текстах «конкретных» респондентов черта *директивность* отражена достаточно ярко. Исследование показало, что примерно 30% опрошенных использовали в своих ответах категоричные утверждения, что может указывать на их эмоциональную вовлеченность в ситуацию и выражение негативного отношения к проблеме исходного текста:

Пример 1: *Необходимо совершенствовать технологии, которые способны сделать нашу жизнь проще.*

Пример 2: *Для того чтобы критически мыслить, нужно уделять внимание самостоятельному поиску.*

Пример 3: *Внедрение ИИ в нашу жизнь неизбежно, технологии не должны стоять на месте, они должны служить на благо обществу.*

Пример 4: *Персонализация обучения – тенденция нового времени, новой эпохи, и мы вынуждены под это подстраиваться.*

В дискурсе данной группы респондентов логическая модальность необходимости реализуется с помощью слов со значением модальности *необходимо, нужно, следует, должен*.

Дискурсы испытуемых с полюсом «абстрактность» также обнаружили языковую черту *директивность* (43% исследуемых текстов).

Пример 1: *Участники образовательного процесса должны понять, что использовать ИИ надо во благо, а не во вред.*

Пример 2: *Необходимо изучать риски и валидность алгоритмов нейросетей.*

Следует отметить, что наличие языковой черты *децентрированность/центрированность* не предполагалось в дискурсах испытуемых в силу особенностей предъявляемого задания эксперимента, где мнение респондента не запрашивалось, что исключало проявление такой черты, как *центрированность*.

Тем не менее 32% текстов «конкретных» испытуемых обнаружили признаки явной *центрированности* – очевидно, в силу «высокой личной автономности и стабильного образа «Я». Респондентам данного полюса свойственно полагаться на свой собственный опыт и свои знания, поэтому в текстах часто встречаются соответствующие вербализации» [9, с. 1006].

Пример 1: *Проблема, которая возникает в связи с использованием ИИ, на мой взгляд, – это чрезмерное его использование, могу сказать на собственном опыте.*

Пример 2: *Я разделяю мнение автора, ведь он обращает внимание читателя на отрицательное влияние ИИ и ставит под сомнение его использование в образовании.*

Пример 3: *Я считаю, что именно эта проблема вызывает наибольшую тревогу, так как дети просто перестанут думать.*

Пример 4: *Я глубоко убеждена, что решение данной проблемы лежит на поверхности, нужно минимизировать, ограничить использование ИИ среди учащихся.*

Анализируя тексты «абстрактных» респондентов, мы отметили, что черта *центрированность* представлена минимально, что обусловлено менее жесткой структурой собственного «Я».

Что касается черты *децентрированность*, то во всех текстах респондентов обоих полюсов она проявляется в виде вербализации указаний на третьих лиц и ссылкой на слова автора. В 43 текстах «конкретных» респондентов часто, практически в 80% ответов, упоминается автор исходного текста (*автор выдвигает проблему; автор видит решение, автор не разделяет, автор полагает, автор мыслит иначе* и т.д.), что также обусловлено предъявленным заданием, но ссылка на собственное мнение автора встречается достаточно редко, примерно в 10% текстов. Это также можно считать ярким проявлением «конкретности», когда лица данного полюса активно проявляют себя и выступают не в роли созерцателя, а в роли активного участника.

Пример 1: *Автор явно не разделяет всеобщего помешательства на огульном использовании ИИ.*

Пример 2: *Рассказчик пытается донести до читателя, что нейросети не всегда положительно влияют на нашу жизнь.*

Пример 3: *Автор задумывается о правильности решения внедрения нейросетей в образовательный процесс, он считает, что интеграция бездушной машины в атмосферу занятия не скажется положительно на результате обучения;*

Пример 4: *Автор статьи говорит о том, что даже студенты не так воодушевлены полной заменой реальных занятий от преподавателя на курсы, созданные нейросетями.*

В большинстве текстов «абстрактных» респондентов ярко выражена черта *децентрированность*. Примерно в 60% текстов респонденты избегают упоминаний себя. Это также может быть обусловлено рядом психологических особенностей, таких как гибкость мыслительных процессов, свобода от непосредственных свойств ситуации, независимость от мнения автора.

Пример 1: *ИИ играет все более важную роль в сфере образования, но важно использовать его разумно и ответственно, чтобы максимально раскрыть его потенциал для улучшения качества обучения и создания более справедливого и доступного образования для всех.*

Пример 2: *Переизбыток использования ИИ может привести к потере самостоятельной работы и критического мышления. Можно говорить и о проблеме конфиденциальности данных. Важно гарантировать безопасное и ответственное использование данных учащихся.*

Принимая во внимание вышесказанное, мы приходим к выводу, что языковая черта *директивность* представлена в дискурсах как «абстрактных», так и «конкретных» респондентов. Полагаем, что таким образом испытуемые демонстрируют свою вовлеченность, неиндифферентное отношение к проблеме, описываемой в предъявляемом тексте, и в силу возрастных особенностей и социального статуса стремятся найти ее решение, чем обусловлено большое количество языковых маркеров модальности [9].

Черта *центрированность* особенно представлена в дискурсах «конкретных» респондентов, на что указывает частое использование личных местоимений, апелляция к собственному мнению, что свидетельствует о неспособности реагировать на действительность вне сферы личностного восприятия.

Что касается дискурсов «абстрактных» респондентов, языковая черта *центрированность* практически не выражена, но явно представлена черта *децентрированность*, что говорит о гибкости индивидов данного полюса, гипотетичности, открытой познавательной позиции, независимости от мнения автора/экспериментатора [9].

Таким образом, анализ респонсивного дискурса (термин введен, по-видимому, в работе М. Л. Васильевой [3]) начинается с его статической ипостаси, текста, с переходом в динамическую, собственно дискурсивную ипостась. Поскольку дискурс создается индивидами, изучение творящей языковой личности есть неотъемлемая задача дискурсологии. Уровневое представление языковой личности – это один из механизмов исследовательской абстракции, дающей возможность изучения типичных вариаций дискурсивной деятельности, например, в рамках аргументирования. Теория же когнитивных стилей может считаться полезным объяснительным инструментом, позволяющим выстроить феноменологическую картину аргументирующего аспекта лингвоперсонологии.

Список литературы

1. Беседина Е. В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... канд. филол. наук: Калужский гос. ун-т. Калуга, 2011.
2. Васильев Л. Г. Лингвоаргументологические исследования: калужская школа // Дискуссионные вопросы современной лингвистики. Вып. 4. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2008. С. 4–14.
3. Васильева М. Л. Публичное извинение в американском политическом дискурсе: приемы содержательного анализа: дис. ... канд. филол. наук: Тверской гос. ун-т. Тверь, 2021.

4. Зайцева В. Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «конкретная/абстрактная концептуализация»: дис. ... канд. филол. наук: Калужский гос. ун-т. Калуга, 2012.
5. Калашникова С. В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: Калужский гос. пед. ун-т, Калуга, 2007.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Киселева В. В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 2006.
8. Степанова И. А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля 'полезависимость /'полenezависимость': дис. ... канд. филол. наук: Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 2021.
9. Степанова И. А. О языковых чертах вторичной вербализации текста: когнитивно-стилевой параметр // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и Филология. 2021. Т. 31. Вып. 5. С. 1005–1009.
10. Сухих С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса: дис. ... д-ра филол. наук: Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 1998.
11. Терентьева Д. М., Васильев Л. Г. К когнитивно-стилевым аспектам языковой личности переводчика // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2022. № 4 (75). С. 199–205.
12. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
13. Щербакова Н. В. Психолингвистический подход к выявлению когнитивных стилей политических лидеров: дис. ... канд. психол. наук: Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2005.
14. Carroll J. B. Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1993.
15. Harvey O. J., Hunt D. E., Schröder H. M. Conceptual system and personality organization. N.Y.: John Wiley, Inc., 1961. P. 315–333.

* * *

1. Besedina E. V. Argumentativny`j diskurs kognitivno slozhny`x i kognitivno prosty`x lichnostej: dis. ... kand. filol. nauk: Kaluzhskij gos. un-t. Kaluga, 2011.
2. Vasil`ev L. G. Lingvoargumentologicheskie issledovaniya: kaluzhskaya shkola // Diskussionny`e voprosy` sovremennoj lingvistiki. Vy`p. 4. Kaluga: Kaluzhskij gos. ped. un-t, 2008. S. 4–14.
3. Vasil`eva M. L. Publichnoe izvinenie v amerikanskom politicheskom diskurse: priemy` soderzhatel`nogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk: Tverskoj gos. un-t. Tver`, 2021.
4. Zajceva V. Yu. Argumentativny`j diskurs nositelej kognitivnogo stilya «konkretnaya/abstraktnaya konceptualizaciya»: dis. ... kand. filol. nauk: Kaluzhskij gos. un-t. Kaluga, 2012.
5. Kalashnikova S. V. Lingvisticheskie aspekty` stilej my`shleniya v argumentativnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk: Kaluzhskij gos. ped. un-t, Kaluga, 2007.
6. Karasik V. I. Yazy`kovoju krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. M.: Gnozis, 2004.
7. Kiseleva V. V. Var`irovanie verbal`ny`x reakcij v argumentativnom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Udmurtskij gos. un-t. Izhevsk, 2006.
8. Stepanova I. A. Osobennosti argumentativnogo diskursa nositelej kognitivnogo stilya 'polezavisimost` /'polenezavisimost`': dis. ... kand. filol. nauk: Udmurtskij gos. un-t. Izhevsk, 2021.
9. Stepanova I. A. O yazy`kovy`x chertax vtorichnoj verbalizacii teksta: kognitivno-stilevoj parameter // Vestnik Udmurtskogo un-ta. Seriya: Istoriya i Filologiya. 2021. T. 31. Vy`p. 5. S. 1005–1009.
10. Suhij S. A. Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa: dis. ... d-ra filol. nauk: Kubanskij gos. un-t. Krasnodar, 1998.
11. Terent`eva D. M., Vasil`ev L. G. K kognitivno-stilevy`m aspektam yazy`kovoju lichnosti perevodchika // Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya. 2022. № 4 (75). С. 199–205.
12. Xolodnaya M. A. Kognitivny`e stili. O priode individual`nogo uma. 2-e izd. SPb.: Piter, 2004.
13. Shherbakova N. V. Psixolingvisticheskij podxod k vy`yavleniyu kognitivny`x stilej politicheskix liderov: dis. ... kand. psixol. nauk: Sankt-Peterburgskij gos. un-t. SPb., 2005.

*Intentional level of argumentative language personality:
to cognitive and stylistic analysis*

The linguistic and personological analysis of manifestations of intentional level of argumentative discourse, focused on the theory of cognitive styles, is presented. There are described the peculiarities of experiment and their further linguistic interpretation. The semantic specific features of discourses of respondent-representatives of extreme poles of cognitive style «concrete/abstract conceptualization», in particular linguistic features «directivity», «centeredness/decenteredness», are considered.

Key words: *cognitive style, language personality, intentional level, linguistic features, directivity, centeredness/decenteredness.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2024).

В. А. БУРЯКОВСКАЯ
Волгоград

Р. Р. ЗУБАИРОВА
Астрахань

**ФРЕЙМИНГ КАК СПОСОБ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ
(на материале англоязычных СМИ)**

Анализируются публикации ведущих современных англоязычных новостных источников, освещающих важные события внутренней и внешней политики государств. Материал позволяет заключить, что фрейминг как способ подачи информации выступает важным инструментом эффективного воздействия на читательскую аудиторию, на расстановку смысловых акцентов при освещении общественно значимых событий. Избирательная подача информации в западных СМИ, оценочные характеристики событий, тональность сообщений оказывают значительное воздействие на понимание освещаемых проблем.

Ключевые слова: *стратегия, дискурсивные стратегии, фрейминг, определение повестки дня, СМИ.*

Англоязычное медиапространство – это сложная и многогранная структура, которая играет важную роль в формировании общественного мнения, оказывает влияние в целом на культурные нормы социума. Будучи языком, доминирующим в мире, английский является основным языком международного общения, а англоязычные средства массовой информации оказывают влияние на то, как люди понимают окружающий мир.

В качестве материала исследования были выбраны ведущие англоязычные издания: «The Washington Post», «The Guardian», «The Fox News», «The Economist», «The CBS News». Временной охват публикаций – с января по сентябрь 2024 г.

Методологической базой данного исследования послужили работы У. Липпманна, Т. А. ван Дейка, Дж. Кляйна, М. Маккобса [1; 7; 11; 12].

Как справедливо замечает И. Я. Якоба, существуют три явные силы воздействия на адресата: жесткая сила, мягкая сила и умная сила. Все они представляют собой дискурсивно-когнитивные структуры воздействия. Степень суггестивности данных сил не вызывает сомнения – она является высокой. Проведенное И. Я. Якоба исследование доказывает, что определенная часть массовой аудитории не в состоянии выявить оказываемое воздействие и осознать его. В связи с тем, что массмедиа становятся все более и более изощренными как в выборе лингвистических средств воздействия, так и в богатом арсенале средств технических, массовая аудитория в той или иной степени будет всегда находиться под «гипнотическим» воздействием массмедиа [3].

Использование языка вражды, конфликта и войны в массмедиа относится к тактике, при которой журналисты и редакторы используют в своих материалах метафоры, фразы и термины, характерные для конфликтных ситуаций, чтобы привлечь внимание читателей или зрителей. Это позволяет создавать эмоциональный резонанс и подчеркивать важность события, манипулируя общественным сознанием.

При этом одной из наиболее фундаментальных дискурсивных стратегий, используемых англоязычными СМИ, является фрейминг, который предполагает выборочное представление информации для создания определенного повествования или интерпретации событий [11]. Фреймы выделяют определенные аспекты воспринимаемой реальности, чтобы сделать их более заметными, часто упрощая сообщение, чтобы мобилизовать людей и заручиться их поддержкой (и, что немаловажно, демобилизовать противников). Например, изучение вопроса освещения президентской кампании 2024 г. в США показало, что СМИ применяли методы фальсификации, чтобы усилить свои идеологические предубеждения. Так, в «Fox News» для представления кандидата от Демократической партии использовался фрейминг «*socialist*» (социалист), что позволило создать негативный образ этого кандидата у своей аудитории, так как социализм в США и многих других странах традиционно ассоциируется с экономическими трудностями и потерей свобод. В заголовке одной из статей «The Fox News» говорится: «*Kamala Harris and her two socialist proposals to crush the US economy*» (Камала Харрис и два ее социалистических предложения по разрушению экономики США. – Здесь и далее перевод наш – В. Б., Р. З.) [10]. Далее автор делает негативные и обобщенные оценки, не учитывая множества факторов, влияющих на экономику и социальные программы страны, и не приводя обоснованных аргументов для своих утверждений. Так, по его словам, введение системы «*Medicare-for-all*» (Медпомощь для всех) и «*The Green New Deal*» (Новый зеленый курс) приведет к полномасштабной экономической катастрофе – «*a full-blown economic catastrophe*». При этом прослеживается игнорирование положительных моментов предложений Харрис. Этот пример демонстрирует, как фрейминг может быть использован для создания одностороннего взгляда на проблему и как он может манипулировать общественным сознанием.

В то же время в статье «*'A campaign for vengeance': critics warn of a radical second Trump term*» («Кампания возмездия»: критики предупреждают о радикальном втором сроке Трампа) издание «The Guardian» использовало фрейминг «*radical*» (радикал) для представления кандидата от Республиканской партии, подчеркивая, что политика Трампа переходит все границы, установленные во время его первого президентского срока [6]. Автор статьи использует такие слова и фразы, как *radical* (радикальный), *a campaign for vengeance* (кампания за месть), *imaginary grievances* (воображаемые обиды),

demagoguery (демагогия), и упоминает темы министерских очисток, массовой депортации и введения смертной казни для наркоторговцев, что формирует у читателя представление о Д. Трампе как о политике, готовом применять крайние меры для достижения своих целей. Кроме того, автор говорит о коллективной амнезии избирателей, что вносит элемент осуждения по отношению к тем, кто поддерживает Трампа. И, наконец, сравнение нынешнего Трампа и Трампа 2016 г., когда он был более «популистским», доказывает, что его подход изменился в антисоциальную сторону, что дополнительно укрепляет негативный фрейм.

Определение повестки дня – еще одна ключевая дискурсивная стратегия, используемая англоязычными СМИ. Она представляет собой процесс, посредством которого СМИ решают, какие вопросы освещать и насколько широко их освещать, тем самым влияя на общественную повестку дня и формируя общественное мнение. Повестка дня СМИ, представляемая общественности, является результатом бесчисленных повседневных решений многих журналистов и их руководителей по поводу актуальных новостей. Война в Ираке (2003–2011 гг.) – яркий пример того, как формирование повестки дня средствами массовой информации может воздействовать на общественное мнение и влиять на политические решения. В течение нескольких месяцев, предшествовавших войне, американские СМИ широко освещали проблему предполагаемого обладания Ираком оружием массового уничтожения (ОМУ), что привело к осознанию необходимости военной интервенции. Однако, как позже выяснилось, ОМУ в Ираке не существовало.

Идея формирования повестки дня возникла с подачи У. Липпмана, журналиста и общественного обозревателя, еще в 20-е гг. XX в. В книге «Общественное мнение» У. Липпманн утверждал, что люди сильно подвержены влиянию средств массовой информации, в их головах легко сформировать образы и убедить их в том, что они именно так воспринимают окружающий мир [1, с. 384]. В свою очередь Б. Коэн развил идеи Липпмана, указав на то, что средства массовой информации не говорят людям, что думать, а говорят о том, о чем думать [5, с. 190].

При формировании повестки дня наиболее часто изучаемыми объектами являются общественные проблемы и политические фигуры [12]. Например, при освещении движения *Black Lives Matter*, которое оказалось в центре внимания СМИ в 2020 г. в связи со случаями полицейской жестокости и расовой дискриминации в США, использовались такие атрибуты, как «*social movement*» (общественное движение), «*fight for equal rights*» (борьба за равные права), «*protest against racism*» (протест против расизма) и «*reform demands*» (необходимость реформ). Такие атрибуты не только способствовали формированию общественного мнения, но и повлияли на политические решения на уровне федеральных и местных правительств. Кроме того, стало развиваться производство товаров с тематической символикой, таких как футболки, кружки и сумки с лозунгами, поддерживающими равенство и права человека, что положительно сказалось на имидже компаний-производителей.

Помимо основных атрибутов объекта в СМИ – специфических черт или характеристик, которые описывают объект, – существует второй аспект повестки дня, связанный с атрибутом, а именно аффективный элемент, который учитывает эмоциональный тон сообщения и влияние визуальных характеристик. Психологи обычно включают гнев, страх, грусть, счастье, надежду и гордость среди прочих эмоций в свое определение аффекта. Однако в исследованиях, посвященных определению повестки дня, этот аспект, как правило, игнорируется в пользу оценок характеристик объекта или формулирования проблем [12, с. 180]. При этом эмоциональная тональность является ключевым элементом в формировании общественного мнения и восприятия событий, поскольку она влияет на то, как аудитория интерпретирует факты. Так, при изучении новостных ста-

тей об экономике выявлено, что каждая из них закодирована как представление экономики в позитивном, негативном или нейтральном ключе. Статья «*The real problem with China's economy*» (Реальная проблема китайской экономики) издания «*The Economist*» [13] или колонка под названием «*The U.S. economy looks fragile. There's an easy way to fix that*» (Экономика США выглядит хрупкой. Есть простой способ это исправить) в «*The Washington Post*» [8] передают информацию в негативном ключе, представляют экономику как рецессивную, хотя и внушают читателю веру в возможное решение проблемы. Благодаря этому ожидается, что негативный атрибут объекта повысит его значимость и доступность в общественной повестке дня.

Эмоциональная тональность может быть проиллюстрирована на примере освещения природных катаклизмов. Например, в 2021 г., после урагана «Ида» в США, издание «*The CBS News*» выпустило репортаж под заголовком «*Hurricane Ida exposes vulnerability of America's energy infrastructure*» (Ураган «Ида» раскрыл уязвимость энергетической инфраструктуры Америки) [9], который не только описал разрушения, но и подчеркнул необходимость улучшения систем энергетической инфраструктуры в целях защиты от стихийных бедствий. Эмоциональная тональность данной публикации направлена на создание ощущения тревоги и настоятельной необходимости решения проблемы. В противоположность этому в статье «*Biden admin tested by Afghanistan, coronavirus, Hurricane Ida – 3 crises with no easy solutions*» (Администрация Байдена испытана Афганистаном, коронавирусом, ураганом «Ида» – три кризиса без простых решений) издание «*The Fox News*» охарактеризовало описываемые в статье кризисы как те, «с которыми было бы легко справиться» (*any one of which would be enough to deal with*), что создало более политизированный и негативный контекст [4].

Таким образом, используемые в англоязычных СМИ дискурсивные стратегии фрейминга и определения повестки дня являются мощными инструментами, которые могут не только поддерживать общественные инициативы, но и подрывать доверие к власти и усиливать страхи общества. Благодаря фреймингу и определению повестки дня англоязычные СМИ акцентируют внимание на определенных аспектах освещаемой проблемы или кризиса, минимизируя внимание к другим вопросам, а также порой упрощают сложные ситуации, что делает понимание реальности более односторонним.

Список литературы

1. Липпманн У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
2. Тарасова Н. П. Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе (на материале русских и немецких текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013.
3. Якоба И. А. Дифференциация мягкой, жесткой и умной силы в медийном дискурсе реагирования: экспериментальное исследование. Медиалингвистика. 2023. № 10 (2). С. 265–279.
4. Biden-admin-afghanistan-coronavirus-hurricane-ida // Fox news. URL: <https://www.foxnews.com/politics/biden-admin-afghanistan-coronavirus-hurricane-ida> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Cohen В. С. *The Press and Foreign Policy*. Princeton University Press, 1963.
6. Critics-warn-radical-second-trump-term // The guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/mar/17/critics-warn-radical-second-trump-term> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Dijk van T. A. *The Analysis of News as Discourse // News Analysis. Case studies of International and National news in the press*. Hillsdale, New Jersey, 1988. P. 1–30.

8. Economy-jobs-fragile-fed // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/06/economy-jobs-fragile-fed/> (дата обращения: 25.09.2024).
9. Hurricane-ida-exposes-vulnerability-of-americas-energy-infrastructure // CBS news. URL: <https://www.cbsnews.com/video/hurricane-ida-exposes-vulnerability-of-americas-energy-infrastructure> (дата обращения: 25.09.2024).
10. Kamala Harris and her two socialist proposals to crush the US economy // Fox news. URL: <https://www.foxnews.com/opinion/kamala-harris-two-socialist-proposals-crush-us-economy> (дата обращения: 25.09.2024).
11. Klein J., Amis J. M. The Dynamics of Framing: Image, Emotion and the European Migration Crisis // Academy of Management Journal. 2021. № 64 (5). P. 1324–1354.
12. McCombs M. E., & Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. № 36 (2). P. 176–187.
13. The real problem with China's economy // The economist. URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/09/05/bad-information-is-a-grave-threat-to-chinas-economy> (дата обращения: 25.09.2024).

* * *

1. Lippmann U. Obshhestvennoe mnenie / Per. s angl. T. V. Barchunovoj. Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004.
2. Tarasova N. P. Metaforicheskoe modelirovanie e`pidemii v medijnom diskurse (na materiale russkix i nemeckix tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Perm. gos. nacz. issled. un-t. Perm`, 2013.
3. Yakoba I. A. Differenciaciya myagkoj, zhestkoj i umnoj sily` v medijnom diskurse reagirovaniya: e`ksperimental`noe issledovanie. Medialingvistika. 2023. № 10 (2). S. 265–279.

***Framing as a way of presenting information
(at the material of English-language mass media)***

The results of the analysis of modern publications of leading English-language news sources covering important events in the domestic and foreign policy of states are proposed. The material allows us to conclude that framing as a way of presenting information is an important tool for effective influence on the readership, on the placement of semantic accents when covering socially significant events. The selective presentation of information in the Western media, the evaluative characteristics of events, and the tone of messages have a significant impact on understanding the issues covered.

Key words: *strategy, discursive strategies, framing, agenda setting, mass media.*

*Перевод аннотации на английский язык сделан автором.
(Статья поступила в редакцию 20.10.2024).

Н. Н. КОТЕЛЬНИКОВА
Волгоград

НИН ХУАЙИН
Тяньцзинь, КНР

НЕОФРАЗЕМЫ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КИТАЙСКОГО ИНТЕРНЕТА

Рассматриваются особенности интернет-чэньюй – китайских неофразем, имеющих разговорный характер, но при этом стремящихся по своей форме соответствовать классическим идиомам древности. Обозначены источники китайской интернет-фразеологии, определены способы образования и преобразования интернет-чэньюй. Сделан вывод, что дискурсивное пространство китайского интернета является благодатной средой для зарождения и активного использования фразеологических неологизмов.

Ключевые слова: неофраземы, китайский язык, чэньюй, дискурсивное пространство интернета.

В дискурсивное пространство китайской интернет-коммуникации вовлечено огромное количество пользователей. По данным Информационного центра интернет-инфраструктуры Китая (中国互联网络信息中心), число граждан КНР, пользующихся интернетом, к концу 2023 г. достигло 1,092 млрд. человек [9]. Это общенациональное коммуникативное пространство имеет множество особенностей, таких как виртуальная природа контактов, снятие временных и пространственных ограничений, интерактивность, поликодовость, карнавализация, гипертекстуальность, система веб-цензуры, большая скорость распространения информации и др., под влиянием которых сформировался особый интернет-язык (网络语言), имеющий свои законы и пути развития, предполагающий использование определенной манеры общения, определенного набора лексики и способов подачи информации. Виртуальные просторы китайского интернета являются благодатной почвой для лингвистического творчества, порождающей в большом количестве новые языковые единицы, в т. ч. и фразеологические.

В отечественной науке фразеологизмы-неологизмы по аналогии с неолексемами получили наименование «неофраземы». Неофраземы определяются как устойчивые экспрессивные обороты, созданные заново, заимствованные из других языков или образованные в процессе фразеологических трансформаций и на конкретный момент времени не зарегистрированные толковыми словарями [5, с. 83; 6, с. 65]. А. Н. Столярова, учитывая двойственность природы неофразем (с одной стороны, неофразема является фразеологизмом, с другой – неологизмом), называет следующие критерии для их выделения: структурный (несколькословность и раздельнооформленность неофраземы); критерий языковой устойчивости; критерий речевой воспроизводимости; семантический (наличие семантической осложненности); стилистический (эффект новизны); лексикографический (незафиксированность в словарях) [7, с. 171]. М. С. Доброва отмечает, что, несмотря на традиционность фразеологических функций, выполняемых неофраземами в виртуальной коммуникативной среде, эти функции имеют специфические черты: «<...> номинативная функция фразем используется в назывании релевантных для сетевого общения явлений и понятий; экспрессивная, эвфемистическая и дисфемистическая – участвуют не только в формировании эрративной интернет-фразеологии, но и в появлении новых способов эвфемизации и обновлении экспрессивности сетевого об-

щения; жанрообразующая, символическая и людическая – играют важную роль в возникновении многих уникальных явлений медиавирусного и сетевого происхождения: интернет-мемов, демотиваторов, тредов интернет-комментариев» [1, с. 236]. Эти функции важны для формирования сетевой коммуникации. Кроме того, такие особенности неофразем, как лаконичность, образность, экспрессивность и семантическая емкость, обусловили их высокую дискурсивную востребованность на просторах интернета.

Особенностью неофразем дискурсивного пространства китайского интернета является их тяготение к наследованию формы древних классических фразеологизмов чэньюй (成语). Чэньюй – это «устойчивые лексико-синтаксические единицы с обобщенно-переносным значением, которые построены по нормам древнекитайского языка, чаще всего состоящие из четырех иероглифов, семантически монолитные, в краткой отточенной форме ритмических словосочетаний отображающие различные стороны социокультурной жизни китайского этноса» [2, с. 161]. Одни из первых китайских лингвистов, положивших начало изучению неофразем китайского интернета, Чжэн Цзюньтао и Ма Чанлинь, характеризуют «новые интернет-чэньюй» (网络新成语) как устойчивые языковые комплексы из четырех иероглифов, имеющие переносное значение, построенные по нормам разговорного языка байхуа, временно признанные (принятые) и используемые некоторыми людьми» [14, с. 212–213] (Здесь и далее перевод наш – Н. К., Н. Х.). Хуан Юаньлун понимает интернет-чэньюй как «новые выражения, обычно состоящие из четырех иероглифов, имеющие относительно устойчивую форму, легко запоминающиеся и на первый взгляд похожие на традиционные китайские идиомы чэньюй» [10, с. 113]. Некоторые китайские лингвисты считают, что для обозначения неофразем китайского интернета больше подходит термин «网络四字格» (интернет-фраземы четырёхсловной структуры), поскольку слово 四字格 (сыцзыгэ – фраземы, представляющие собой сочетания четырех иероглифов-слов) полностью отражает «упорядоченность формы, четкий ритм, плотность композиции, независимость значения и экономию языковых средств» [12, с. 104]. Они присущи китайским неофраземам. Другие ученые, отмечая различия между неофраземами и традиционными идиомами чэньюй в степени их закрепленности в языке, но вместе с тем стремясь сделать акцент на их общих чертах, используют название «网络类成语» (сетевые квази-чэньюй) [8 с. 13]. Китайские лингвисты предлагают и другие названия для неофразем этого типа – «网络四字短语» (сетевые четырехсимвольные фразы), «网络四字缩略语» (сетевые четырехсимвольные аббревиатуры), «后现代成语» (постмодернистские чэньюй), «网络俗成语» (сетевые просторечные чэньюй) и др. [15, с. 25]. В нашей работе мы будем использовать термин «интернет-чэньюй», понимая под ним неофразему устойчивой структуры, которая состоит из четырех иероглифов (слов/морфем). Она появилась в дискурсивном пространстве китайского интернета и получила в нем широкое распространение.

Так же, как и классические чэньюй, многие неофраземы китайского интернета характеризуются яркой образностью и основаны на наглядно-чувственных представлениях, например: 水泥封心 (букв. запечатать сердце в цементе; обр. не доверять никому по причине ранее перенесенных душевных ран); 屎上雕花 (букв. вырезать узоры на дерьме; обр. формализм, выполнение бессмысленных действий или работы, не имеющей никакой ценности). По аналогии с классическими чэньюй, основой для которых часто служили философские и исторические притчи и поучительные истории, в основе новых интернет-чэньюй также могут быть истории, комичные или интересные случаи, получившие освещение в интернете и ставшие вирусными. Так, например, неофразема 十动然拒 (букв. была очень тронута, но отказала) используется для ироничной дескрипции чувств «неудачника», отвергнутого возлюбленной. Эта неофразема возникла в связи с историей одного китайского студента, написавшего любовное письмо объемом 160 тысяч иероглифов и признавшегося в любви в День холостяка. Девушка, которой предназначалось это письмо, была очень впечатлена, тронута, но все равно от-

вергла его. Интернет-чэньюй 提灯定损 (букв. *светить фонарем, определяя убытки*) используется в значении ‘придираться к мелочам, искать недостатки’. Он появился после распространения видео, вызвавшего бурное обсуждение в интернете. Видео демонстрирует, как арендодатель, принимая жилье от выезжающего арендатора, тщательно с фонарем проверял каждый уголок квартиры, подробно фиксируя все мелкие повреждения, в результате чего потребовал от выезжающей девушки компенсацию в размере более десяти тысяч юаней. Источником для неофраземы 臆想被拍 (букв. *придумала, что снимают*), используемой в значении ‘выдвигать необоснованные подозрения, не обращая внимания на факты’, стал скандальный случай со студенткой по имени Чжан Вэй, которая, находясь в метро г. Гуанчжоу, ошибочно подумала, что рабочий снимает ее на видео. Несмотря на то, что после принудительной проверки его телефона выяснилось, что предположения Чжан Вэй были ошибочными, она продолжила ругать, унижать и проклинать этого мужчину. В большинстве случаев неофраземы, возникшие как реакция на какое-либо событие, имеют переносное значение, понять которое, не зная историю, лежащую в их основе, невозможно.

Главной отличительной особенностью интернет-неофразем от традиционных чэньюй является использование в их создании разговорного языка байхуа вместо древнего письменного вэньяня [14, с. 213]. Характерной особенностью вэньяня являются моносиллабизм и традиционный чэньюй, построенный по нормам вэньяня, представляющий собой устойчивый комплекс из четырех односложных слов, обладающих широкой синтаксической валентностью. Для современного же разговорного языка байхуа моносиллабизм «в идеальном виде», при котором «любое слово материально тождественно морфеме» [4, с. 94] и, соответственно, все слова односложны, не свойственен. Поэтому главным способом образования неофразем, придания им четырехсложной формы классического чэньюй является морфемная контракция – процесс исключения из многоморфемного слова тех или иных значимых компонентов (морфем). Чаще всего с помощью морфемной контракции до четырехсложной неофраземы «сжимаются» целые предложения. Например, неофразема 社病我药 является сокращенной записью фразы “社会生病了, 为什么让我吃药?” (Это общество больно, зачем мне принимать лекарства?), передающей идею о том, что социальные проблемы не должны решаться только на уровне индивидов, а требуют переосмысления и решения на более высоком уровне, изменения самой социальной системы. Интернет-чэньюй 不明觉厉 (непонятно, но здорово) представляет собой сокращение фразы “虽然不明白你在说什么, 但是听起来感觉很厉害的样子” (Хотя не понимаю, что ты говоришь, но звучит потрясающе), а неофразема 累觉不爱 (слишком устал, чтобы любить) образована от фразы “很累, 感觉自己不会再爱了” (Очень устал, кажется, что больше никогда не смогу полюбить).

При этом, однако, укажем, что при создании неофразем их авторы нередко игнорируют лежащие в основе процесса морфемной контракции закономерности семантического характера, которые требуют сохранять самые важные в смысловом отношении компоненты, позволяющие наиболее четко передать внутреннюю форму исходной единицы языка. В результате этого грамматические отношения между компонентами интернет-чэньюй оказываются нарушенными, и понять смысл такой неофраземы для человека «непосвященного» бывает просто невозможно [11, с. 306]. Так, например, популярная неофразема 啊痛悟蜡 (мучительное осознание), которая является сокращением фразы “啊! 多么痛的领悟” (О! Какое болезненное осознание!) – строчки из песни «领悟» (Осознание) тайваньской певицы Синь Сяоци (辛晓琪), демонстрирует полное нарушение правил структурно-грамматического построения чэньюй. Она не соответствует ни одной из моделей возможных синтаксических отношений между компонентами чэньюй. Кроме того, первая морфема неофраземы – 啊 (ах, ох) является междометием, которое не может входить в состав чэньюй, а последняя морфема 蜡 (свеча) вообще не имеет никакой логической связи с остальными – она вошла в состав интернет-чэньюй

как отсылка к изображению свечи, которое интернет-пользователи добавляли к исходной фразе для придания ей большего драматизма. Тем не менее, все морфемы, входящие в состав этой неофраземы, являются своеобразными маркерами, позволяющими «продвинутому» интернет-пользователю при декодировании с легкостью «развернуть» ее в исходную фразу.

Часть неофразем китайского интернета являются фразеотрансформами – фразеологизмами, подвергшимися структурным, семантическим или структурно-семантическим трансформациям. При семантических трансформациях структура чэньюй остается неизменной, происходит переосмысление внутренней формы фразеологизма под влиянием дискурсивных доминант современности. Здесь авторами неофразем эффективно используется многозначность односложных слов китайского языка, из которых состоят фразеологизмы чэньюй. Например, традиционный чэньюй 杯水车薪 (букв. *чашикой воды тушить загоревшийся воз дров*; обр. *мизерная помощь, тщетная попытка*) в интернет-пространстве стал использоваться в новом значении ‘каждый день в офисе пить чай, а в конце месяца получать зарплату, на которую можно купить автомобиль’ (описание выгодной должности). Эта трансформация основана на актуализации значения ‘оклад, жалование’ у морфемы 薪 вместо исходного значения ‘хворост, дрова’. Триггером к переосмыслению значения чэньюй 包治百病 (*лекарство от всех болезней, панацея*) стала многозначность слова 包 (значение в составе исходного чэньюй ‘ручаться, гарантировать’; значение, актуализированное интернет-пользователями, ‘сумка’). Неофразама 包治百病 (*сумочка лечит от всех болезней*) характеризует современный потребительский образ жизни, при котором приобретение новой фирменной сумочки способно вылечить женщину от любой хандры. Чэньюй 无所不谈 (*не было ничего, о чём не говорили; говорить обо всём*) приобрел в интернет-коммуникации новое значение ‘если нет квартиры, не стоит заводить романтические отношения’ на основе обыгрывания одного из значений морфемы 所 (здесь: *дом, здание*) и актуализации значения морфемы 谈 как части словосочетания 谈恋爱 (*встречаться, иметь романтические отношения*).

Структурные трансформации представляют собой разного рода лексико-грамматические изменения. Наиболее часто используемым видом структурной трансформации чэньюй является лексическая замена, основанная на омонимии (同音) или созвучии (谐音). «Слоговый характер китайского языка, в котором слог является неделимым устойчивым звукообразованием, и ограниченное количество слогов (всего 418 слогов без учета тональных различий) приводят к регулярной омонимии на уровне слога» [3, с. 24], что предоставляет широкие возможности для создания подобной игры слов. Например, чэньюй 前赴后继 (букв. *передние бросаются в атаку, а за ними следуют другие*; обр. *рваться в бой*) был трансформирован китайскими интернет-пользователями в 前腐后继 (букв. *передние занимаются коррупцией, за ними следуют другие*; обр. *коррупция распространяется*) на основе лексической замены слова 赴 (fù – *броситься, устремиться*) на созвучный ему 腐 (fǔ – *разлагаться*; первая морфема слова 腐败 – *коррупция*). Неофразама 十面霾伏 (*смог наступает со всех сторон*), используемая для описания высокого уровня загрязнения воздуха в китайских городах, образована на основе чэньюй 十面埋伏 (*засада со всех сторон*) путем замены морфемы 埋 (mái – *скрываться, таиться*) на омонимичную ей 霾 (mái – *пылевая взвесь, смог*). Основой для неофраземы 进淄赶烤 (*отправиться в Цзыбо на шашлыки*) стало древнее устойчивое выражение 进京赶考 (*ехать в столицу на экзамены*), обозначавшее трудный путь образованных людей, которые отправлялись в столицу для участия в императорских экзаменах ради возможности получить государственную должность. Неофразама 进淄赶烤 появилась как реакция на внезапную популярность города Цзыбо, прославившегося своими оригинальными шашлыками благодаря многочисленным репостам интернет-пользователей. Здесь мы наблюдаем лексическую замену двух компонентов – второго (京 jīng – *столи-*

ца на 淄 zī – первая морфема топонима 淄博 Цзыбо) и четвертого (考 kǎo – *сдавать экзамены* на 烤 kǎo – *жарить на открытом огне*, первая морфема слова 烤肉 – *шашилык*). Именно омонимичность четвертого компонента рождает у носителей китайского языка мгновенные ассоциации с прототипом этой неофраземы.

В процессе исследования нами были выявлены и примеры эрративного написания традиционных чэньюй, т.е. умышленного искажения их графической формы. Эрративное написание также достигается за счет использования омонимичных морфем. В результате фразеологизм получает новую графическую форму, но при этом продолжает использоваться в своем узувальном значении. Например, чэньюй 好自为之 (hǎozìwéizhī – *разбираться самому, полагаться на себя*) в интернете часто записывается с помощью следующего набора омонимичных и созвучных морфем – 耗子尾汁 (hàoziwěizhī), который дословно можно перевести как «отвар из крысиных хвостов»; а чэньюй 无稽之谈 (wújīzhītán – *безответственная болтовня; вздор*) записывают с намеренной заменой второй морфемы 稽 (jī – *проверять, брать на учет*) на омонимичную ей 鸡 (jī – *курица*), получая таким образом 无鸡之谈 (букв. «*бескуриные*» разговоры).

Графической трансформации подвергаются не только классические чэньюй, но и недавно созданные, но уже прочно закрепившиеся в языке неофраземы. Например, интернет-чэньюй 细思恐极 (xìsīkǒngjí – *страшно подумать*), образованный путем сокращения исходной фразы “*仔细想想, 觉得恐怖到了极点*” (*Если тщательно поразмыслить, становится страшно до ужаса*) до формы четырехсложного фразеологизма, часто записывают в искаженном виде – 西斯空寂 (xīsikōngjì: 西斯 xīsī – *ситхи (персонажи из вселенной «Звездных войн»); 空寂 kōngjì – пустота и безмолвие*). Существуют разные причины, побуждающие интернет-пользователей употреблять имеющуюся в языке лексическую единицу в обновленном виде, нарушая и обыгрывая ее графическую форму [3]. В предыдущих примерах эрративное написание обуславливает неоднозначное осмысление производного и придает ему яркую ироничную окраску.

Отдельно следует отметить и неофраземы, прототипом для создания которых стал не какой-либо конкретный чэньюй, а некий структурный шаблон, некая лексическая рамка, выступающая средством формальной организации элементов внутри фразеологизма и естественным образом возводящая его в ранг чэньюй. К таким структурным клише можно отнести «...言...语» («...слова...речи»), на основе которого создано множество классических чэньюй: 甘言密语 (*сладкие слова, медовые речи*), 胡言乱语 (*нести чушь*), 流言蜚语 (*кривотолки, ложные слухи*), 豪言壮语 (*вдохновляющие речи*) и многие другие. Этот шаблон активно используется и современной молодежью для создания неофразем. Приведем примеры некоторых из них: 谦言one语 (*скромные речи, однообразные слова*) используется для характеристики человека с низким уровнем культуры и слабой способностью выражать свои мысли, говорящего много пустых слов и избегающего сути вопроса; 微言博语 (*речи Weibo*) – фразы в стиле, характерном для высказываний, публикуемых в китайском сервисе микроблогов Weibo; 杰言娜语 (*слова Цзе, речи На*) – неофразама является отсылкой к «звездной» супружеской паре певца Чжан Цзе и телеведущей Цзе На и используется в значении ‘высказывания, демонстрирующие любовь’. К интернет-чэньюй, построенным по структурной аналогии с классическими, отнесем и следующие: образованная по продуктивной модели «里...气...» неофразама 甲里甲气 (*манеры стороны А (покупателя/заказчика)*) употребляется для обозначения высокомерного, пренебрежительного отношения к людям, выражающегося в снисходительном и властном поведении; антонимичная предыдущей неофразама 乙里乙气 (*манеры стороны Б (исполнителя)*) употребляется для обозначения вежливого, скромного, робкого и доброжелательного отношения; построенная по характерной для чэньюй модели двойного отрицания неофразама 不吹不黑 (*не хвалить и не чернить*) используется в значении ‘давать объективную оценку’.

Несмотря на то, что использование иноязычной лексики никак нельзя назвать характерной чертой китайской интернет-фразеологии, особенно когда речь идет об интернет-чэньюй, состоящих из четырех слогоморфем, мы и тут можем проследить определенное влияние лингвистической глобализации на китайский язык. Это влияние может проявляться в калькировании иноязычного фразеологизма с последующим его приведением к четырехсложному формату чэньюй. Например, неофразама 猪涂口红 (*красить губы свинье*) является семантической калькой от англоязычной идиомы *to put lipstick on a pig*. Иноязычные вкрапления также могут присутствовать в составе неофразем в виде фонетических заимствований, либо же употребляться в исходной графике, например: неофразама 哈特痛痛 (*сердце болит*), где первые морфемы 哈特 (*hātè*) – это фонетическое заимствование английского слова *heart* (*сердце*); интернет-чэньюй 图fine秒mine (*твоя картинка хороша, в следующую секунду будет моей*), представляющий собой сочетание китайских и английских односложных слов, используется как оповещение о намерении скачать понравившуюся картинку, опубликованную другим интернет-пользователем.

Таким образом, дискурсивное пространство китайского интернета – это богатая среда для зарождения и активного применения интернет-чэньюй – неофразем, которые характеризуются карнавальностью и эффектностью, и отражают тренды интернет-коммуникации, придают ей экспрессивность, имеют разговорный характер, но при этом стремятся по своей форме соответствовать классическим идиомам древности. К наиболее продуктивным способам образования неофразем следует отнести морфемную контракцию, а наиболее популярными способами фразеомпреобразования можно считать лексическую замену, основанную на омонимии, и переосмысление значения чэньюй, основанное на полисемичности его компонентов.

Важно отметить и то, что неофразаемы, возникшие на просторах китайского интернета, часто выходят за его пределы, демонстрируя свою широкую востребованность и другими дискурсивными пространствами. Это подтверждают и результаты анкетирования, проведенного в 2020 г., установившего, что 94,06% респондентов (молодых китайцев, рожденных в 90-е гг. и вначале «нулевых»), используют интернет-неологизмы в повседневной жизни [16, с. 20]. Насколько интернет-чэньюй приживутся и закрепятся в китайском языке – это вопрос времени.

Список литературы

1. Доброва М. С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 233–246.
2. Котельникова Н. Н. Структурно-грамматические особенности китайских четырехморфемных фразеологизмов «чэньюй» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 160–166.
3. Котельникова Н. Н. Феномен графодеривации в китайской интернет-коммуникации // Современные востоковедческие исследования. 2023. Т. 5. № 4. С. 21–34.
4. Крылов Ю. Ю. Моносиллабизм и фонологическая релевантность слога // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 93–99.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации // Вопросы лексикографии. 2022. № 25. С. 81–107.
6. Мокиенко В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии // Slovo. Text. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński. 2002. С. 63–76.
7. Столярова А. Н. О критериях выделения неофразем // Куляшоўскія чытанні. Сборник науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Т. В. Мосейчук. 2020. С. 168–172.
8. 车飞. 汉语网络类成语的生成、流行机理与规范新探 // 北京邮电大学学报: 社会科学版. 2015. № 3. С. 22–29.
9. 第53次《中国互联网络发展状况统计报告》 // URL: <https://www.163.com/dy/article/IURKHF2B05346KF7.html> (дата обращения: 18.07.2024).

10. 黄元龙. 网络新成语的特征及其生成机制//湖北经济学院学报(人文社会科学版). 2018. № 5. С. 113–115.
11. 李一帆. 网络“新成语”的隐语特性分析 // 金田. 2015. № 9. С. 305–306.
12. 卢凡,刘晨红.网络“四字格”新语传播使用的调查研究//牡丹江师范学院学报:哲学社会科学版, 2016. № 5. С. 104–107.
13. 张芳,杨帆.“网络类成语”的类型及其生成动因考察//渤海大学学报:哲学社会科学版. 2015. № 4. С. 82–86.
14. 郑俊涛, 马长林.网络时代新成语的新定义及新成语的产生//湖南农机学报. 2011. № 1. С. 212–213
15. 王彭韬雯. “X 言 Y 语”类网络新成语构式分析//清远职业技术学院学报. 2023. № 3. С. 25–32.
16. 王子杰, 温丽平, 钟舟海. 四字格网络流行语的»成语化»初探//科教导刊-电子版(中旬). 2021. № 3. С. 19–20.

* * *

1. Dobrova M. S. Realizaciya funkcij frazeologicheskix edinicz v diskursivnom prostranstve russkoyazy`chnogo internet // Rusistika. 2022. T. 20. № 2. S. 233–246.
2. Kotel`nikova N. N. Strukturno-grammaticheskie osobennosti kitajskix chety`reksmorfemny`x frazeologizmov «che`n`yuj» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 8 (112). S. 160–166.
3. Kotel`nikova N. N. Fenomen grafoderivacii v kitajskoj internet-kommunikacii // Sovremenny`e vostokovedcheskie issledovaniya. 2023. T. 5. № 4. S. 21–34.
4. Kry`lov Yu. Yu. Monosillabizm i fonologicheskaya relevantnost` sloga // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 103. S. 93–99.
5. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Aksiologiya neofrazem i frazeotransformacij v leksikograficheskoy interpretacii // Voprosy` leksikografii. 2022. № 25. S. 81–107.
6. Mokienko V. M. Problemy` evropejskoj frazeologicheskoy neologiki // Slovo. Text. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński. 2002. С. 63–76.
7. Stolyarova A. N. O kriteriyax vy`deleniya neofrazem // Kulyasho`yskiya chy`tanni. Sbornik nauch. statej po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Pod red. T. V. Mosejchuk. 2020. S. 168–172.

New phraseological units of discursive field of the Internet of the People's Republic of China

The specific features of Internet Chengyu – the Chinese new phraseological units, having the colloquial nature but pretending to correspond to the classical idioms of ancients by its form are considered. There are specified the sources of the Chinese Internet phraseology, there are defined the ways of formation and transformation of the Internet Chengyu. It is concluded that the discursive space of the Chinese Internet is a fertile field for the origin and active use of phraseological neologisms.

Key words: *new phraseological units, Chinese language, Chengyu, discursive field of Internet.*

(Статья поступила в редакцию 09.08.2024).

Л. С. АЛЯЕВА
Волгоград

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ СОЛИДАРИЗАЦИИ
И ОППОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРВЬЮ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ШОУ-БИЗНЕСА**

На материале речевого жанра «интервью» российского массмедийного дискурса характеризуются коммуникативная стратегия самопрезентации и ее базовые тактики реализации – солидаризация и оппозиционирование. Предлагается анализ использования коммуникативной стратегии самопрезентации представительницами современного российского шоу-бизнеса. Материалом выступают женские интервью, опубликованные в российских СМИ.

Ключевые слова: интервью, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, самопрезентация, солидаризация, оппозиционирование, речевое общение.

Современные лингвисты проявляют значительный интерес к описанию языковой личности в коммуникативном аспекте [1; 3, с. 25–30; 5, с. 25–34; 6; 8; 9, с. 51–55]. Актуальным при этом остается вопрос о речевом общении в его гендерном освещении, в частности интересны, по нашему мнению, исследования, рассматривающие используемые коммуникативные тактики мужчинами и женщинами в разноформатной коммуникации.

Цель статьи – выявить и описать базовые коммуникативные тактики, применяемые женщинами при реализации стратегии самопрезентации в речевом жанре «интервью».

Предмет исследования – коммуникативные стратегии и тактики интервьюируемых женщин.

Материалом нашего исследования являются тексты интервью представительниц шоу-бизнеса, опубликованные в русскоязычном медиапространстве за последние 20 лет (105 фрагментов).

Рассмотрим вначале несколько дефиниций понятия «коммуникативная стратегия». Ю. К. Пирогова коммуникативную стратегию понимает как «приемы выбора, структурирования и подачи в высказывании необходимой информации, которая подчинена целям коммуникативного воздействия» [12, с. 548]. По мнению С. А. Терихова, данное понятие следует трактовать «<...> как организацию последовательности речевых действий, которая зависит от цели речевого взаимодействия и обуславливает выбор адресантом лингвистических единиц для достижения этой цели в соответствии с желаниями или предпочтениями говорящего» [14, с. 149]. Согласно О. С. Иссерс, коммуникативная стратегия – это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 54]. Каждая коммуникативная стратегия воплощается в акте коммуникации посредством конкретных коммуникативных тактик. Коммуникативная тактика, по О. С. Иссерс, – это «одно или несколько действий, способствующих реализации коммуникативной стратегии. Они связаны между собой как “род” и “вид”» [4, с. 111]. Анализ приведенных выше определений позволяет заключить, что коммуникативная стратегия обязательно предполагает некую сверхзадачу – коммуникативную цель, которой необходимо достичь с помощью определенных шагов, – речевых действий, т.е. коммуникативных тактик.

Изучение научной литературы подтвердило, что одной из актуальных коммуникативных стратегий является стратегия самопрезентации [7, с. 68–80; 11; 15]. Она, в частности, применяется в тех случаях, когда участники актов коммуникации намерены произвести впечатление на адресата, вызвать у него расположение к себе и т.п. Материал проанализированных интервью представительниц российского шоу-бизнеса показывает активное использование ими стратегии самопрезентации. К числу коммуникативных тактик, реализующих названную стратегию, относятся тактики солидаризации и оппозиционирования.

Тактика солидаризации – это некое сходство взглядов и мнений говорящего и его аудитории в медийном дискурсе. Эта тактика подчеркивает родство их образа мышления, мировоззрения. По мнению О. Н. Быковой, при ее реализации «эмоционально-экспрессивные формы речи интерпретируются аудиторией как личное отношение говорящего к тем объектам, явлениям, событиям, о которых идет речь, и способствуют разрешению барьеров критического восприятия, созданию атмосферы «общения», т.е. выполняют определенную ориентирующе-регулятивную функцию и повышают суггестивность речевого воздействия. Возникающие при этом явления эмпатии, эмоционального заражения и сопереживания формируют оценочный фон восприятия речи слушателями» [2, с. 51]. Нередко тактику солидаризации характеризуют следующими формулировками: «я с вами, я понимаю/разделяю вашу проблему». Ее использование направлено на создание видимой общности точек зрения, интересов, целей и убеждения публики в единстве мнений говорящего и аудитории. Акцентуация этой тактики проявляется в выраженном желании помочь, позаботиться или же сотрудничать.

Ниже рассмотрим фрагмент интервью певицы Кати IOWA, опубликованного журналом «Star hit» [17].

Журналист спрашивает певицу:

– *Помню, ты говорила, что нет такого дня, чтобы тебе не прислали кавер на какой-нибудь из твоих хитов. Думаю, это говорит о том, что ты пример для молодого поколения. А на кого ты равнялась, когда начинала свой путь?*

Журналист довольно непринужденно обращается к исполнительнице на «ты», пытается продемонстрировать тождественность статуса певицы и своего собственного. Далее он делает комплимент Кате IOWA: «Ты пример для молодого поколения», подтверждая значимость и успех артистки в настоящее время. Он узнает ее собственные ориентиры в раннем творчестве, задавая достаточно личный вопрос после комплимента.

Ответ певицы, следующий:

– *Скорее не равнялась, а росла и вдохновлялась творчеством таких артистов, как Максим Фадеев, Линда, Николай Носков, Вячеслав Бутусов, Леонид Агутин, групп: «Кино», Total, «Аукцион», 5nizza, Nirvana, Metallica, Radiohead, Garbage, No doubt, Moby, Spice Girls, Backstreet Boys, Blondie.*

Катя IOWA отвечает: «Скорее не равнялась, а росла и вдохновлялась...». Данной репликой певица намекает на свою исключительность и не дает журналисту приравнять ее к другим известным артистам. Певица исправляет журналиста. Она перечисляет артистов, чье творчество в определенный период ее жизни было ей близко: «Максим Фадеев, Линда...». Она разделяла их суждения о музыке, понимала их и вдохновлялась ими. Называя имена артистов, она задействовала стратегию самопрезентации и тактику солидаризации, показала свои приоритеты, в какой-то мере определив себя через них. Певица сблизилась благодаря этому коммуникативному шагу с аудиторией, условно сказав: «Я понимаю вас, мне тоже нравились песни этих исполнителей».

Еще один пример реализации коммуникативной тактики солидаризации обнаружен нами в интервью Юлии Топольницкой журналу «Star hit» [16]. В этом примере журналист достаточно уважительно задает актрисе вопрос о проблеме неравенства мужчин

и женщин, которая косвенно затрагивается и в сериале, в котором снималась Юлия. Интервьюер не показывает в вопросе собственной позиции на этот счет, приводит в пример два полярных мнения по поводу этой проблемы (*женщины станут наравне с мужчинами работать ... или все-таки женщина должна оставаться женщиной*) и бесхитростно ждет ответа от актрисы, не намекая на выражение какого-либо определенного мнения:

– Как считаете, в ближайшем будущем, женщины станут наравне с мужчинами работать в полиции/водить фуры/управлять самолетами или все-таки это ненужное стремление, и женщина должна оставаться женщиной? Ведь весь комизм сериала строится на гендерном несоответствии.

Актриса отвечает следующим образом:

– На самом деле мы уже давно живем в мире, где женщина наравне справляется с мужскими задачами, в том числе и профессиональными. Я думаю, утверждение о том, что женщина не равна мужчине, это атавизм. Конечно, я говорю больше про европеизированные страны. Есть еще традиции и законы в странах Востока, где ущемляют права и возможности женщин. Например, недавно я ехала на машине и увидела девушку-инспектора ДПС, до этого момента ни разу не сталкивалась с девушками-регулирующими. Еще один пример: не так давно снималась в Калуге, в массовке была очень красивая девушка. Она долго наблюдала за тем, как работают осветители (а у них очень много тяжелых приборов), потом она подошла к ребятам и говорит: «А я тоже могу так, я вообще занимаюсь гиревым спортом». В итоге они взяли ее на стажировку, и она их гоняла. В общем, я считаю, что женщина способна оставаться нежной, красивой и хозяйственной, но при этом очень выносливой. Неспроста Бог именно нас и наградил возможностью рожать.

Юлия Топольницкая начинает свою речь с прямого ответа на вопрос, она считает, что «на самом деле мы уже давно живем в мире, где женщина наравне справляется с мужскими задачами...». Она убеждена, что в современном мире мужчины и женщины равны и далее приводит примеры из жизни, которые подтверждают это. Она говорит о простых девушках, которых она встречала в жизни (первая – инспектор ДПС, вторая – спортсменка), это сближает ее с аудиторией. Юлия Топольницкая понимает этих девушек и позитивно отзывается о них, чем подкупает читателя журнала и сближается с ним во взглядах на данную ситуацию. Она не говорит о том, что и сама является сильной женщиной (такое коммуникативное поведение было бы свидетельством реализации тактики отождествления). Актриса в данном случае придерживается тактики солидаризации: ей импонируют девушки, которых она упомянула, она поддерживает их и благодаря этому транслирует идею аудитории: «Я разделяю эту проблему, я понимаю не только этих девушек, но и всех вас, кто это сейчас читает».

Остановимся на тактике оппозиционирования, нашедшей свою реализацию в интервью. Известно, что зачастую участники коммуникации прибегают к использованию приемов, направленных на сближение с интервьюером и аудиторией. Говорящие могут демонстрировать близость духа и суждений с аудиторией для выстраивания и презентации хорошо «продающегося» образа или имиджа, который одобряет аудитория. Однако есть еще один прием – тактика оппозиционирования, применение которой позволяет участникам общения сыграть на контрасте, указать «своих» (т.е. себя, свое мнение и людей, которые его поддерживают) и «чужих» (т.е. людей, которые это мнение не разделяют). Эта тактика направлена на создание атмосферы сближения с аудиторией (как и все остальные тактики стратегии самопрезентации, реализующиеся в медийном дискурсе), на фоне мнений людей, которых они не поддерживают.

Представим ниже пример реализации тактики оппозиционирования из интервью Ольги Шелест в журнале «Elle» [10]. В беседе с Ольгой Шелест журналист стремится

узнать мнение интервьюируемой о ключевой теме диалога – особенности ее общения с людьми, в том числе и неприятными, токсичными. Он задает ей несколько обширных, распространенных вопросов подряд. Интервьюер общается с гостьей на «вы», проявляет к ней уважение и пиетет.

– Что вы вообще вкладываете в понятие токсичности? Вы чувствуете, что на вас это может как-то повлиять? И как оградить себя от токсичного окружения?

Ольга Шелест отвечает следующим образом:

– Я никогда не позволю себя оскорблять, унижать или мною манипулировать. Поэтому, как только я получаю такой сигнал, я сразу даю понять не на того напали. Но есть такой тип людей, который пытается дружить с тобой против всех. И вроде человек хороший и к тебе прекрасно относится, но все вокруг такие ужасные, завистливые, ты разве не видишь. Тут очень легко попасть в ловушку. Для меня такой человек токсичен. Неприятен мне и тип людей, который пытается подружиться с тобой для своей выгоды, а потом, достигнув необходимого, рвет с тобой отношения. Я стараюсь избегать таких людей. Если я чувствую, что после общения с человеком у меня нет никакого воодушевления, я дистанцируюсь.

Гостья развернуто отвечает на поставленные вопросы и прямо противопоставляет себя людям, о которых говорит. Она приводит примеры (на ее взгляд) «токсичного» поведения и поясняет, что «для нее такой человек токсичен, неприятен... она старается избегать таких людей» и т.д. Соответственно, мы видим острую конфронтацию взглядов и представлений о жизни Ольги Шелест и типажей людей, которых она упоминает. Своим высказыванием она дает нам понять, что она «не такая», как эти люди, чем демонстрирует свою отстраненность. Но вместе с тем большинству аудитории она, наоборот, становится идейно ближе, поскольку осуждает общественно порицаемые явления и стороны жизни. Ольга Шелест с помощью этой тактики создает атмосферу коммуникации, в которой читатель думает: «Я понимаю ее, мне тоже не нравятся такие люди». Этот прием (тактика оппозиционирования), как представляется, определяет идентичность Ольги и сближает ее с публикой.

Еще один пример реализации коммуникативной тактики оппозиционирования из интервью Сабины Ахмедовой журналу «U magazine» [13]. Мы можем наблюдать противопоставление характеров интервьюируемой актрисы и ее героини в сериале «Мерзлая земля». Вежливо, но достаточно конкретно журналист задает вопрос с пресуппозицией: «Ваша героиня Евгения Градова предельно от вас далека... Какие ее черты вам было особенно сложно воплотить?», убеждая нас и саму актрису в данном факте и отрицая какой-либо другой вариант развития беседы. Можно сказать, что тон дальнейшего общения задал сам журналист и спровоцировал последующее использование актрисой коммуникативной тактики оппозиционирования.

– Когда вы анонсировали сериал в соцсетях, то написали, что ваша героиня Евгения Градова предельно от вас далека. Можете рассказать про нее, какие ее черты вам было особенно сложно воплотить?

Сабина Ахмедова отвечает:

– Евгения – достаточно сложный, многослойный персонаж. Она, скажем так, мать-земля, мать этого города. По крайней мере, так она себя ощущает. Для нее понятие справедливости довольно относительное: там, где надо, она спрячет, прикроет правду, извратит ее. При этом у Градовой есть близкая подруга Лариса (Светлана Ходченкова, – прим. редакции), которую она тоже по-своему защищает и оберегает. Некоторые поступки для нее своеобразная форма любви и заботы, хотя, на самом деле, это очень умелая манипуляция. Ведь прежде всего она человек, которому нужна власть, через нее она самоутверждается. И мне было сложно передать как раз эту манипулятивную сторону, потому что я достаточно прямой человек и у меня другая

жизненная тактика (Улыбається). Мы с Оксаной долго обсуждали, какое может быть поведение и тактика у женщины, которая всегда остается на плаву и выходит «сухой» из любой ситуации. Очевидно, она должна была быть изоциренной, манкой, даже теплой, поэтому я внедряла в ее поведение тактильность во взаимодействии с другими, проявление заботы, иногда даже сострадание. В сюжете есть несколько моментов, где Градова проявляет стальной характер и напор, и в таких сценах ты по-настоящему понимаешь, что она из себя представляет. Градова – это такой не совсем очевидный антагонист. Однако она всячески пытается это скрывать, потому что не может добиваться желаемых результатов иначе. Для нее семья – это самое главное, и она убеждена, что ее надо сохранить любой ценой. Эта тема вообще свойственна русской женщине – сохранить семью, пройдя через любые травмы. Так же она относится и к работе – для нее важна каждая победа, которая поможет сохранять систему, – семейную, профессиональную, социальную. Но, в первую очередь, свою собственную систему, призму, через которую она выстраивает и работу, и взаимоотношения с людьми.

В ответе актриса сразу начинает ярко описывать свою героиню и ее характер. Сабина Ахмедова приводит некоторые оценочные метафоры по отношению к героине: «мать-земля, мать этого города». Интервьюируемая дает развернутые пояснения и даже некоторые определения качеств героини: «Ведь, прежде всего, она человек, которому нужна власть, через нее она самоутверждается...», «Градова – это такой не совсем очевидный антагонист...». Актриса подхватывает суждение журналиста о том, что она и героиня, которую она играет, имеют совершенно разные характеры: «И мне было сложно передать как раз эту манипулятивную сторону, потому что я достаточно прямой человек и у меня другая жизненная тактика...». Опять же в этом примере очевидно осуждение качеств героини (например: склонность к манипуляциям), которые принято считать порицаемыми в обществе. Сабина Ахмедова транслирует идею о том, что она «не такой человек», ей такое поведение вовсе не близко, она противопоставляет себя Жене Градовой. Это противопоставление помогает ей сблизиться с аудиторией, ведь в основном люди имеют о себе только хорошее представление и мало кто признается в том, что сам является манипулятором. Приятнее осудить такое поведение вместе с актрисой и про себя подумать: «Я не такой». Тактика оппозиционирования в полной мере раскрывается в данном примере и осуществляет все свои функции.

Проведя анализ использования стратегии самопрезентации в российских интервью деятелей шоу-бизнеса (женщин), подчеркнем, что около 30% отрывков женских интервью являются примерами реализации стратегии самопрезентации. Наиболее часто применяемая тактика – это тактика солидаризации (46% примеров). На тактику оппозиционирования приходится 27% примеров.

Исходя из проанализированных отрывков интервью, можно сделать вывод о том, что в работе с женщинами журналисты шоу-бизнеса придерживаются правил этикета, задают в целом позитивный тон в самом начале интервью и делают комплименты приглашенным гостям.

Говоря о реализации тактики солидаризации, необходимо отметить, что женщины предпочитают нейтрально высказываться о своих авторитетах, кумирах и образцах подражания, они не склонны указывать на превосходство других. Реализуя эту тактику, они сухо перечисляют, например, своих идейных вдохновителей и далее предпочитают смещать ракурс внимания собеседника на себя. Представительницам шоу-бизнеса более свойственно яркое проявление солидаризации со своей аудиторией и зрителями. В случаях, когда затрагивается какая-либо проблема, касающаяся женщин (насилие, неравенство и т.д.), представительницы шоу-бизнеса активно прибегают к тактике солидаризации и не упускают момента выразить поддержку друг другу и оказать какую-либо помощь.

О реализации тактики оппозиционирования следует сказать следующее: женщины российского шоу-бизнеса достаточно активно ее используют и противопоставляют себя, как правило, антигероям, отрицательным персонажам, их плохим поступкам, чтобы акцентировать внимание читателя на своих положительных качествах, сблизиться на этом фоне с аудиторией, повысить свой имидж, репутацию.

Список литературы

1. Бай Юй. Нормы коммуникативного поведения в китайской и русской афористике: автореф. ... дис. канд. филол. наук: Рос. ун-т дружбы народов. М., 2016.
2. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 1 (9). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. С. 42–53.
3. Гулинов Д. Ю., Федоров Ф. Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 25–30.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
5. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
6. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
7. Красавский Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27 (3). С. 68–80.
8. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта. Наука. 2009.
9. Мосейко А. А. Compliments and insults in Russian communicative behavior // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 51–55.
10. Ольга Шелест. Честный разговор о личных границах // Elle. URL: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/olga-shelest-chestnyi-razgovor-o-lichnykh-granicakh-ekologichnom-i-toksichnom-okruzhenii-i-privyckakh-znamenitostei/> (дата обращения: 15.03.2024).
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.
12. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковик, 2001. С. 543–553.
13. Сабина Ахмедова – о любви к детективам, финале «Содержанок» и духовной литературе // U magazine. URL: <https://umagazine.ru/stars/interview/sabina-akhmedova-o-lyubvi-k-detektivam-finale-soderzhanok-i-duxovnoy-literature/> (дата обращения 19.03.2024).
14. Терихов С. А. О социальном аспекте речевого взаимодействия в коммуникативном контексте // Материалы Междунар. науч. конф. «Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве», посв. 65-летию Пятигор. гос. лингвист. ун-та. Пятигорск: РОБИ, 2004. С. 147–149.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
16. Юлия Топольницкая о феминизме, новом проекте и взаимоотношениях в семье // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/yulya-topolnitskaya-o-feminizme-novom-proekte-i-vzaimootnosheniyah-v-seme-290010-844491/> (дата обращения 15.03.2024).
17. Я ходила в лохмотьях: Катя IOWA о начале пути // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/ya-khodila-v-lokhmotyakh-katya-iowa-o-nachale-puti-svoikh-strannostyakh-i-materinstve-904853/> (дата обращения 12.03.2024).

* * *

1. Baj Yuj. Normy kommunikativnogo povedeniya v kitajskoj i russkoj aforistike: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk: Ros. un-t druzhby narodov. M., 2016.

2. Bykova O. N. Opyt klassifikacii priemov rechevogo manipulirovaniya v tekstah SMI // Rechevoe obschenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii / Pod red. A. P. Skovorodnikova. Vyp. 1 (9). Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. un-t, 2000. S. 42–53.
3. Gulinov D. Yu., Fedorov F. D. Realizaciya strategij vezhlivosti i nevezhlivosti v ispanoyazychnom politicheskom diskurse // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 25–30.
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M.: LKI, 2008.
5. Karasik V. I. Epidemiya v zerkale medijnogo diskursa: fakty, ocenki, pozicii // Politicheskaya lingvistika. 2020. № 2 (80). S. 25–34.
6. Klyuev E. V. Rehevaya kommunikaciya: Ucheb. posobie dlya un-tov i in-tov. M.: RIPOL KLASSIK, 2002.
7. Krasavskij N. A. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv'y» pri obsuzhdenii nemeckimi SMI voennyh sobytij na Ukraine // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. T. 27 (3). S. 68–80.
8. Kulikova L. V. Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnom obschenii: monografiya. M.: Flinta. Nauka. 2009.
9. Mosejko A. A. Komplimenty i oskorbleniya v rusском kommunikativnom povedenii // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 51–55.
10. Ol'ga Shelest. Chestnyj razgovor o lichnyh granicah // Elle. URL: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/olga-shelest-chestnyi-razgovor-o-lichnykh-granicakh-ekologichnom-i-toksichnom-okruzenii-i-privyckakh-znamenitosti/> (data obrashcheniya: 15.03.2024).
11. Olyanich A. V. Prezentacionnaya teoriya diskursa: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2004.
12. Pirogova Yu. K. Strategii kommunikativnogo vozdejstviya v reklame: opyt tipologizacii // Tekst. Intertekst. Kul'tura. M.: Azbukovik, 2001. S. 543–553.
13. Sabina Ahmedova – o lyubvi k detektivam, finale «Soderzhanok» i duhovnoj literature // U magazine. URL: <https://umagazine.ru/stars/interview/sabina-akhmedova-o-lyubvi-k-detektivam-finale-soderzhanok-i-dukhovnoj-literature/> (data obrashcheniya: 19.03.2024).
14. Terihov S. A. O social'nom aspekte rechevogo vzaimodejstviya v kommunikativnom kontekste // Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Klassicheskoe lingvisticheskoe obrazovanie v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve», posv. 65-letiyu Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. Pyatigorsk: ROBI, 2004. S. 147–149.
15. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004.
16. Yuliya Topol'nitskaya o feminizme, novom proekte i vzaimootnosheniyah v sem'e // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/yulya-topolnitskaya-o-feminizme-novom-proekte-i-vzaimootnosheniyah-v-seme-290010-844491/> (data obrashcheniya: 15.03.2024).
17. Ya hodila v lohmot'yah: Katya IOWA o nachale puti // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/ya-khodila-v-lokhmotyakh-katya-iowa-o-nachale-puti-svoikh-strannostyakh-i-materinstve-904853/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).

Communicative tactics of self-identification and opposition in the Russian interviews of representatives of show business

Based on the speech genre «interview» of the Russian mass media discourse there are characterized the communicative strategy of self-presentation and its basic tactics of implementation - self-identification and opposition. The analysis of use of communicative strategy of self-presentation by the representatives of modern Russian show business is suggested. It is based on the women's interviews, published in the Russian mass media.

Key words: *interview, communicative strategy, communicative tactics, self-presentation, self-identification, opposition, speech communication.*

(Статья поступила в редакцию 23.09.2024).

Т. А. БАБЕНКО
Славянск-на-Кубани

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ

Анализируются англоязычные неологизмы глоттонического дискурса. Заимствования рассматриваются как один из источников формирования неологизмов, поскольку использование слов одного языка другим становится неизбежным в условиях тесного международного сотрудничества и общения. При этом заимствования используются для номинации появляющихся концептов, устранения омонимичных форм, обновления языковых форм, вызванного стремлением к экспрессии и новизне.

Ключевые слова: глоттонический дискурс, неологизм, заимствование, транскрипция, транслитерация, калькирование, семантическое заимствование.

Интерес к изучению значений новых слов и словосочетаний, причин их появления и закономерностей образования не только не ослабевает, но и заметно возрастает за последние десятилетия. Неология стала стремительно развиваться во второй половине XX в., поскольку именно в это время наблюдался так называемый «лексический взрыв» [2]. Общество переживало различного рода экономические, политические, культурные изменения, что находило отражение в словарном составе языка. Сегодня неологизмы также являются лакмусовой бумажкой, которая быстро, ярко и эмоционально фиксирует изменения в языке, происходящие под влиянием экстралингвистических факторов.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных образованию и функционированию неологизмов (В. Г. Гак [5], В. И. Заботкина [6], Н. З. Котелова [8], В. В. Катермина [7], И. С. Криворучко [9], Д. Кристал [15], П. Ньюмарк [20], Т. В. Попова [12] и др.), главной проблемой современной неологии является отсутствие четко детерминированной базы.

Объект неологии (новое слово) обладает рядом синонимов, которые объединены семей «новое»: «новообразование, неообразование, новация, инновация, новая номинация, неониминация, новое наименование, новшество, неологизм, окказионализм» [14, с. 73].

Термин «инновация» употребляется для обозначения новой лексемы, появившейся в языке вследствие структурных и семантических преобразований или заимствования. Однако Е. В. Сенько считает инновации родовым понятием, проникшим на все уровни языка, а значит, неподходящим для использования в рамках неологии. В работе «Теоретические основы неологии» автор пытается развести понятия «инновация» и «неологизм» путем конкретизации последнего [13]. Под неологизмом ученый понимает «собственно лексическую категорию», т.е. слово, а значит, такие единицы, как морфемы, словосочетания и фразеологизмы должны рассматриваться на других языковых уровнях другими лингвистическими науками. Таким образом, неологизм является лишь частью понятия «инновация», которое, несомненно, шире и применяется для обозначения всего нового на всех языковых уровнях.

Сложность определения термина «неологизм» объясняется и многообразием критериев для его вычленения. Одной из популярных и разработанных является характеристика Н. З. Котеловой, которая выделяет его онтологические, т.е. сущностные, отличительные параметры:

– время (характеризует неологизмы как новые слова определенного периода по сравнению с предыдущим промежутком времени);

- языковое пространство (язык вообще; данный национальный язык; литературный язык; данный подъязык);
- вид новизны языковой единицы (новым может быть не только само слово, но и его значение или словосочетание, которое невозможно делить без потери смысла);
- структурные признаки новизны слова (определенные параметры и закономерности словообразовательной системы, заданность и спонтанность неологизма) (цит. по: [14]).

Похожей точки зрения придерживается С. И. Алаторцева, которая считает, что «новыми единицами словарного состава N-ого времени могут быть признаны слова, значения слов и сочетания, представляющие собой как новообразования данного языка, так и внешние и внутренние заимствования в нем, а также вновь ставшую актуальной в указанный период лексику и фразеологию» [1, с. 16].

Таким образом, неологизмы появляются в языке из-за необходимости обозначить новые вещи и явления окружающей действительности, «видимые и осязаемые» явления, которые знают и понимают «даже обыкновенные, одноязычные люди» [4]. А. Вежбицкая подчеркивает неразрывную связь между миром материальным и миром духовным, поэтому неологизмы отражают и формируют моральные нормы и принципы, закрепленные в сознании народа, а их изучение помогает понять культурные особенности и специфику менталитета [4].

Материалом для исследования послужили неологизмы глуттонического дискурса, выделенные методом сплошной выборки из средств массовой информации и медиа: Daily News-Miner, New York Times Cooking, The Lakelander, Grazia, Vogue, www.tofucute.com.

Термин «глуттония» (от латинского *gluttire* - «поглощать, проглатывать») вошел в лингвистический оборот благодаря работам А. В. Олянича. Ученый под «глуттонией» подразумевает лингвокультурную и этнокультурную специфику номинаций, связанных с приготовлением пищи [11]. Лингвистические знаки глуттонического дискурса образуют совокупность, которая в свою очередь расчленяется на фреймы. Они хранятся в человеческом сознании в виде меню, рецептов, правил поведения и ритуалов. Глуттонический дискурс является отражением культуры народа, частью национальной самоидентификации, личной идентификации и собственного мнения (вкуса), а также показывает классовые различия, характеристики и тенденции общества в целом [11].

В данной работе обратим внимание на заимствования как источник формирования неологизмов. При этом мы понимаем, что лексема, взятая из другого языка, в большей степени является заимствованием, нежели неологизмом в традиционном его понимании, однако не можем игнорировать такой способ образования неологизмов, зафиксированных в специальных словарях. Говоря о пополнении словарного состава языка за счет заимствований, следует помнить, что «все живые языки развиваются во взаимодействии друг с другом» [9, с. 38]. Использование слов одного языка другим становится неизбежным в условиях тесного сотрудничества и международного общения. При этом заимствования используются для номинации появляющихся концептов, устранения омонимичных форм, обновления языковых форм, вызванного стремлением к экспрессии и новизне [9].

Наиболее полно процесс заимствования описывает Ю. С. Сорокин, который говорит о «двустороннем процессе, в ходе которого происходит не простая передача готовых компонентов одного языка другому, но процесс их органичного освоения новой языковой системой, их приспособление к нуждам языка и их семантическое и формальное преобразование под воздействием данной языковой системы» (цит. по: [3, с. 6]).

Среди основных способов заимствования лексики выделяют: транскрипцию, транслитерацию, калькирование и семантическое заимствование.

Транскрипция – заимствование словарной единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма, иногда немного видоизмененная в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется:

Recently receiving some homemade kimchi from a friend, I knew what I wanted to do with it... It may not sound right, but a gooey grilled cheese is the perfect pairing for spicy, garlicky kimchi (Получив недавно домашнее кимчи от друга, я знал, что хочу с ним сделать... Может, это звучит неправильно, но клейкий сыр, приготовленный на гриле, идеально сочетается с острым, чесночным кимчи. – (Перевод здесь и далее наш – Т. Б.) [18].

В данном примере неологизмом является **kimchi** (“a traditional Korean dish made of seasoned fermented vegetables”). Он заимствован из корейского языка и обозначает традиционное корейское блюдо из ферментированных овощей с добавлением специй. Рассмотрим другой пример:

In Isan (and the rest of Thailand), green papaya salad is called som tum, with “som” meaning “sour” and “tum” referring to the pounding sound of the large pestle used to crush ingredients (В Исане (и в остальном Тайланде) зеленый салат из папайи называется «сом тум», где «сом» означает «кислый», а «тум» относится к звуку удара большого пестика, используемого для измельчения ингредиентов) [16].

Неологизм **Som Tum/ Som Tom** (“a spicy papaya salad dish of Northeast Thailand”) пришел в английский язык из тайского. Название этого острого салата с папайей заимствовано путем транскрибирования звуковой формы из языка-оригинала:

This brand new edition of Hello Panda features cocoa infused biscuits with a delicious matcha cream filling (В этом совершенно новом выпуске Hello Panda представлено печенье с добавлением какао и изумительной начинкой из крема матча) [19].

В данном примере неологизмом-заимствованием выступает японское слово **matcha** (“a type of Japanese green tea, popular with health food enthusiasts”) – вид японского зеленого чая, популярного среди приверженцев здорового образа жизни. Укажем, что в японском языке это слово не неологизм. Им обозначается определенный ингредиент (а именно – порошок зеленого чая), который по традиции используется в чайной церемонии японцев, а также в качестве пищевой добавки при изготовлении самых различных блюд [10].

Под транслитерацией понимают такой способ заимствования, при котором заимствуется написание иностранного слова: буквы заимствованного слова заменяются буквами родного языка. Среди всего многообразия отобранных неологизмов встречается только один пример подобного рода заимствования:

Samogon (moonshine or homebrew) drinkers are more likely to put their health at risk; they tend to drink both homemade and commercial alcohol in larger quantities, both more frequently and to excess (Любители самогона (самогонки или домашнего самогонирования) чаще рискуют своим здоровьем; они, как правило, употребляют как домашний, так и коммерческий алкоголь в больших количествах, гораздо чаще и в избытке) [17].

Неологизм-заимствование – это слово **samogon** (“a strong home-made alcoholic drink in Russia”), обозначающее крепкий русский алкогольный напиток домашнего приготовления.

Калькирование – это способ заимствования, при котором перенимается ассоциативное значение и структурная модель слова или словосочетания, т.е. используется буквальная перевод слова или словосочетания с сохранением морфологической структуры и мотивировки:

It’s translucent, delicate and fresh-tasting. Meet the raindrop cake, a calorie-free, mineral water-based gastronomic oddity that our friends on the other side of the Atlantic can’t get enough of (Он полупрозрачный, нежный и свежий на вкус. Познакомьтесь с тор-

том «Дождевая капля» – гастрономическим блюдом на основе минеральной воды, не содержащим калорий, которым наши друзья по ту сторону Атлантики не могут насытиться) [21].

Raindrop cake (“*a translucent Japanese dessert made from mineral water and a type of gelatin*”) – словосочетание, заимствованное из японского языка. 雨滴ケーキ дословно обозначает торт в виде падающих капель дождя. Он был изобретен японским кондитером в 2014 г. Для изготовления десерта использовались желирующий агент и вода из японских Альп, а десерт был представлен как «вода, которую вы можете съесть». Вскоре десерт обрел популярность не только в Японии, но и за рубежом [24].

Еще один пример – слово **soup dumpling** (“*a Chinese dish consisting of a small ball of dough filled with soup*”). С китайского языка словосочетание, состоящее из двух лексем, 汤圆 переводится как суп с клецками (круглыми комочками). **Soup dumpling** – китайское блюдо состоящее из супа и маленьких шариков теста (в зависимости от рецепта в шариках может присутствовать начинка, они могут быть сладкими или солеными):

One of my favourite Chinese dishes is soup dumplings. The first time I tried them was in New York after a mate went on and on about them – and for good reason. Soup dumplings are everything you want in a small parcel – succulent and bursting with flavour (Одно из моих любимых китайских блюд – это суп с клецками. Впервые я попробовала его в Нью Йорке после того, как моя подруга, не переставая, рассказывала о нем – и не без оснований. Суп с клецками – это все, что вам нужно в маленькой тарелке, – сочный и невероятно ароматный) [25].

Семантическое заимствование предполагает заимствование нового значения, часто переносного, к уже имеющемуся в языке слову. В отобранном корпусе неологизмов встречается только один пример – **old-fashioned**, который имеет следующее определение в Кембриджском словаре: “not modern; belonging to or typical of a time in the past” [22] – ‘несовременный, принадлежащий или типичный для определенного периода времени в прошлом’. Однако если мы говорим о данной лексеме как о неологизме, то значение его абсолютно далеко от традиционного. **Old-fashioned** (*a cocktail made of whiskey or another spirit, sugar or syrup, bitters, ice, and decorated with a slice of orange and a cherry*) – это коктейль, сделанный из виски или другого крепкого напитка, сахара или сиропа, горькой настойки/пива, льда и украшенный ломтиком апельсина или вишенкой:

After the cocktail’s numerous appearances on the show, New York bartenders noticed a «Mad Men effect» amongst their customers in 2013, where Old Fashioneds were being ordered almost every day (В 2013 году, после многочисленных показов этого коктейля на шоу, нью-йоркские бармены заметили «эффект безумцев» среди своих клиентов, которые заказывали «Олд Фэшин» почти каждый день) [23].

Как видно из нашего исследования, англоязычный глоттонический дискурс является постоянно развивающимся пространством, отражающим современные мировые тенденции. Динамичность процесса обусловлена обновлением лексического состава языка за счет неологизмов, которые быстро, емко, ярко и экспрессивно фиксируют новые концепты и языковые формы. Изучение неологизмов глоттонического дискурса, появившихся в языке путем заимствования из другого языка, облегчает понимание исторических, социальных и культурных контекстов, при которых данное слово появилось и используется в языке. Большинство рассмотренных в работе слов и словосочетаний пришло в английский язык из языков восточной Азии – японского, китайского, корейского, что говорит о большой популярности кухонь данных стран (и культуры в целом) среди англоговорящего населения.

Отметим, что заимствования являются довольно богатым источником для формирования неологизмов. Среди способов заимствования самыми продуктивными являются

ся транскрипция и калькирование. Довольно редко встречаются транслитерация и семантическое заимствование. Предполагаем, что это связано со сложностью в определении непосредственной отсылки к языку-источнику, а значит, с недостаточной привлекательностью и с отсутствием флера новизны у неологизма для участника дискурса.

Список литературы

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: РАН, Институт лингвистических исследований. СПб., 1999.
2. Алиаскарова Г. Ф. Сравнительный анализ неологизмов в современном русском и немецком языках // Вестник СГТУ. Саратов. 2007. № 4 (16). С. 226–231.
3. Бахадирова З. Б., Шугаева Н. Ю. Тематическая классификация заимствований современного английского языка // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. С. 6–10.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева / Под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263–305.
5. Гак В. Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 37–52.
6. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1982.
7. Катермина В. В. Аксиологический потенциал англоязычных неологизмов в дискурсивных практиках: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023.
8. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5–26.
9. Криворучко И. С. Неологизмы англоязычного делового дискурса: лингвоаксиологический аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук: Кубанск. гос. ун-т. Краснодар, 2023.
10. Матча: что это, виды, польза, приготовление, противопоказания // Легенда чая. Legend-tea. URL: <https://legend-tea.ru/blog/matcha/> (дата обращения 10.09.2024).
11. Олянич А. В. Потребности – дискурс – коммуникация. Волгоград: Парадигма, 2004.
12. Попова Т. В., Рацбургская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка. М.: ФЛИНТА, 2022.
13. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: дис. ... д-ра филол. наук: Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2000.
14. Шалина Л. В. К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2007. № 8. С. 73–77.
15. Crystal D. Words, Words, Words. Oxford: Oxford University Press, 2007.
16. Erin garnhumegnakji // NYTIMES. URL: https://www.nytimes.com/2009/06/17/dining/17larb.html?_r=1 (дата обращения 01.10.2024).
17. Homebrew or Homemade Wine: What Russians Choose // Hse University. URL: <https://iq.hse.ru/en/news/200277134.html> (дата обращения 08.09.2024).
18. Kimchi // OED. URL: https://www.oed.com/dictionary/kimchi_n?tl=true (дата обращения 19.09.2024).
19. Meiji Hello Panda – Matcha Green Tea // Tofucute. URL: <https://www.tofucute.com/meiji-hello-panda-matcha-green~p2324.html> (дата обращения 15.10.2024).
20. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988.
21. New words // A blog from Cambridge dictionary. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2017/04/03/new-words-3-april-2017/> (дата обращения 14.10.2024).
22. Old-fashioned // dictionary.cambridge.org <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/old-fashioned> (дата обращения 17.10.2024).
23. Photography by Rob Christian Crosby // LAKELANDER <https://thelakelander.com/the-old-fashioned-effect/> (дата обращения 14.10.2024).
24. Raindrop cake // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/raindrop-cake> (дата обращения 10.09.2024).
25. Rooftopper // A blog from Cambridge dictionary. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms/page/38/> (дата обращения 12.09.2024).

1. Alatorceva S. I. Problemy neologii i russkaya neografiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: RAN, Institut lingvisticheskikh issledovaniy. SPb., 1999.
2. Aliaskarova G. F. Sravnitel'nyj analiz neologizmov v sovremennom russkom i nemeckom yazykah // Vestnik SGTU. Saratov. 2007. № 4 (16). S. 226–231.
3. Bahadirova Z. B., Shugaeva N. Yu. Tematicheskaya klassifikaciya zaimstvovaniy sovremennogo anglijskogo yazyka // Voprosy filologii i perevodovedeniya: sb. nauch. st. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2018. S. 6–10.
4. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov / Per. s angl. A. D. Shmeleva / Pod red. T. V. Bulyginoy. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 263–305.
5. Gak V. G. O sovremennoj francuzskoj neologii // Novye slova i slovari novyh slov. L.: Nauka, 1978. S. 37–52.
6. Zabolotkina V. I. Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazyka. M.: Vyssh. shk., 1982.
7. Katermina V. V. Aksiologicheskij potencial angloyazychnyh neologizmov v diskursivnykh praktikah: monografiya. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2023.
8. Kotelova N. Z. Pervyj opyt leksikograficheskogo opisaniya russkih neologizmov // Novye slova i slovari novyh slov. L.: Nauka, 1978. S. 5–26.
9. Krivoruchko I. S. Neologizmy angloyazychnogo delovogo diskursa: lingvoaksiologicheskij aspekt issledovaniya: dis. ... kand. filol. nauk: Kubansk. gos. un-t. Krasnodar, 2023.
10. Matcha: chto eto, vidy, pol'za, prigotovlenie, protivopokazaniya // Legend-a chaya. Legend-a tea. URL: <https://legend-tea.ru/blog/matcha/> (data obrashcheniya 10.09.2024).
11. Olyanich A. V. Potrebnosti – diskurs – kommunikaciya. Volgograd: Paradigma, 2004.
12. Popova T. V., Raciburskaya L. V., Gugunava D. V. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka. M.: FLINTA, 2022.
13. Sen'ko E. V. Neologizaciya v sovremennom russkom yazyke konca XX veka: mezgurovnevnyj aspekt: dis. ... d-ra filol. nauk: Volgograd. gos. un-t. Volgograd, 2000.
14. Shalina L. V. K voprosu o sushchnosti neologizma v sovremennoj lingvistike // Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo. 2007. № 8. S. 73–77.

Borrowings as the source of formation of neologisms

The English-language neologisms of gluttonic discourse are analyzed. The borrowings are considered as one of the sources of formation of neologisms because the use of words of one language by the other language becomes essential in the context of the close international cooperation and communication. In this case the borrowings are used for the nomination of the appeared concepts, the correction of the homonymous forms and the renewal of linguistic forms, caused by the desire to expression and originality.

Key words: *gluttonic discourse, neologism, borrowing, transcription, transliteration, calquing, semantic borrowing.*

(Статья поступила в редакцию 28.10.2024).

М. В. ПИМЕНОВА
Санкт-Петербург

СИМВОЛИЧЕСКИЙ МАКРОКОНЦЕПТ ЧУДО В ЗЕРКАЛЕ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

*Рассматривается символический макроконцепт **чудо** в зеркале мотивирующих признаков. Выявлены и описаны 25 символических первопризнаков макроконцепта **чудо** образующих 5 групп: 1) некая сила ('дух', 'сила'); 2) магия – бытовая, боевая, климатическая и др. ('ворожба', 'колдовство', 'чары'); 3) нечто необычное ('диво', 'небывалый', 'необыкновенный', 'необычный', 'непостижимый', 'сверхъестественное', 'страшный', 'таинственный', 'удивляться', 'устрашающий', 'чудище/ чудовище', 'чудотворный', 'явление'); 4) человек с необычными знаниями и способностями ('мудрец', 'учитель', 'ясновидец'); 5) отношение к необычному ('дивиться', 'славить', 'слава', 'честь'). На основании присутствия таких признаков в структуре макроконцепта **чудо** он отнесен к разряду символических макроконцептов.*

Ключевые слова: *символический макроконцепт, мотивирующие признаки, символические первопризнаки, структура макроконцепта, концептология, русская лингвокультура.*

Вопрос обращения к особенностям концептуальной модели мира остается открытым: «Концептуальный мир – это система понятий, образов и символов того, что называется ментальной моделью мира. Это совокупность знаний и представлений о действительности, которые выражены в языке в виде категорий и форм» [11, с. 17]. Изучение этого мира в аспекте необычного, непривычного, непостижимого помогает осознать особенности мировосприятия русского народа как в синхронии, так и в диахронии: «Итак, у всех все есть, но по-разному преломляется в системе, выражается различными оттенками. Кроме того, внешние формы проявления национальной ментальности развиваются постепенно, они историчны» [7, с. 14].

Цель статьи – выявить и описать символические первопризнаки макроконцепта **чудо** в русской лингвокультуре. Достижение данной цели потребовало решения следующих задач:

- 1) определить мотивирующие признаки макроконцепта **чудо**, представленные в этимологических словарях;
- 2) выявить среди мотивирующих признаков макроконцепта **чудо** символические признаки;
- 3) описать основные символические признаки макроконцепта **чудо**, опираясь на языковой материал из Национального корпуса русского языка.

Актуальность исследования заключается в насущной необходимости составления списка мотивирующих признаков макроконцепта **чудо** и выявлении среди них символических первопризнаков.

Научная новизна работы состоит в том, что символический макроконцепт **чудо** впервые рассматривается с позиций его первичных признаков, которые ранее не были предметом исследования.

В статье используются концептуальный, дескриптивный и интерпретативный методы исследования.

Источниками языкового материала послужили данные этимологических словарей русского языка [13; 18; 19].

Феномен чуда рассматривался в трудах Фомы Аквинского, Г. Гегеля, И. Канта, А. Ф. Лосева, Д. Юма. В жизни каждого человека случались необъяснимые явления: как в окружающем мире, так и виртуальном – во снах и мечтах. К разряду чуда относится любое непонятное, труднообъяснимое событие, которое противоречит всем законам физики и логики. Верующие обычно приписывают ему божественное проявление, неверующие считают это вмешательством сверхъестественных, потусторонних сил в жизнь человека. В агиографических текстах мотив чуда встречается довольно часто: обычно в них рассказывается о знаменьях.

Чудо – это символический макроконцепт русской лингвокультуры, объединяющий в своей структуре разнородные признаки. В настоящей статье анализируются его символические признаки, выявленные среди мотивирующих.

В современной лингвистике есть работы, посвященные изучению макроконцепта *чудо*. Эквивалентные концепты *чудо* и *miracle* сопоставлены в русском и англоязычном ирландском фольклоре Е. М. Абышевой [1].

Е. И. Аринин, М. С. Лютаева, К. Лю описали концепт *чудо* в религиозных текстах [2, с. 117–135]. Е. В. Бобырева исследовала способы актуализации концепта *чудо* в русском и английском религиозных дискурсах [3, с. 113–117].

Е. Н. Ильина и В. В. Карпова обратились к способам реализации концепта *чудо* в вологодской волшебной сказке [4, с. 147–156; 6]. Ю. В. Коренева проанализировала феномен *чуда* в северных преподобнических житиях [8, с. 118–124], С. Ю. Неклюдов – в былинах [9, с. 146–158], С. Е. Никитина – в устных народных религиозных текстах [10, с. 59–73].

И. В. Семёнова сравнила концепты *чудо* и 奇迹 в русской и китайской лингвокультурах [14, с. 207–213], Е. И. Туйгильдина – в святочных рассказах Н. С. Лескова [17, с. 58–64].

Единого мнения о времени появления в русском языке и эволюции слова *чудо* – основного репрезентанта исследуемого макроконцепта – у этимологов нет. Слово *чудо* известно с X в. [12, с. 474], XI в. [18, с. 395]; отмечено в словарях с 1704 г. [19, с. 530].

Исследование словарных статей этимологических и историко-этимологических словарей русского языка позволило выявить 68 мотивирующих признаков концепта *чудо*. Для удобства описания эти признаки сгруппированы тематически в 11 кластеров. Назовем их.

1 кластер признаков – необъяснимое: ‘диво’, ‘небывалый’, ‘необыкновенный’, ‘необычный’, ‘непостижимый’, ‘удивлять(ся)’, ‘чудище/чудовище’, ‘чудотворный’, ‘явление’.

2 кластер признаков – магия: ‘ворожба’, ‘колдовство’, ‘чары’.

3 кластер признаков – сверхъестественное: ‘дух’, ‘сверхъестественное’, ‘сила’, ‘таинственный’.

4 кластер признаков – перцепция: ‘внимать’, ‘воспринимать’, ‘дивиться’, ‘замечать’, ‘наблюдать’, ‘нюхать’, ‘обонять’, ‘ощущать’, ‘слушать/слышать’, ‘смотреть’, ‘созерцать’, ‘чувствовать’, ‘чуять’.

5 кластер признаков – известность: ‘известный’, ‘репутация’, ‘слава’.

6 кластер признаков – человек с необыкновенными способностями: ‘мудрец’, ‘прорицать’, ‘странный’, ‘ясновидец’.

7 кластер признаков – быть настороже: ‘бдеть’, ‘беречься’, ‘остерегаться’, ‘осматриваться’, ‘охранять’.

8 кластер признаков – взаимоотношения: а) негативное: ‘оговаривать’, ‘осуждать’, ‘порицать’, ‘портить’, ‘хулить’; б) уважение: ‘почитаемый/ чтимый’, ‘почтение’, ‘славить’, ‘уважение’, ‘учитель’, ‘честь’.

9 кластер признаков – оценка: ‘великий’, ‘великолепие’, ‘достойный’, ‘злой’, ‘очаровательный’, ‘прелестный’, ‘страшный’, ‘(очень) хороший’, ‘устрашающий’.

10 кластер признаков – понимание: ‘понимать’, ‘проникаться’.

11 кластер признаков – волеизъявление: ‘воля’, ‘желание’, ‘изволение’, ‘умысел’.

Из 68 выделенных мотивирующих признаков 25 являются символическими. Эти первичные символические признаки макроконцепта *чудо* закономерно распределяются на пять групп:

1 группа. Некая сила (‘дух’, ‘сила’):

1. ‘Дух’. Соотнесение духа и чуда встречается в тексте Библии. Ассоциативная связь основана на восприятии одной из ипостасей Троицы – Духа Святого, творящего чудеса и дарующего человеку такую способность. Отсюда закрепившееся выражение *верить в чудеса*. К дарам Святого Духа относят: 1) дар чудес, 2) дар пророчеств и знамений, 3) дар откровений. Чудом считается рождение Иисуса Христа у Девы Марии от Духа Святого. Сотворение мира – это и есть проявление чуда Святого Духа. В русском языке закрепилось устойчивое выражение *творить чудеса*. Творчество человека подобно действию бога: человек-творец преисполняется божественного духа.

Дух – это сила, входящая в человека и проявляющаяся в нем через его поступки: у воина – это героизм, у созидателя – творение, у человека обыкновенного – стоицизм и необычайная выносливость. Чудо сотворяется через энергию, которая в народе именуется духом.

В народе распространено воззрение о нечистой силе, творящей чудеса. Такое представление проникло в среду русского дворянства в последней четверти XIX в. в виде веры в спиритизм (буквально веры в духов: *spirit* «дух»). В обществе устраивали спиритические сеансы, где вызывали духи умерших, и это считалось чудом. Человек, наделенный силой свыше, может повелевать этими духами.

Ментальность народа и есть его дух. Сила духа русского народа проявляется в способностях творить чудеса: «Вот поди-ка, разгадай-ка мне, что таится в глубине народного нашего духа, раскуси-ка ядро нашей народности – и тогда найдешь чудеса неслыханные и невиданные» (В. О. Ключевский. Записные книжки. 1861–1871).

Разум и наука отрицают чудеса как явление этого мира. Однако жизнь не ограничивается миром техники и электроники: мир человеку видится с разных позиций, вера в чудеса сохраняется.

2. ‘Сила’. Чудо – это и есть сила. Обладают такой силой не все люди, лишь особенные, которых переполняет энергия. Для совершения чудес человеку необходимо наполнение силой; об этом говорится в тексте Библии: «А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе» [16].

Чтобы совершить чудо, необходима таинственная сила, способная изменить мир. Сила эта не физическая, духовная. Сила проявляется в таланте. Чудеса видимы, воспринимаемы, но непостижимы.

В христианстве Бог-отец и его сын Иисус Христос наделены необыкновенной силой. Ее называют *силой Господней*. Подобной силой обладают святые апостолы. По аналогии с ней в человеке эта же сила умирает и возрождается, чтобы создавать новые чудеса: и тогда такой человек становится творцом, прежде всего писателем или поэтом. В таком случае возникает ассоциативная связь между духом и силой (ср. *сила духа*).

В бытовой магии используются заговоры, которые проявляют силу слова. Бог в Библии творит при помощи слова: и сказал Бог – да будет свет, и стал свет [15].

Религия приняла веру в магическую силу слова, отсюда вера в чудо молитвы. Светская традиция переносит представления о чуде-силе слова на поэзию. Борьба религий

и атеизм показывают смену верований – отказ от прежнего мировоззрения и замену его на новое.

Человек от природы получает силу физическую, которая тоже считается проявлением чуда, даром небес, и психическую. О некоторых птицах и зверях рассказывают чудеса, связанные с их силой.

2 группа. Магия – бытовая, боевая, климатическая и др. ('ворожба', 'колдовство', 'чары').

1. 'Ворожба'. К чудесам относят ворожбу, колдовство, сны и иные проявления сверхъестественного в жизни человека. Ворожба требует знания не только мантических систем, но и знаний природных процессов. Это занятие закреплено за женской сферой деятельности (*ворожея*).

2. 'Колдовство'. Чудо есть волшебство, колдовство. В категорию чудес в современном мире входят ворожба и колдовство. Сотворяют чудеса маги, волшебники и джинны из восточных сказок, которые сами считаются небывалым чудом. Колдовство – древняя магия – включает в себя превращения: в сказках это оборотничество, когда девица ударяется оземь и превращается в птицу. При этом чудеса в первой половине XX в. относятся к черной магии. Бытует мнение, что колдуны обращаются к потусторонним силам, чтобы творить чудеса. За этот дар им следует расплатиться – принести жертву. Маги, колдуны и волшебники наделены особой силой, чтобы творить чудеса. Обычные люди тоже наделены силой, созидающей чудо, имеющей целью творить добро.

3. 'Чары'. Чары – это проявление волшебства, колдовства, магии. У подобных чудес ограниченное время действия. По истечении определенного времени сила магии истекает, исчерпывается.

Магические воздействия на людей, животных и объекты мира есть чары. *Чары* – метафора колдовства, первоначально это был метонимический перенос: на чарах (чашах) *чародеи* волховали и гадали. При помощи чар творятся чудеса. Талантливые стихи являются примером магического чарования. Рифмованные слова суть заговоры. В отечественной лирике много метафор колдовства и магии: *очаровательный, очаровать, околдовать, колдовской, окрутить* (разг.).

3 группа. Нечто необычное.

1. 'Диво'. Слово *чудо* и его синонимы содержат эмоционально-ментальную оценку. В христианстве «чудо – знак Божественной воли» [10, с. 34].

Способами актуализации этого признака служат именные и глагольные конструкции *дивные чудеса, диво света и чудо искусства, дивиться/удивляться чуду*. Объединяет слова *чудо* и *диво* признак 'удивление', через который актуализируется значение чего-то необычного – экстраординарного события относительно мира физического или виртуального, метафизического, нравственного. Чудо свыше представлено посредством стертых военных метафор воздействия оружием: *поразить, сразить (наповал)* – т.е. удивить. Выражением *диво дивное, чудо чудное* описывается ситуация слома стереотипа – в XX в. у него появляется значение непредсказуемости: инверсия *диво дивное, чудо чудное* представляет момент, когда что-то понятное, банальное, неценное неожиданно меняет свои качественные признаки.

Сочетание слов *диво дивное, чудо чудное* широко используется в бытовой речи, в публицистике. Оно часто встречается в эпистолярном жанре. В некоторых контекстах совмещаются два выражения: *слыхом слыхивать* и *диво дивное, чудо чудное* с оттенком сказочности происходящего: в итоге контаминации получается *диво дивное, чудо неслыханное*. Н. А. Добролюбов считает, что *диво* – слово, замененное христианским словом *чудо*, ассоциирующимся со знамением: «Во всей повести господствует строго благочестивый взгляд, и повсюду предвещения и дива языческие заменены знамениями и чудесами христианскими» (Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии

русской литературы. 1858). Это не совсем так: *чудо* – это нечто необычное, не согласующееся с устоявшимися стереотипами, а *диво* – то, чему удивляются.

2. ‘Небывалый’. В конце XVIII в. небывалые происшествия назывались *ложными чудесами*, а в середине XIX в. они ценились очень высоко (так, к ним были причислены дети с необычными способностями). В конце XIX в. отношение к небывалым чудесам резко меняется: выражение *небывалое чудо* получает значения «ложь» и «бред»: *небывалым чудом* называется плод больной фантазии. Слово *небывалое* контекстуально синонимично *чуду*, например у Б. Пастернака: «Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обыденщины, без внимания к ее ходу» (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго. 1955).

На стыке XIX и XX вв. *небывалым чудом* называется необычная ситуация или экстраординарное происшествие. В XX в. сочетанием *небывалое чудо* описываются: талант музыканта, давшего необыкновенный концерт, стальная воля революционера с четким пониманием своей цели, вера в бога, воссозданная рукопись, отсутствие боли у больных. Чудом считается небывалая удача. Небывалым становится чудо, которому не суждено сбыться, – такое чудо *несбывшееся*. Трудные 90-е гг. XX в. вернули человеку ожидание небывалых чудес и веру в их возможность. В начале XXI в. заговорили о вероятности небывалого экономического чуда в России и Китае.

3. ‘Необыкновенный’. Великое чудо есть необыкновенный случай. Мало кто помнит пятую строку из стихотворения А. С. Пушкина 1829 г.:

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И Случай, бог изобретатель.*

Случай, по А. С. Пушкину, – это бог изобретатель. Бог – сотворитель чудес – творец. Необыкновенный случай и есть чудо, промысел божий. Случаем считается вмешательство сверхъестественных сил в жизнь человека.

Необыкновенное чудо – невероятное, невиданное, непривычное. Любое проявление жизни есть чудо. Любой период времени, каждая эпоха имеют отличительные черты чуда. В новое время появились выражения *чудо XX в.*, *чудеса техники*, *обыкновенное чудо* (так назывался фильм М. Захарова 1978 г.) – обыкновенность чуда есть оксюморон, констатирующий факт обесценивания чуда, неумение адекватно оценить его.

4. ‘Необычный’. Этим эпитетом наделяется некое явление природы с особыми качествами – например, озеро. Необычное чудо – неслыханное. *Необычное* и *чудо* – контекстуальные синонимы. «Некогда остановиться, оглянуться и, наконец, просто удивиться чему-то необычному: чуду природы или удивительному таинству древнего лечения» [12].

5. ‘Непостижимый’. Непостижимое – непонятное, неизвестное, невообразимое. Деяния творца кажутся человеку непостижимым чудом, как и открытия законов жизни. То, что человеку не дано объяснить, именуется им *непостижимым*. Сложными для пояснения, а потому непостижимыми становятся религиозные вопросы о теле Христа после смерти и его воскресении, о жизни, даруемой человеку, умении отдельных личностей сохранять свою силу после смерти в виде памяти о себе и влияния на умы людей, собственно процессе творчества, рождении ребенка, мире в целом и человеку в этом мире.

6. ‘Сверхъестественное’. Чудеса Л. И. Шестов делит на естественные и сверхъестественные: «Когда теория познания выставляла свой принцип естественной необходимости или невозможности чудесного, этике и теодицее ничего другого не оставалось, как предложить взамен невозможных сверхъестественных чудес свои возможные чуде-

са, естественные» (Л. И. Шестов. На весах Иова. 1929). Естественные чудеса еще называются реальными. Человек перестает удивляться чудесам. Отсюда происходит обесценивание этого феномена. Творцом сверхъестественных чудес является Бог, естественных – человек. Чудеса, совершенные богом, описаны в Библии. Большинство философов XIX – XX вв. считают, что сверхъестественных чудес в жизни не бывает, а человеку следует довольствоваться деяниями своих рук. Это положение лежит в основе теории познания.

К естественным чудесам, которые могут совершать люди, относятся: левитация – парение в небе, присутствие святого одновременно в разных местах, пророчества, воссоздание прошлого и др.

Чудом считается сила, превышающая возможности человека. Обычно такую силу называют богом. Сверхъестественное и есть чудо: это проявление иной реальности в нашем мире. Сверхъестественными считаются некоторые события в жизни человека, требующие изучения с целью познания этого мира в аспекте причинно-следственных связей.

7. ‘Удивляться’. Бытовавшие в русском языке выражения *Чудо как хорош(а)!* *Чудо!* *Чудеса!* содержат значение удивления, восхищения и указывают на позитивную оценку. Удивление вызывает женская красота, именуемая прелестью (ср. в Библии *прелесть* – это прельщение – проявление дьявольской силы). Прелестными, приравненными к чуду воспринимаются рукотворные и природные явления – картины, цветы, дом, усадьба и т.д.

Позитивная оценка чуда выражается магической метафорой *чар, очарования. Очаровательный* – эпитет чуда – необычного явления природы (*очаровательный сад/ дом/ человек*).

Подведем итоги.

Большое количество мотивирующих признаков макроконцепта *чудо* указывает на: 1) сложность определения этимологии его репрезентанта; 2) его древнюю природу; 3) смену верований в русской лингвокультуре, когда за духом и силой закрепляются полярные смыслы: нечистая сила и Бог, природный дух и третья ипостась Троицы – Дух Святой.

В диахронии русского языка известны многократные трансформации оценки *чуда* от положительной до негативной, что связано со сменой религии (приходом христианства), общественными потрясениями (революцией), влиянием иных культур (спиритизма) и т.д.

Почти половина всех мотивирующих признаков являются символическими, что позволяет отнести *чудо* к разряду символических макроконцептов.

Список литературы

1. Абышева Е. М. Концептуальные инверсии: концепт чудо: на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2008.
2. Аринин Е. И., Лютаева М. С., Лю К. Концепт чудо в религиозном дискурсе (семантические особенности российской и китайской культур в перспективе межкультурной коммуникации) // Концепт: философия, религия, культура. 2023. № 7 (4). С. 117–135.
3. Бобырева Е. В. Сравнительные характеристики концепта чудо в религиозном дискурсе в русском и английских языках // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 113–117.
4. Ильина Е. Н., Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 147–156.

5. Карасик В. И. Концептуализация чуда // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5. № 3 (16). С. 23–33.
6. Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дис. ... канд. филол. наук. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2018.
7. Колесов В. В. Русская ментальность на фоне западноевропейской // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст.; отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова. М.: Флинта, 2011. С. 5–16.
8. Коренева Ю. В. Лингвокультурема чудо в русском агиографическом тексте (северные преподобнические жития) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сб. ст. Вологда, 2013. С. 118–124.
9. Неклюдов С. Ю. Чудо в былине // Труды по знаковым системам. 4: Памяти Ю. Н. Тынянова / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1969. С. 146–158. (Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 236).
10. Никитина С. Е. О «чуде» в устных народных религиозных текстах // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. Академическая серия. Вып. 7. М.: Сэфер, 2001. С. 59–73.
11. Пименова М. В. Концептуальный мир – основа ментальности // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст.; отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова. М.: Флинта, 2011. С. 16–26.
12. Путешествия за необычным // Дзен. Вокруг света. URL: <https://dzen.ru/a/YvkAzh921FvGvHtY> (дата обращения: 16.07.2024).
13. Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
14. Семёнова И. В. Концепт чудо/ 奇迹” в языковом сознании представителей русской и китайской культур: результаты ассоциативного эксперимента // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 207–213.
15. Толкование на Бытие 1: 3 // Библия онлайн. Бытие. 1 глава. URL: <https://bible.by/fater/1/1/3/> (дата обращения: 16.07.2024).
16. Толкование на Деяния 6: 8 // Библия онлайн. Деяния апостолов. 6 глава. URL: <https://bible.by/fater/44/6/8/> (дата обращения: 16.07.2024).
17. Туйгильдина Е. И. Концепт «чудо» (на примере святочных рассказов Н. С. Лескова) // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 3. С. 58–64.
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999.
19. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М.: ФЛИНТА, Наука, 2010.

* * *

1. Aбыsheva E. M. Konceptual'nye inversii: koncept chudo: na materiale russkikh i irlandskikh poslovic, pogovorok i skazok: dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen': Tyumen. gos. un-t, 2008.
2. Arinin E. I., Lyutaeva M. S., Lyu K. Koncept chudo v religiovedcheskom diskurse (semanticheskie osobennosti rossijskoj i kitajskoj kul'tur v perspektive mezhkul'turnoj kommunikacii) // Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura. 2023. № 7 (4). S. 117–135.
3. Bobyreva E. V. Sravnitel'nye harakteristiki koncepta chudo v religioznom diskurse v russkom i anglijskikh yazykah // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 9 (152). S. 113–117.
4. P'ina E. N., Karpova V. V. Koncept chudo v vologodskoj volshebnoj skazke // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2019. № 2. S. 147–156.
5. Karasik V. I. Konceptualizaciya chuda // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. 2017. Т. 5, № 3 (16). S. 23–33.
6. Karpova V. V. Koncept chudo v vologodskoj volshebnoj skazke: funkicii tekstoobrazovaniya, sistema leksicheskikh i grammaticheskikh reprezentacij: dis. ... kand. filol. nauk. Vologda: Vologod. gos. un-t, 2018.
7. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' na fone zapadnoevropejskoj // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст.; отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова. М.: Флинта, 2011. С. 5–16.

8. Koreneva Yu. V. Lingvokul'turema chudo v russkom agiograficheskom tekste (severnye prepodobnicheskie zhitiya) // Obrazy nacional'noj mental'nosti v tekstah Russkogo Severa: sb. st. Vologda, 2013. S. 118–124.

9. Neklyudov S. Yu. Chudo v byline // Trudy po znakovym sistemam. 4: Pamyati Yu. N. Tynyanova / Otv. red. Yu. Lotman. Tartu. 1969. S. 146–158. (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vyp. 236).

10. Nikitina C. E. O «chude» v ustnyh narodnyh religioznyh tekstah // Koncept chuda v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii: sb. st. Akademicheskaya seriya. Vyp. 7. M.: Sefer, 2001. S. 59–73.

11. Pimenova M. V. Konceptual'nyj mir – osnova mental'nosti // Obraz mira v zerkale yazyka: sb. nauch. st.; otv. soled. V. V. Kolesov, M. V. Pimenova. M.: Flinta, 2011. S. 16–26.

12. Puteshestviya za neobychnym // Dzen. Vokrug sveta. URL: <https://dzen.ru/a/YvkAzx921FvGvHtY> (data obrashcheniya: 16.07.2024).

13. Sviridova M. N. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Adelant, 2014.

14. Semyonova I. V. Koncept chudo/ 奇迹”v yazykovom soznanii predstavitelej russkoj i kitajskoj kul'tur: rezul'taty asociativnogo eksperimenta // Epoha nauki. 2017. № 9. S. 207–213.

15. Tolkovanie na Bytie 1: 3 // Bibliya onlajn. Bytie. 1 glava. URL: <https://bible.by/fater/1/1/3/> (data obrashcheniya: 16.07.2024).

16. Tolkovanie na Deyaniya 6: 8 // Bibliya onlajn. Deyaniya apostolov. 6 glava. URL: <https://bible.by/fater/44/6/8/> (data obrashcheniya: 16.07.2024).

17. Tujgil'dina E. I. Koncept «chudo» (na primere svyatochnyh rasskazov N. S. Leskova) // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. № 3. S. 58–64.

18. Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. T. 2. M.: Russkij yazyk, 1999.

19. Shaposhnikov A. K. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. T. 2. M.: FLINTA, Nauka, 2010.

The symbolic macroconcept 'miracle' in the mirror of motivating signs

The symbolic macroconcept 'miracle' in the mirror of motivating signs is considered. There are revealed and described 25 symbolic first signs of macroconcept «miracle», forming 5 groups: 1) certain power ('spirit' and 'power'); 2) magic - common, war, climate, etc. ('fortune telling', 'witchery' and 'magic charms'); 3) something out of the ordinary ('wonder', 'fabulous', 'unusual', 'uncommon', 'intangible', 'supernature', 'dreadful', 'secret', 'be astonished', 'dreaded', 'monster/monstrosity', 'miraculous' and 'phenomenon'); 4) man with unconventional knowledge and abilities ('wiseman', 'teacher' and 'soothsayer'); 5) attitude towards the unusual ('wonder', 'fame', 'glory' and 'honour'). On the basis of such signs in the structure of the macroconcept 'miracle' it is attributed to the kind of symbolic macroconcepts.

Key words: symbolic macroconcept, motivating signs, symbolic first signs, structure of macroconcept, conceptology, Russian linguistic culture.

(Статья поступила в редакцию 14.09.2024).

Е. Б. НИКИФОРОВА

А. А. БУДАРИНА

Волгоград

**НАИМЕНОВАНИЯ ПОСУДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКО-
ДИАХРОНИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ**

Лексемы, номинирующие посуду в русском языке, рассматриваются в историческом аспекте с учетом изменений в семантической структуре слов. Предлагается семантико-диахроническая классификация лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Посуда», позволяющая проследить динамические изменения количественного и качественного характера от древнерусского языка до нашего времени.

Ключевые слова: лексема, семантическая структура слова, лексико-семантическая группа (ЛСГ), семантико-диахроническая классификация, исторические изменения, активный и пассивный лексический запас языка.

Проблеме изучения лексико-семантических групп посвящено множество работ. Ее исследованием занимались такие ученые, как Ф. П. Филин, А. А. Уфимцева, В. И. Кодухов, Э. В. Кузнецова. Вызывает интерес ученых и изучение лексем со значением 'посуда', однако данная ЛСГ до сих пор не изучалась комплексно в синхроническом и диахроническом аспекте. Так, в исследовании И. А. Косенковой рассматривается лексико-семантическая группа «Посуда» в современном языке [10]. Исследователь описывает лексемы, входящие в состав лексико-семантической группы «Посуда», рассматривает наиболее продуктивные способы пополнения данной ЛСГ, проводит лексико-семантический анализ лексем этой группы. Е. В. Иванова исследует структурно-семантические и лингвокультурные характеристики лексико-семантической группы «Посуда» на материале английского языка [7], а Г. Н. Хуснулина описывает способы образования наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке [23].

Актуальность исследования обусловлена отсутствием целостного описания ЛСГ «Посуда» в лингвистических исследованиях, необходимостью ее комплексного рассмотрения на разных этапах исторического развития языка, а также востребованностью лексем данной группы, частотностью их употребления в современном русском языке. Целью исследовательской работы стало описание семантико-диахронической классификации, предполагающей учет исторических изменений данной ЛСГ как количественного, так и качественного характера.

Материалом для исследования послужили данные ряда толковых словарей русского и древнерусского языка: Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля [3], Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского [17], Современного толкового словаря русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой [4], Словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [15], Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [19].

В ходе работы было проанализировано 1532 словоупотребления 122 лексем-наименований посуды в древнерусских и современных русских текстах. Для выявления особенностей семантики слов привлекались и данные иных словарей.

В результате исследования было определено, что ЛСГ «Посуда» и значения принадлежащих ей лексем претерпевали значительные изменения на протяжении веков, поэтому ЛСГ и лексемы, входящие в ее состав, имеет смысл рассматривать с историче-

ской точки зрения. Наглядно продемонстрировать динамические изменения, происходящие в лексико-семантической группе, может семантико-диахроническая классификация (см. подробнее: [13]).

Согласно такому подходу рассматриваемый материал распределяется на три группы:

1. Устаревшие лексемы пассивного лексического запаса языка, функционировавшие в древнерусский период, но позже вышедшие из употребления.
2. Лексемы активного запаса современного русского языка:
 - 2.1. Лексемы, сохранившие неизменную семантику.
 - 2.2. Лексемы, расширившие свое значение.
 - 2.3. Лексемы, сузившие свое значение.
 - 2.4. Лексемы, развившие дополнительные лексико-семантические варианты.
 - 2.5. Лексемы, утратившие лексико-семантические варианты.
3. Неологизмы – новые лексемы пассивного лексического запаса языка, пополняющие состав ЛСГ «Посуда» в наше время.

1. В первую группу входят лексемы, функционировавшие в языке с древних времен, но не дошедшие до наших дней. Эти лексемы или вообще не известны современным носителям русского языка, или осознаются ими как историзмы и архаизмы. Такие слова составляют 18% лексем всей ЛСГ. Например: *балакирь* ‘горшок для молока’, *братина* ‘сосуд для питья’, *взварница* ‘компотница, посуда для варки’, *дежа* ‘кадушка для замеса теста’, *ендова* ‘посуда для вина’, *кашник* ‘горшок для каши’, *квасник* ‘сосуд для кваса’, *корец* ‘ковш’, *корчага* ‘глиняный горшок’, *лагун* ‘сосуд для жидкостей’, *латка* ‘миска для жарки’, *лукно* ‘корзина’, *овощник* ‘емкость для овощей’, *опарник* ‘горшок для опары’, *рыльник* ‘сосуд для молока’, *солоница* ‘емкость для соли’, *поставец* ‘чашка, миска’ и др. При отнесении лексем к этой группе мы опирались на два критерия. Во-первых, на данные толковых словарей современного русского языка: обычно такие лексемы маркируются в них пометами *устаревшее*, а ряд слов и вовсе не регистрируется. Например, лексемы *балакирь*, *рыльник* не зафиксированы современными словарями. Однако следует подчеркнуть, что иногда некоторые очевидно устаревшие лексемы отмечаются в словаре, но никак не маркируются. Так, лексемы *братина*, *латка*, *опарник* в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [4] не имеют никаких помет. Поэтому второй критерий, который использовался для отнесения лексем к первой группе – это данные проведенного нами социологического опроса. Согласно его результатам, лексема *братина* известна лишь 11% респондентов, *латка* – 9%, *опарник* – 17% респондентов, в связи с чем мы считаем, что эти слова можно признать устаревшими и отнести к первой группе.

Некоторые устаревшие слова сохранились в качестве основы в именах собственных, например, в русских фамилиях (*Корчагин*), причем в ряде случаев внутренняя форма не является очевидной для носителей современного языка (*Балакирев*, *Дежин*). Ряд лексем остаются в диалектах вне пределов современного русского литературного языка. Так, лексема *корец* в Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова приводится с пометой *областное* [19], лексемы *дежа* и *туес* в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой – с пометой *местное* [4].

Лексемы этой группы можно встретить в древнерусских текстах, исторических и художественных произведениях, отражающих быт прошлых веков:

Столь и блюда, и ставцы, и лошки, и всякие суды и ковши, и братены, воды согревь, из утра перемыти и вытеретьти, и высушить (Домострой);

Два же брата между тем// Деньги царски получили, // В опояски их зашили, // Постучали ендовой и отправились домой (П. Ершов. Конек-Горбунок).

2. Вторая группа лексем – слова, входящие в активный лексический состав языка. Это самая большая группа, ей принадлежат 76% всех лексем ЛСГ «Посуда». Сюда от-

носятся, во-первых, лексемы, известные с древности и сохранившиеся в современном языке. Например: *бадья, баклага, блюдо, блюдце, бочка, ведро, горшок, гусятница, жаровня, жбан, кадка, квашня, ковш, котелок, кринка, кувшин, масленка, миска, перенница, пиала, плошка, сковорода, солонка, ступа, сырница, утятница, ушат, хлебница, чан, чаша, чашка, черпак*. Во-вторых, в эту группу лексем входят слова, пополнившие ЛСГ «Посуда» после древнерусского периода. Так, в XVI–XVII вв. появились лексеммы *банка, бутылка, горчица, икорник, кокотница, кружка, рассольница, стопка, судок, тарелка, уксусница, чайник, чайница и штоф*, в XVIII в. *бокал, графин, казан, кастрюля, компотница, кофейник, кофейница, молочник, пашотница, пирожница, поднос, противень, рюмка, салатник, самовар, сахарница, сливочник, сметанница, соусник, супница, сухарница, тортница, хренница, чумичка, шкалик, фляга*. В XIX в. в лексико-семантическую группу «Посуда» вошли новые слова: *бурдюк, олейница, пашетница, розетка, селедочница, турка, фруктоvnица, фужер*. В XX в. появились слова *бутербродница, джемница, контейнер, конфетница, креманка, мармит, менажница, сотейник, термос, шейкер*. Как свидетельствует наш анализ, семантика слов этой группы, независимо от своего происхождения и стажа пребывания в языке, может развиваться по-разному. Рассмотрим возможные варианты.

2.1. Лексема может сохранить свое первоначальное значение неизменным. Например, лексема *сковорода* и в древнерусский, и в современный период развития языка реализует единственное значение ‘кухонная посуда круглой формы с загнутыми краями для жаренья’ [15, т. 4, с. 112].

А у поваровъ бы и у хлебниковъ и у всяких приспешниковъ была бы вся порядня: и котлы, и сковороды, и горьшки, и медные и железные, и таганы, и решетки, и чюмичи, и корцы, – все бы было чисто и цело (Домострой);

В доме уж засветились огни; на кухне стучат в пятеро ножей; сковорода грибов, котлеты, ягоды... тут музыка... (И. Гончаров. Обломов).

Тем не менее это не мешает использованию слова в нетипичных контекстах, например: *Что есть жена? Покошце змеиное, болезнь, бесовская сковорода, бесцельная злоба, соблазн адский, увет дьявола... (А. Толстой. Петр Первый).*

2.2. В ходе исторического развития слово может расширить свое значение. Это происходит в том случае, если в семантической структуре слова происходит нейтрализация хотя бы одной из ядерных сем. При этом круг объектов, номинируемых данной лексемой, расширяется. Например, лексема *утятница* в результате нейтрализации ядерной семы ‘утка’ приобретает более широкое значение, обозначая посуду для приготовления не только утки, но и курицы, мяса, овощей:

В утятнице можно также запекать ростбиф (кусок говяжьей вырезки), лопатку или колено, курицу, индейку, тушить мясное или овощное рагу [8]; Гречку с белыми грибами, перловку на квасе с соленым палтусом или классические щи можно приготовить в утятнице при такой температуре часа за три [16].

Подобное изменение значения при нейтрализации ядерной семы ‘суп’ наблюдается и в слове *супница*:

Красивая удобная супница подходит для готовки блюд при высоких температурах в духовой печи. В такой глиняной посуде можно варить каши, супы, запекать мясо, рыбу, тушить овощи и подавать готовое на стол [18].

2.3. В процессе исторического развития значение лексем может сузиться. Такое становится возможным, если в семантической структуре слова происходит актуализация хотя бы одной периферийной семы. Если она становится ядерной, круг предметов, номинируемых данной лексемой, уменьшается. Так, лексема *миска* до XIX в. употреблялась в качестве общего названия для любых тарелок, в наши же дни под миской понимаются тарелки только определенной формы, ‘столовая посуда в виде глубокой тарелки’. Сужение значения данной лексеммы произошло в связи с актуализацией семы

‘глубокая’: *Обеими руками сваха взяла из миски хмель и осыпала Петра и Евдокию* (А. Толстой. Петр Первый).

2.4. В историческом развитии лексем их семантическая структура может пополняться новыми лексико-семантическими вариантами. Так, лексема *блюдо*, первоначально имеющая значение ‘столовая посуда в виде большой тарелки для подачи к столу кушанья’ в результате метонимического переноса развивает новый ЛСВ ‘кушанье’:

Обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом (А. Пушкин. Выстрел). – Ср.: *Карлы внесли на золоченых блюдах, держа их над головами, пирог из воробьев и жареных перепелок* (А. Толстой. Петр Первый).

Подобный процесс происходит при получении одной из сем статуса архисемы в новом лексико-семантическом варианте: ‘посуда’ – ‘кушанье’. Данное слово в современном русском языке может реализовывать оба значения.

2.5. Многозначные же слова в процессе исторических преобразований могут со временем утрачивать некоторые ЛСВ. Так, в XVIII-XIX вв. в русском языке сосуществовали лексемы *хлебник* и *хлебница*, причем обе были полисемантическими и имели лексико-семантические варианты, входящие в ЛСГ «Посуда»: *хлебник* ‘нож для резки хлеба’, *хлебница* ‘тарелка, корзинка для хлеба’ [19, т. 4, с. 1150]. В XX в. слово *хлебник* в значениях: 1) ‘тот, кто печет и продает хлеб’, 2) ‘домашнее животное, откармливаемое хлебом’, 3) ‘хлебное вино, водка’, 4) ‘нож для резки хлеба’ [19, т. 4, с. 1150] – вышло из употребления, лишь некоторые из его ЛСВ остались за пределами литературного языка в областных говорах. Лексема *хлебница* утратила устаревшее значение ‘женск. к *хлебник* – тот, кто печет и продает хлеб’ и в современном русском языке актуализует единственное значение ‘тарелка, коробка для хлеба’.

Займствование *штоф* пришло в русский язык в Петровскую эпоху, и его значение в то время – ‘мера объема жидкости (обычно вина, водки), равная 1/10 ведра’, и – в результате метонимического переноса – ‘бутылка такой меры’ [19, т. 4, с. 1370]. Второй лексико-семантический вариант, пополнившей ЛСГ «Посуда», оказался гораздо более востребованным в языке:

Чтобы Никита не скучал у дерева, Петр приказывал ставить перед ним штоф водки (А. Толстой. Петр Первый);

Поверите ли? Один выпил полторы бутылки мадеры, два штофа квасу, да вон теперь и завалился (И. Гончаров. Обломов).

Лексико-семантический вариант ‘мера объема жидкости, равная 1/10 ведра’ со временем перестает использоваться, а ЛСВ ‘четырёхгранная бутылка для вина-водки такой вместимости’ в МАС маркирован как устаревший [15, т. 4, с. 732]. Тем не менее данные нашего социологического опроса не подтверждают архаизации лексем. В современный период развития языка лексема реализует единственное значение ‘бутылка/графин для крепких напитков’, причем семы ‘четырёхгранная’ и ‘вместимости 1/10 ведра’ представляются лишь потенциальными:

Современные штофы для водки часто продаются в комплекте с рюмками. Стопки и штоф выполнены в единой стилистике, иногда самой причудливой [26]. В хрустальном штофе крепкий напиток будет переливаться из-за отражения и преломления света в алмазных гранях штофа [22].

3. В третью группу анализируемых единиц входят слова пассивного лексического запаса, однако, в отличие от слов первой группы, они являются не устаревшими словами, а напротив, неологизмами, стремящимися попасть в сферу активного лексического запаса. Это самая малочисленная группа, в нее входит всего 6% лексем. Пока эти лексемы еще не стали общеупотребительными, не зафиксированы в толковых словарях современного языка. Это такие слова, как *декантер*, *ланч-бокс*, *термокружка*, *термостакан*, *фондюшница*, *френч-пресс*, *шот* и т.п.:

Декантер – незаменимый предмет для настоящих ценителей вина. Это стеклянный графин, в который переливают вино перед подачей на стол. В этом и заключается процесс декантирования, который насыщает вино кислородом, раскрывая его букет, а выдержанные вина избавляет от осадка. Кроме того, красота хрустального декантера и изысканность самого ритуала декантирования создает особенное настроение за столом [5];

Изначальное предназначение **декантера** для вина – снятие выдержанного вина с осадка, однако сегодня **декантеры** также используются и для аэрации молодых вин, которая, благодаря контакту с кислородом, помогает лучше раскрыть многогранный букет аромата напитка [6];

Набор для приготовления шоколадного фондю со шпажками отличается универсальностью и классическим исполнением. **Фондюшница** для шоколада и сыра в современном стиле – это прекрасное пополнение посуды и инвентаря для домашней кухни. Процесс приготовления фондю приносит массу положительных эмоций и впечатлений [11];

Но **ланч-боксы** предназначены не только для хранения, но и для транспортировки продуктов. Поэтому качественные модели всегда снабжены клик-механизмом, который не позволит крышке открыться от тряски [9]; Размер **ланч-бокса** зависит от целей использования. Если вы берете с собой только легкий перекус, достаточно компактной модели [9];

Благодаря компактному размеру и разнообразным формам, **ланч-боксы** легко помещаются в сумку, рюкзак или сумку для переноски пищи. Они позволяют вам готовить еду заранее и брать ее с собой на работу, в школу, на пикник или в путешествие [14];

Первый **френч-пресс**, который был изобретен во Франции, являлся упрощенной версией современного кофе-пресса – металлический или марлевый фильтр был прикреплен к стержню, который пользователь продавливал через горячую воду и кофе [21];

Термокружки способны эффективно сохранять температурный режим. В этом их главное отличие от обычной посуды. От термосов они отличаются тем, что позволяют пить прямо из горлышка, а объем большинства моделей редко превышает 0,7 литра. Основное назначение **термокружки** – поддерживать высокую температуру содержимого на время от 20 до 120 минут [25];

Изначально **термокружки** были исключительно туристическим предметом, однако быстро завоевали популярность и стали чаще использоваться в быту; Еще одно название **термостаканов** – **тамблеры**. Как правило, так называют сосуды вытянутой формы, внешне похожие на большие бумажные стаканчики для кофе навынос [2].

Таким образом, анализ нашего материала показал, что ЛСГ «Посуда», известная еще с древних времен, является активно развивающейся открытой группой, пополняющейся новыми заимствованными или русскими лексемами.

Семантико-диахроническая классификация призвана отразить подвижность и текучесть, историческую изменчивость языка. В каждый хронологический период состав всех указанных групп ЛСГ «Посуда» будет различным, что обусловлено движением, динамическим развитием языка. Каждая новая лексема сначала попадает в третью группу как неологизм, затем в результате адаптации переходит во вторую группу и позже, возможно, в первую, но уже как устаревшее слово.

Каждое слово проживает в языке свою собственную жизнь, по-своему уникальную, но в то же время можно говорить и о типических исторических процессах: лексемы – давно существующие и недавно вошедшие в ЛСГ, заимствованные и собственно русские – способны в тот или иной период сохранять или преобразовывать свою семантическую структуру, сужать или расширять значение, развивать новые лексико-семантические значения или утрачивать их, менять иерархию лексико-семантических вариантов.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000.
2. Гид по термokrужкам // Проект 111. URL: <https://gifts.ru/news/10002588> (дата обращения: 15.09. 2024).
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ГИС, 1955.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. А-Л. М.: АСТ, 2006.
5. Декантер Айсберг // TOGAS. URL: <https://www.togas.com/ru/dekanter-ajsberg-102400105.html> (дата обращения: 18.09. 2024).
6. Декантеры для вина // Винный клуб Prive. URL: <https://simplewine.ru/catalog/steklo/dekantery/> (дата обращения: 05.09. 2024).
7. Иванова Е. В. Структурно-семантические и лингвокультурные характеристики англоязычной бытовой лексики (на материале лексико-семантической группы «посуда»): дис. ... канд. филол. наук: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. Самара, 2011.
8. Как и что готовить в утятнице? // RADIUS. URL: <https://radius-opt.ru/events/articles/546/> (дата обращения: 11.09. 2024).
9. Какие бывают ланч-боксы // ГАСТРОНОМЪ. URL: <https://www.gastronom.ru/text/kakie-byvayut-lanch-boksy-kakoj-vybrat-plastikovyy-ili-iz-nerzhavjki-1022797> (дата обращения: 15.09. 2024).
10. Косенкова И. А. Лексико-семантическая группа существительных со значением «посуда» в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1999.
11. Набор для фондю // Все инструменты. URL: <https://www.vseinstrumenti.ru/product/nabor-dlya-fondyu-fondyushnitsa-dlya-shokolada-i-syra-shpazhki-dlya-fondyu-shiny-kitchen-g0192-9610820/> (дата обращения: 16.09. 2024).
12. Никифорова Е. Б. Активный и пассивный словарный запас русского языка первых десятилетий XXI века: динамические процессы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (157). С. 104–111.
13. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: монография. Волгоград: Перемена, 2008.
14. Практичные ланч-боксы // GLOBAL DREAM TEAM. URL: <https://gl-market.ru/blog/sovety-pokupatelyam/praktichnye-lanch-boksy-vybirayte-stil-i-funktsionalnost/> (дата обращения: 15.09. 2024).
15. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984.
16. Советская утятница: используем по-новому // Еда. URL: <https://eda.ru/media/vsjudu-zhizn/sovetskaya-utyatnica-ispolzuem-po-novomu> (дата обращения: 15.09. 2024).
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: ГИС, 1958.
18. Супница // Маматаки. URL: https://mamataki.ru/product/supnitsa-1678/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 25.09. 2024).
19. Толковый словарь русского языка: В 4 т. // Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3: Муза – Сят: ок. 5500 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009.
21. Френч-пресс // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%87-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81> (дата обращения: 15.09. 2024).
22. Хрустальные штофы // Гусь Хрустальный. Интернет-магазин. URL: <https://gus-khrustal.ru/hrustalnye-shtofy> (дата обращения: 15.09. 2024).
23. Хуснулина Г. Н. Способы образования наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. 2016. № 4 (46). С. 82–86.
24. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2: Панцирь – Ящур. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002.
25. Что такое термokrужка и как ее выбрать // IMARKET.BY. Интернет-магазин. URL: <https://imarket.by/blog/sport-i-turizm/chto-takoe-termokruzhka-i-dlya-chego-ona-nuzhna.html> (дата обращения: 15.09. 2024).
26. Штоф: что это, история, виды, интересные факты // INSHAKER. URL: <https://ru.inshaker.com/trends/znaniya/shtof-chto-eto-istoriya-vidy-interesnye-fakty> (дата обращения: 15.09. 2024).

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznecov. SPb: Norint, 2000.
2. Gid po termokruzhkam // Proekt 111. URL: <https://gifts.ru/news/10002588> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. M.: GIS, 1955.
4. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 3 t. T. 1. A-L. M.: AST, 2006.
5. Dekanter Ajsberg // TOGAS. URL: <https://www.togas.com/ru/dekanter-ajsberg-102400105.html> (data obrashcheniya: 18.09. 2024).
6. Dekantery dlya vina // Vinnyj klub Prive. URL: <https://simplewine.ru/catalog/steklo/dekantery/> (data obrashcheniya: 05.09. 2024).
7. Ivanova E. V. Strukturno-semanticheskie i lingvokul'turnye karakteristiki angloyazychnoj bytovoj leksiki (na materiale leksiko-semanticheskoy gruppy «posuda»): dis. ... kand. filol. nauk: Povolzh. gos. soc.-gumanitar. akad. Samara, 2011.
8. Kak i chto gotovit' v utyatnice? // RADIUS. URL: <https://radius-opt.ru/events/articles/546/> (data obrashcheniya: 11.09. 2024).
9. Kakie byvayut lanch-boksy // GASTRONOM». URL: <https://www.gastronom.ru/text/kakie-byvayut-lanch-boksy-kakoj-vybrat-plastikovyy-ili-iz-nerzhavejki-1022797> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
10. Kosenkova I. A. Leksiko-semanticheskaya gruppy sushchestvitel'nyh so znacheniem «posuda» v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 1999.
11. Nabor dlya fondyu // Vse instrumenty. URL: <https://www.vseinstrumenti.ru/product/nabor-dlya-fondyu-fondyushnitsa-dlya-shokolada-i-syra-shpazhki-dlya-fondyu-shiny-kitchen-g0192-9610820/> (data obrashcheniya: 16.09. 2024).
12. Nikiforova E. B. Aktivnyj i passivnyj slovarnyj zapas russkogo yazyka pervyh desyatiletij XXI veka: dinamicheskie process // Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskie nauki. 2021. № 4 (157). S. 104–111.
13. Nikiforova E. B. Semanticheskaya evolyuciya leksicheskoy sistemy russkogo yazyka: tendencii, vektory, mekhanizmy: monografiya. Volgograd: Peremena, 2008.
14. Praktichnye lanch-boksy // GLOBAL DREAM TEAM. URL: <https://gl-market.ru/blog/sovety-pokupatelyam/praktichnye-lanch-boksy-vybirayte-stil-i-funktsionalnost/> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
15. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoy. M.: Rus. yaz., 1981–1984.
16. Sovetskaya utyatnica: ispol'zuem po-novomu // Eda. URL: <https://eda.ru/media/vsjudu-zhizn/sovetskaya-utyatnica-ispolzuem-po-novomu> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
17. Sreznevskij I. I. Materialy dlya slovara drevnerusskogo yazyka. M.: GIS, 1958.
18. Supnica // Mamataki. URL: https://mamataki.ru/product/supnitsa-1678/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (data obrashcheniya: 25.09. 2024).
19. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4 t. // Pod red. prof. D. N. Ushakova. M.: Sovetskaya enciklopediya; OGIZ, 1935–1940.
20. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 3: Muza – Syat: ok. 5500 slov / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 4-e izd., ster. M.: Astrel': AST, 2009.
21. French press // Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%87-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
22. Hrustal'nye shtofy // Gus' Hrustal'nyj. Internet-magazin. URL: <https://gus-khrustal.ru/hrustalnye-shtofy> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
23. Husnulina G. N. Sposoby obrazovaniya naimenovaniy posudy i kuhonnoj utvari v tatarskom yazyke // Filologiya i kul'tura. 2016. № 4 (46). S. 82–86.
24. Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremenogo russkogo yazyka: V 2 t. T. 2: Pancir' – Yashchur. 5-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 2002.
25. Chto takoe termokruzhka i kak ee vybrat' // IMARKET.BY. Internet-magazin. URL: <https://imarket.by/blog/sport-i-turizm/chto-takoe-termokruzhka-i-dlya-chego-ona-nuzhna.html> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).
26. Shtof: chto eto, istoriya, vidy, interesnye fakty // INSHAKER. URL: <https://ru.inshaker.com/trends/znaniya/shtof-chto-eto-istoriya-vidy-interesnye-fakty> (data obrashcheniya: 15.09. 2024).

*Naming units of dishes in the Russian language:
semantic and diachronic classification*

The lexical units, nominating the dishes in the Russian language, are considered in the historical aspect with the consideration of changes in the semantic structure of words. There is suggested the semantic and diachronic classification of lexical units, included in the lexical and semantic group «Dishes», allowing to identify the dynamic changes of quantitative and qualitative nature from the Old Russian language till our times.

Key words: lexical unit, semantic structure of word, lexical and semantic group, semantic and diachronic classification, historical changes, active and passive vocabulary of language.

(Статья поступила в редакцию 24.09.2024).

А. М. КАРПОВА
Волгоград

**КОПИПАСТА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО КРЕОЛИЗОВАННОГО
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ СТРИМИНГОВОЙ
ПЛАТФОРМЫ «TWITCH»)**

Рассматривается копипаста как разновидность электронного креолизованного текста. Проанализированы русскоязычные тексты сообщений-копипаст пользователей чата «GeneraL_HS_» стриминговой платформы «Twitch». Выделены отличительные лингвистические признаки копипаст как креолизованных текстов.

Ключевые слова: копипаста, интернет-коммуникация, креолизованный текст, Twitch, стриминг, сообщения пользователей чата, смайлики.

Обращение к креолизованному тексту является актуальным вопросом в современной отечественной лингвистике, а именно, паралингвистике, изучающей невербальные средства, включенные в речевое сообщение и передающие с вербальными средствами смысловую информацию. К данной проблеме обращались многие лингвисты (Н. Н. Трошина [13], М. Д. Маричев [9], М. Б. Ворошилова [4; 5], Е. Ф. Тарасов [8], М. О. Матвеев [8] и др.), защищено немало диссертаций, связанных с рассмотрением функционирования креолизованных текстов в различных дискурсах (Ю. В. Варламова [3], М. М. Донская [6], Д. С. Мичурин [10] и др.).

Несмотря на большое количество упомянутых выше работ, рассматривающих креолизованный текст, анализируемое языковое явление остается малоизученным. На наш взгляд, интерес к изучению таких текстов также обуславливается их особой структурой, благодаря которой восприятие креолизованного текста происходит быстрее и проще за счет включения в его состав невербального компонента (например, изображения) и небольшого текста, в то время как для прочтения некреолизованного текста от адресата требуется больше усилий и времени. Как отмечает Н. С. Валгина, основной задачей автора текста является обеспечение реципиенту наиболее благоприятных условий для понимания текста. Исходя из этой задачи, автор может прибегать не только к вербальным средствам выражения, но и к невербальным. «Сочетание вербальных и невербальных изобразительных средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект» [2, с. 118].

Е. Е. Анисимова говорит о том, что между вербальной и невербальной частями креолизованного текста могут устанавливаться следующие корреляции:

1. Отношения взаимодополнения, когда невербальный компонент понятен реципиенту без дополнительных речевых комментариев и может существовать самостоятельно, а вербальный компонент лишь «описывает данное изображение, дублируя его информацию. Вербальному комментарию отводится вторичная, дополнительная функция» [1, с. 12].

2. Отношения взаимозависимости, при которых невербальный компонент зависит от вербального, определяющего его интерпретацию. «Без комментария смысл изображения неясен или может быть превратно истолкован. Вербальный комментарий в данном случае выполняет первичную, основную функцию» [Там же].

Е. Е. Анисимова предлагает различать тексты с *нулевой креолизацией* – невербальный компонент в данных текстах отсутствует и не играет никакой роли в их организации; *частичной креолизацией* – в данных текстах невербальный компонент является факультативным элементом в организации текста и лишь сопровождает вербальную часть, между рассматриваемыми частями устанавливаются автосемантические отношения; *полной креолизацией* – обе рассматриваемые части, вербальная и невербальная, взаимосвязаны и не могут существовать автономно, между ними устанавливаются синсемантические отношения; изобразительный компонент становится облигаторным элементом текста, а текстовый комментарий ориентирован на него или отсылает к нему [1].

А. А. Мусохранова и О. А. Крапивкина выделяют такие признаки креолизованных текстов, как социокультурная ориентированность (интеркультурно ориентированные, транскультурно ориентированные); тип коммуникации (тексты устной коммуникации, тексты письменной коммуникации, тексты смешанного типа); количество компонентов (тексты с двумя компонентами и тексты с тремя компонентами); гипертекстовая осложненность (тексты с гиперкодом, тексты без гиперкода); степень предполагаемой вовлеченности читателя (тексты с минимальной вовлеченностью читателя, тексты со средней вовлеченностью и тексты с существенной вовлеченностью); степень композиционной сложности (простые и сложные тексты) [11].

Отметим, что приведенными выше классификациями их список не исчерпывается, к примеру, О. В. Пойманова предлагает классифицировать тексты по соотношению объема информации, которую передают различные знаки, и по роли изображения [12].

К разновидности креолизованного текста можно отнести и копипасту. Уточним, что в нашем исследовании копипастой называется вид «сетевого текста, сообщение в чате, которое копируется другими пользователями в случае, если его содержание понравилось или показалось интересным, смешным, подходящим для ситуации и т. п.» [7, с. 76]. Копипаста, называемая пользователями чатов «пастой», является электрон-

  murtiger: ВЗГЛЯНИ ВОКРУГ
 ОГЛЯНИСЬ НАЗАД АНВИБАБЛЫ С
 ТОБОЙ СВЯЗАТЬСЯ ХОТЯТ МИР НИ
 ТАКОЙ КАКИМ КАЖЕТСЯ ОН СКРЫТЫМ
 ПУЛОМ КАЖДЫЙ ОКРУЖЕН ВСЕ
 ВОКРУГ ПОДВАЛАСНО РУКАМ АПНУТЬ СВОЙ
 ЧАЛИК ДОЛЖЕН ТЫ СТАМ ВСТРЕТЬ
 СВОЮ СУДЬБУ БЫТЬ ХАРДСТАКАМ
 КОРОЛЕМ ВСЕХ ХАРДСТАКОВ
 КОРОЛЕМ ЕСЛИ ТИЛЬТ ТВОЙ СИЛЕН
 БУДЬ ХАРДСТАКОМ КОРОЛЕМ

Рис. 1. Текст копипасты с использованием смайлика «BloodTrail»

anakonda_jaconda: ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
 Только в нашем цирке! Лысый
 Мастер тир клоун на топе
 Проигравший лайн саппорту 1x1
 Рассказывает как виновата команда!
 Не пропустите!

Рис. 2. Пример текста копипасты с использованием смайликов «reepoClown» и «Clap»

ACWepon: БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ
 БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ
 БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ
 БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ
 БЕЖИТ БЕЖИТ БЕЖИТ

Рис. 3. Пример текста копипасты с использованием смайлика «stopBruh»

ным текстом, относительно новым языковым явлением, которое еще не в полной мере изучено лингвистами. В исследовании нуждается структура текстов копипасты, используемые лексические единицы и невербальные единицы этой разновидности электронных текстов. Нами были установлены этапы существования данной языковой инновации в чатах стримингового сервиса «Twitch» с момента написания и отправки сообще-

ния пользователем (потенциальной копипасты) до исчезновения данного текста из чата по различным причинам [7].

Одним из главных признаков копипасты как креолизованного текста является наличие вербального и невербального компонентов.

Невербальными компонентами очень часто являются изображения-смайлики, используемые для подкрепления смысла написанного. Как показал анализ, в 80% рассмотренных копипаст содержатся смайлики. Например, в тексте копипасты на рис. 1 вербальный компонент (текст) сочетается с невербальным (смайлик «BloodTrail» со значением ‘издевательство’). Данные компоненты взаимодействуют друг с другом и обеспечивают целостность и связанность копипасты как разновидности сетевого текста, формируют ее коммуникативный эффект: использование данного смайлика демонстрирует, что копипаста носит сатирический характер, высмеивает стримера, к которому она обращена, и подкрепляет отрицательную коннотацию текста. Все примеры копипаст на рис. 1 взяты из чата онлайн-трансляций стримера «GeneraL_HS_».

Как отмечает Е. Е. Анисимова, между вербальным и невербальными компонентами всегда устанавливаются отношения взаимозависимости [1]. Именно данный тип взаимоотношений наиболее частотен в текстах копипаст, что обуславливается использованием таких графических средств передачи информации, как смайлики. Рассмотрим несколько примеров (см. рис. 2 и рис. 3), подтверждающих эту мысль.

В первом тексте представлено сочетание смайликов «reeroClown» и «Clap», имеющих значения ‘клоун’ и ‘аплодисменты’, которые подкрепляют отрицательную оценочную семантику действий стримера вербального компонента и не позволяют истолковать текст превратно. Во втором тексте также наблюдается тесная взаимосвязь между вербальным и невербальными компонентами, т. к. смайлик «stonBruh» (‘недоверие к сказанному’) используется для замены слова *nigger*, которое является запрещенным на стриминговом сервисе. В данном случае смайлик применен для обозначения героя игры «Лига легенд» по имени К’Санте, который является представителем негроидной расы. В обоих случаях представлено наглядное подтверждение того, что между элементами креолизованного текста устанавливаются *отношения взаимозависимости*. Это обусловлено тем, что изображения в виде смайликов являются необходимым элементом для понимания текста: они материализуют те смыслы, которые невозможно выразить с помощью слов, являющихся табуированными на данном стриминговом сервисе и влекущих за их использование блокировку аккаунта пользователя. Стоит отметить, что значение данных невербальных единиц активируется только в тексте, т. е. в окружении вербальных единиц: «stonBruh» со значением ‘недоверие к сказанному’ в рассматриваемом примере приобретает новое значение ‘ниггер’.

Таким образом, взаимосвязь вербальных и невербальных единиц заключается в том, что, с одной стороны, текст копипасты без смайликов не содержит всей полноты информации, которую хочет передать автор, что влечет собой коммуникативную неудачу, т. к. собеседник не поймет заложенный в сообщении смысл. С другой стороны, вне окружения вербальных единиц смайлики не способны передавать информацию точно, как и в упомянутом выше примере с «stonBruh», поскольку изначально он имеет иное значение, нежели то, что было заложено автором в сообщении.

Можно отметить, что все три приведенных выше примера являются текстами с *полной креолизацией*, и, по мнению Е. Е. Анисимовой, представляют собой тексты, в которых обе рассматриваемые части, вербальная и невербальная, взаимосвязаны и не могут существовать автономно. Между вербальной и невербальной частями таких текстов устанавливаются синсемантические отношения, изобразительный компонент становится облигаторным элементом текста, а текстовый комментарий ориентирован на него или отсылает к нему [1]. Как показал анализ вышеприведенных примеров, имен-

но такая взаимосвязь устанавливается между вербальным и невербальным элементами копипасты.

Исследуя креолизованные тексты, А. А. Мусохранова и О. А. Крапивкина описали различные типы текстов [11]. Опираясь на данную классификацию креолизованных текстов, можно отнести копипасты к следующим типам:

- по социокультурной ориентированности копипаста относится к интеркультурно ориентированным, т. к. использование смайликов ограничивает функционирование копипаст границами стриминговой платформы. Отметим, что рассматриваемое явление часто не выходит за рамки той игровой категории (одной игры), в которой было создано (например, рассматриваемые выше тексты функционируют только в чатах стримеров такой игровой категории, как «League of legends»);

- по типу коммуникации копипаста относится к текстам письменной коммуникации, потому что сообщения в чате являются исключительно письменным явлением;

- по количеству компонентов копипаста относится к текстам с двумя компонентами (вербальный и иконический), потому что имеет структуру *текст копипасты + смайлик*;

- по гипертекстовой сложности копипаста относится к текстам без гиперкода, т. к. их использование ограничено правилами стримингового сервиса;

- по степени предполагаемой вовлеченности читателя копипаста относится к текстам с существенной вовлеченностью читателя, т. к. один из этапов существования копипасты предполагает активное копирование ее текста пользователями после его прочтения и оценки;

- по степени композиционной сложности копипаста относится к простым текстам, что обусловлено местом функционирования копипаст, т. е. чатами, в которых идет активное обсуждение трансляции и наблюдается большой поток мгновенных сообщений, и их основной функцией, а именно, развлекательной.

В заключение мы можем сделать вывод, что *копипаста* – это разновидность электронного креолизованного текста, между компонентами которого устанавливаются отношения взаимозависимости. Сами копипасты являются полностью креолизованными, а также интеркультурно ориентированными простыми текстами письменной коммуникации с двумя компонентами, с существенной вовлеченностью читателя и без гиперкода.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003.
2. Валгина Н. С. Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003.
3. Варламова Ю. В. Функциональное взаимодействие вербальных и невербальных средств в реализации иллокутивной цели директивного речевого акта в креолизованном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2009.
4. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 75–80.
5. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 177–183.
6. Донская М. М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова М., 2007.
7. Карпова А. М. Копипаста как новое языковое явление // Грани познания. 2023. № 3 (86). С. 75–79.
8. Креолизованный текст: Смысловое восприятие: кол. монография / Отв. ред. И. В. Вашунина; Редкол.: Е. Ф. Тарасов, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев. М., 2020.
9. Маричев М. Д. Особенности креолизованного текста и его классификация // E-Scio. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kreoelizovannogo-teksta-i-ego-klassifikatsiya> (дата обращения: 12.09.2024).

10. Мичурин Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ: на материале русскоязычных имидж-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Твер. гос. ун-т. Тверь, 2014.

11. Мусохранова А. А., Крапивкина О. А. Типология креолизованных текстов // European Student Scientific Journal. 2014. № 3. URL: <https://s.sjes.esrae.ru/pdf/2014/3/12.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).

12. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеoverбального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. лингвистический ун-т. М., 1997.

13. Трошина Н. Н. Креолизованные тексты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 45–49.

* * *

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannykh tekstov): Ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. M.: Academia, 2003.

2. Valgina N. S. Teoriya teksta: Ucheb. posobie. M.: Logos, 2003.

3. Varlamova Yu. V. Funkcional'noe vzaimodejstvie verbal'nyh i neverbal'nyh sredstv v realizacii illokutivnoj celi direktivnogo rechevogo akta v kreolizovannom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: S.-Peterb. gos. un-t ekonomiki i finansov. SPb., 2009.

4. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj tekst: aspekty izucheniya // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 21. S. 75–80.

5. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj tekst: princip celostnosti ili princip zamenyaemosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 177–183.

6. Donskaya M. M. Anglijskij yazyk v mul'timedijnom prostranstve reklamnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova M., 2007.

7. Karpova A. M. Kopipasta kak novoe yazykovoe yavlenie // Grani poznaniya. 2023. № 3 (86). S. 75–79.

8. Kreolizovannyj tekst: Smyslovoe vospriyatie: kol. monografiya / Otv. red. I. V. Vashunina; Redkol.: E. F. Tarasov, A. A. Nistratov, M. O. Matveev. M., 2020.

9. Marichev M. D. Osobennosti kreolizovannogo teksta i ego klassifikaciya // E-Scio. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kreolizovannogo-teksta-i-ego-klassifikatsiya> (data obrashcheniya: 12.09.2024).

10. Michurin D. S. Precedentnyj polikodovyj tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshchestv: na materiale russkoyazychnykh imidzh-forumov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Tver. gos. un-t. Tver', 2014.

11. Musohranova A. A., Krapivkina O. A. Tipologiya kreolizovannykh tekstov // European Student Scientific Journal. 2014. № 3. URL: <https://s.sjes.esrae.ru/pdf/2014/3/12.pdf> (data obrashcheniya: 12.09.2024).

12. Pojmanova O. V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. gos. lingvisticheskij un-t. M., 1997.

13. Troshina N. N. Kreolizovannyye tekсты // Social'nye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyj zhurnal. 2020. № 1. S. 45–49.

***Copy and paste as the variety of electronic creolised text
(at the material of the Russian-language texts
of the streaming platform «Twitch»)***

Copy and paste as the variety of electronic creolised text is considered. The Russian texts of the copy and paste messages of the users of the chat «GeneraL_HS_» of the streaming platform «Twitch» are analyzed. There are revealed the distinctive linguistic features of copy and paste as creolised texts.

Key words: *copy and paste, Internet communication, creolized text, Twitch, streaming, messages of chat's users, smileys.*

(Статья поступила в редакцию 15.09.2024).

*Л. ДЖ. КОКОВА
Б. ДЖ. КОКОВА
М. М. ШЕРИЕВА
Нальчик*

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА В. А. КАВЕРИНА
«ДВА КАПИТАНА»**

Рассмотрены имена собственные, включенные в художественную ткань романа В. А. Каверина «Два капитана». Топонимы наследуют традиции отечественной классической литературы (город Энск) и отражают реальный топонимикон России, а урбанонимы именуют реальные и вымышленные объекты Пскова, Ленинграда и Москвы, позволяя читателям выявить и осмыслить хронотоп произведения. Фамилии, имена и прозвища героев служат для их характеристики и показывают отношение автора к ним.

Ключевые слова: *антропоним, гидроним, урбаноним, фамилия, прозвище, В. А. Каверин «Два капитана».*

Я никогда не забывал о Пскове. Мне не раз случалось упоминать о нем в очерках и рассказах. В романе «Два капитана» я назвал его Энском. Как о близком, любимом человеке, я много думал о нем в годы войны, в Ленинградской блокаде, на Северном флоте.
В. А. Каверин

Роман В. А. Каверина «Два капитана» был задуман автором еще в 1937 г. Первый том публиковался в 1938–1940 гг. в семнадцати номерах журнала «Костер». Его книжное издание впервые вышло тиражом в 25 тысяч экземпляров в 1940 г. В годы Великой Отечественной войны писатель находился на Северном флоте, где собирал материал для второй книги романа «Два капитана». Он посещал корабли, изучал боевую работу личного состава, беседовал с матросами и офицерами. Им были опубликованы в местных и центральных газетах статьи и очерки о Северном флоте и его моряках, за что В. А. Каверин в 1945 г. был награжден орденом Красной Звезды, а в 1985 г. – орденом Отечественной войны 2-й степени. Еще во время войны, в 1944 г., второй том был опубликован в журнале «Октябрь», а сразу после войны, в 1945 г., вышло полное издание книги, которое затем многократно переиздавалось, – только прижизненных изданий было не менее 70. Этот роман по праву относится к лучшим произведениям писателя. История капитанов Татаринова и Григорьева переведена на многие языки мира.

Герои романа вышли за пределы художественного текста. В 2003 г. главная площадь города Полярный Мурманской области названа площадью Двух Капитанов. Памятник героям «Двух капитанов» установлен в Пскове. 18 апреля 2002 г. в Псковской областной детской библиотеке был открыт музей романа «Два капитана».

Писатель внимательно анализирует состояние советской литературы его времени: «Справедливо ли мнение, что приток “новых” невелик и с каждым годом становится меньше и меньше? Думаю, что нет и что, если бы развитие литературы определялось количеством писателей, по этому поводу не стоило бы волноваться. Дело не в том, что у нас мало талантов. Мало хороших книг – вот о чем нужно думать и думать» [15, с. 15]. Известный литературовед А. И. Ванюков справедливо утверждает, что роман «Два капитана» В. А. Каверина является «классическим образцом русского советского “романа

воспитания», становления, утверждения Человека, человеческого духа с его лейтмотивом: «Бороться и искать, найти и не сдаваться» [7, с. 70].

Творчество В. А. Каверина достаточно подробно изучено российскими литературоведами: вышло несколько монографий [26; 33], регулярно публикуются статьи с анализом произведений писателя, в т. ч. романа «Два капитана» [3; 9; 11; 12]. Однако ономастическое пространство романа еще не исследовалось.

Изучению литературной ономастики посвящены работы В. Н. Михайлова [22], О. И. Фояковой [34], М. В. Горбаневского [13], Ю. А. Карпенко [18], Э. Б. Магазаника [21], В. М. Калинкина [16; 17], Г. Ф. Ковалева [19] и др. Защищены кандидатские диссертации Л. М. Буштян [6], И. Б. Вороновой [10], К. С. Федотовой [32]. «Ономастическим анализом охвачены произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. А. Булгакова и других классиков русской и советской литературы» [20, с. 7].

Топонимическое пространство романа «Два капитана» можно условно поделить на три части: онимы Энска, в котором родился главный герой, Москвы и Ленинграда, где прошла его юность, и собственные имена, связанные с историей покорения Севера. История Сани Григорьева, рассказанная автором, – не только история осуществления мечты мальчика из маленького провинциального русского городка, но и история огромной страны, в которую он вписал свой подвиг.

Небольшой городок Энск, в котором родился главный герой, – это один из многих городов большой страны. Его прообразом является Псков, в котором родился автор романа. Свой родной город писатель воспел не только в «Двух капитанах». В первой части трилогии В. А. Каверина «Открытая книга» «Юность Тани» г. Псков назван Лопахином.

Псков имеет древнейшую историю. Его название впервые встречается в «Повести временных лет» в 903 г., в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи (ок. 1425 г.) и Лаврентьевской летописи XIV в. С XV в. современная форма названия закрепилась окончательно. В древнерусских памятниках отмечены формы топонима *Пьсковь*, *Пльсковь*, *Плесковь*. В. Н. Татищев и П. Й. Шафарик связывают название с апеллятивом *плесо*. Другие исследователи склоняются к основе *песок* [25, с. 344]. Псков, по мнению М. Фасмера, является отгидронимическим названием по реке *Пскова*. А. А. Шахматов объясняет выпадение *-ль-* в древнерусском названии города *Пльсковь* лясским влиянием [31, т. III, с. 397–398].

Использование топонима *Энск* связано с традициями русской классической литературы и указывает на то, что подобных городов в российской истории было много. Обычно так обозначается провинциальный город со скромной, захолустной жизнью. Уездный город *Н* встречается в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, в произведениях Ф. М. Достоевского, Г. И. Успенского, в рассказах и пьесах А. П. Чехова, в романе А. И. Герцена «Кто виноват?», в повести И. С. Тургенева «Ася», а из советской литературы – в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. В. А. Каверин раскрыл произношение буквы *Н* (*Н*) и добавил суффикс *-ск-*, регулярно встречающийся в восточнославянских топонимах (*Луганск*, *Минск*, *Артёмовск*, *Ленинск*, *Урюпинск* и мн. др.).

История Сани Григорьева начинается именно в этом городе: «Я быстро пробежал по берегу до Пролома. Вдали видны были башни: на одном берегу Покровская, а на другом Спасская...» [14, с. 9]. Покровская башня является самой мощной в Пскове, она была возведена в XVI–XVII вв. на берегу реки Великой. Спасской башни в Пскове не было. Была Спасская улица, сейчас она называется Детской. В древнем Пскове было два Спасских монастыря, в 1487 г. была построена церковь Спаса Нерукотворного с Жабьей лавицы [4]. Скорее всего, писатель выбрал названия башен произвольно, но помнил о том, что напротив друг друга через реку Пскову находились Высокая и Плоская башни. А вот Пролом действительно был недалеко от Покровской башни. Ранее там стояла Свиноузская башня, которую в 1581 г. псковитяне взорвали вместе с осаждавшим под-

разделением войска Стефана Батория, после чего в стене образовался пролом [Там же]. На старинных фотографиях он называется Баториевским проломом.

В книге картины старого Энска всплывают в воспоминаниях героя о детстве: «Мы шли в “присутствие” и несли прошение. Это было темное здание за Базарной площадью, за высокой железной оградой» [14, с. 15]. «Вот Застенная: вдоль городской стены деревянные щиты закрывают проломы, чтобы никто не прошел в Летний сад без билета... Вот Афониная горка, про которую в городе говорили, что это засыпанная церковь и в пасхальную ночь из-под земли слышится пение» [Там же, с. 42]. «Мы выехали на Посадскую пустошь – так называлось пустое, грязное место между городом и Посадом, – а там спуск к реке, Мельничный мост...» [Там же, с. 43]. «Мальчиком я тысячу раз бывал в Соборном саду, но тогда мне в голову не приходило, что он такой красивый. Он расположен высоко на горе, над слиянием двух рек: Песчинки и Тихой, и окружен крепостной стеной... Снегу было много, но все-таки я поднялся на первый скат у башни старца Мартына: нужно было посмотреть, что случилось с Ириновским лугом, с Никольской школой...» [Там же, с. 149].

Герои романа взрослеют и часто возвращаются в Энска: «Часа два мы сидим у башни старца Мартына, потом спускаемся вниз на набережную и садами обходим весь город. Как он хорош осенью! Как хорошо пройти по заброшенной, забытой аллее к обрыву, под которым правильными рядами стоят низкие яблони, обмазанные чем-то белым!» [14, с. 385]. Воспоминания об Энска с его незабываемыми названиями сопровождают героев до конца романа. Можно сказать, что повествование начинается и заканчивается одой писателя своему родному городу: «Мы спустились к реке и прошли до Пролома, подле которого худенький черный мальчик в широких штанах когда-то ловил голубых раков на гнилое мясо. Как будто время остановилось и терпеливо ждало меня на этом берегу, между старинных башен, у слияния Песчинки и Тихой, – и вот я вернулся, и мы смотрим друг другу в лицо» [Там же, с. 558].

В «Двух капитанах» переплетаются реальные и вымышленные названия Энска-Пскова. В гидронимах Песчинка и Тихая скрыты названия псковских рек Псковы и Велюхой. В Пскове и сейчас много узнаваемых мест из романа: улица Застенная, Вечевая площадь (ныне площадь Ленина), Ольгинский мост и пр. Под Афониной горкой имеется в виду Лапина горка. За пределами Окольного города располагался Посад, как и во многих древнерусских городах: «Посад – пригород, предместье, поселок; селение, возникавшее по торговому пути (уст.). В древней Руси – часть города, его окраина за крепостной стеной, где жили торговцы и ремесленники – посадские люди. Из по + сад (садить). Глубокий след в топонимии России: Павловский Посад, Опеченский, Посад-Покровское, Сумский Посад, Сергиев Посад, Гаврилов Посад» [23, с. 455].

Знакомство Сани Григорьева с Москвой началось с ежедневных поисков друга Пети Сквородникова: «Только теперь, во время этих ежедневных скитаний, я узнал и полюбил Москву. Она была таинственная, огромная, снежная, занятая голодом и войной» [14, с. 60]. Покинув приемник-распределитель у Никитских ворот, Саня попадает в знаменитую четвертую Школу-коммуна на Садово-Триумфальной улице. Одна из древнейших частей Москвы – Земляной город – после пожара 1812 г. застраивалась маленькими домиками, «хозяева которых были обязаны разбивать палисадники и рассаживать сады при домах. Так, в 30-х гг. XIX в. появилась Садовая улица длиной в 15 км, разделенная на двадцать улиц и площадей» [29, с. 20]. Садово-Триумфальной она стала называться по старым Триумфальным воротам на пересечении Садовой и Тверской улиц.

Следующий московский адрес героев романа – квартира Татаринных: «Она (Нина Капитоновна) жила на 2-ой Тверской-Ямской в маленьком кирпичном доме. Знакомый дом» [14, с. 64]. Тверская и Тверские-Ямские улицы – одни из самых старых в Москве: «В 1932 году Тверская и продолжавшая ее после Триумфальной площади 1-ая Тверская-Ямская улицы были переименованы в улицу Горького в честь великого советского пи-

сателя Максима Горького. Воспоминания о прежнем названии улицы Горького сохраняются поныне в наименованиях нескольких Тверских-Ямских улиц и переулков, возникших на месте бывшей Тверской ямской слободы. Память об этом сохраняется и в названии Тверского бульвара. Это был первый московский бульвар, созданный в 1796 году на месте разобранной стены Белого города» [29, с. 133–134]. В начале 90-х гг. XX в. улице Горького было возвращено прежнее название – Тверская.

Действие романа разворачивается и на других старых московских улицах: Оружейный переулок, Собачья площадка, Гоголевский бульвар, Трубников переулок, Сивцев Вражек. Название *Сивцев Вражек* уходит корнями в историю Древней Руси. Аппеллятив *вражек* образован от слова *овраг*, Вражский переулок – значит расположенный на оврагах, в овражистой местности. «В этом значении слово *враг* существовало в русском языке до XVIII в., пока не было повсеместно вытеснено словом *овраг*. В наши дни оно сохранилось еще в названии пер. Сивцев Вражек» [29, с. 29]. Отметим, что слово *враг* ‘овраг’ до сих пор употребляется в русском диалектном языке [28, с. 182]. На Сивцевом Вражке жили Валя Жуков и Кирен, и Саня, приходя к ним, удивлялся, что он «кривой, узенький, милый, все тот же, несмотря на два новых дома...» [14, с. 434].

Собачья площадка, на которой автор поселил Катю Татаринову, – уникальный урбаноним потому, что этого названия на карте Москвы уже нет. Старые москвичи называли ее ласково «Собачка». Урбаноним связан с именами А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, Е. и М. Гнесиных, многих других выдающихся людей России. Название связывают с преданием о существовании на этом месте «псарного двора» для царской охоты. По мнению известного историка Москвы П. В. Сытина, сама «площадка» или «площадь» образовалась в конце XVIII в.: «москвичи продолжали использовать топоним “Собачья площадка” еще очень-очень долго – из речи он стал исчезать только после разрушения приарбатских переулков и строительства проспекта Калинина» (цит. по: [13, с. 202]).

Ю. Нагибин с горечью вспоминает об этом московском урбанониме: «Меня всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются не только коренные ленинградцы, но и – пусть в меньшей степени – новожило города на Неве, как-то удивительно легко усваивающие ленинградскую традицию. Москва необъятна, неохватна и к тому же слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько прошло лет, а я все ищу Собачью площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько московской старины съел этот неоправданно широкий, архитектурно невыразительный проспект, так и не слившийся с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться в его необходимости. В конце концов, транспортные проблемы этой части города можно было решить каким-то другим способом» [24, с. 4].

Ленинградский период жизни героев романа начинается на Петроградской стороне: «В одном из писем Саша подробно рассказывала и даже нарисовала, как с вокзала проехать к ним, на проспект Карла Либкнехта, где они жили. Но я все перепутала, и, выйдя на Невский, спросила у какого-то вежливого ленинградца в пенсне: Скажите, пожалуйста, как пройти на Невский проспект?» [14, с. 351].

Упоминание в книге улицы Карла Либкнехта позволяет проследить историю переименований в городе на Неве. Одной из исторических частей Санкт-Петербурга была Петербургская сторона, которая с 18 августа 1914 г. стала именоваться Петроградской. В центре располагалась широкая улица, которая с 1738 г. называлась Большой Гарнизонной, а с 1762 г. стало употребляться название Большая перспектива. Но уже в 1778 г. появилось у нее новое название: «Именно тогда на Петербургской стороне сложился столь характерный для города XVIII–XIX вв. топонимический ансамбль – Большой и Малый проспекты» [8, с. 68–69]. В октябре 1918 г. Большой проспект получил имя Карла Либкнехта в честь немецкого интернационалиста. В 1944 г. Большому проспекту Петроградской стороны было возвращено историческое наименование.

Другие ленинградские адреса героев – это улицы, площади и набережные. Автор романа с восторгом пишет об одном из красивейших городов мира: «...Потом пошли гулять, потому что я сказала, что еще не успела посмотреть Ленинград, и Саня загорелся и сказал, что хочет сам показать мне, что это за город» [14]. «Был третий час, и это был самый темный час ночи, но, когда мы вышли из “Астории”, было так светло, что я нарочно остановилась на улице Гоголя и стала читать газету» [Там же]. «Мы прошли под аркой Генерального штаба, и великолепная пустынная площадь вдруг открылась перед нами – не очень большая, но просторная и как-то сдержанная, не похожая на открытые площади Москвы» [Там же]. «Потом мы пошли по улице Халтурина и долго стояли перед колоссами, поддерживающими на плечах высокий подъезд Эрмитажа. <...>. Потом мы вышли на набережную... Над зданиями Военно-медицинской академии небо было темно-синее... А над Петропавловской крепостью все было совершенно другим, туманно-серым. <...> Мы сидели на полукруглой гранитной скамейке у самого спуска в Неву, и где-то внизу волна чуть слышно ударялась о каменный берег...» [14, с. 359–360].

Упомянутая в тексте улица Халтурина – одна из самых первых улиц в городе. Она с 1715 г. соединяла набережную Лебяжьей канавки и Дворцовую площадь, часто меняя название: Большая – Немецкая – Греческая – Миллионная. Второе и третье названия были связаны с расположением неподалеку немецкого и греческого поселений. Миллионной улица стала по одноименному ойкодомониму – названию дома графа П. Б. Шереметьева. В октябре 1918 г. улица была переименована в честь народовольца С. Халтурина. В 1991 г. ей было возвращено дореволюционное название Миллионная [8, с. 403–404]. На этой улице в семье Бернштейнов жили герои романа Петя и Саша Сквородниковы, которых часто посещали Саня Григорьев и Катя Татарина.

Топонимия романа представлена не только урбанонимами Энска, Москвы, Ленинграда и Крайнего Севера. В романе много названий небольших городов, деревень и стойбищ, в которые судьба забрасывала героев. Одно из них – Гнилой Яр: «Напрасно казалось мне, что детям не может быть хорошо в селе с таким неприятным названием. Хорошо детям в этом селе!» [14, с. 433].

Разнообразна антропонимия романа. Фамилии Григорьев и Жуков входят в число частотных русских фамилии, в книге Б. О. Унбегауна они упомянуты под номерами 14 и 62 соответственно [30, с. 312–313]. Фамилия Григорьев происходит от крестильного имени Григорий [Там же, с. 42]. Фамилию Жуков Б. О. Унбегаун относит к образованному от прозвищ, которые возникли от названий насекомых [Там же, с. 151].

Фамилия Сквородников, как и антропоним Сквородов, относится к фамилиям, образованным от прозвищ, восходящих к названиям кухонной утвари [Там же, с. 157]. Фамилия Кораблев в основе имеет апеллятив *корабль* и отнесена Б. О. Унбегауном к фамилиям, образованным от названий лодок, кораблей и предметов их оснастки [Там же, с. 158].

Фамилия Татаринцов имеет тюркские корни и происходит от этнонима *татарин*, «который впервые упоминается в качестве названия тюркского племени tatar еще в орхонских надписях VIII в.» [2, с. 122]. Возможно, собственное имя Татар семантически связано с встречающимся в турецком языке словом tatar ‘гонимец, посланец’ [Там же, с. 123]. Автор неслучайно дал своему главному герою именно эту фамилию: «Фамилии Татаринцовых многие Российскому престолу служили разные дворянские службы и жалованы были от государей в 1088/1580 и других годах поместьями» [27, с. 42]. Упоминание о фамилии, точнее о потомках Терентия Татаринцова относится к 7136/1628 гг.

Один из учителей школы-коммуны носил фамилию Лихо. «Литературу у нас преподавал Лихо, очень глупый человек, которого вся школа называла Лихосел. Он всегда ходил в кубанской шапке, и мы рисовали эту шапку на доске и в ней проекцией – ослиные уши. Лихо меня не любил и вот по каким причинам. Во-первых, он однажды дик-

товал что-то и сказал: “Обстрактно”. Я поправил его, мы заспорили, и я предложил запросить Академию наук. Он обиделся» [14, с. 121–122]. Судя по головному убору, этот учитель был родом с Кубани, где часто встречаются фамилии украинского происхождения, поскольку значительная часть кубанских казаков являются потомками запорожцев. В Базе данных жителей Кубанской области и Черноморской губернии названы Лихобаба (1851), Либобабенко (1796), Лиходед (1856), Лиходид (1883), Лихоиван, Лихоконь (1809), Лихолет (1883), Лихолют (1890), Лихопуд (1859) и др. [1].

Одним из характеризующих, но оставшихся без подробного авторского комментария антропонимов является прозвище отчима Сани Григорьева Петра Ивановича: «Фамилия его была Тимошкин, но он почему-то называл себя Гаер Кулий, – до сих пор не знаю, что он хотел этим сказать. Помню только, что он любил говорить матери, что “в жизни он бедный гаер” и что “жизнь швыряла его, как щепку”» [14, с. 30]. Слово *гаер* используется в русском языке как историзм и с метафорическим переносом: «1. В старину: шут, скоморох в барском доме, в балагане, в народных игрищах. 2. О том, кто паясничает, кривляется, балагурит на потеху другим» [5, с. 191]. Слово было заимствовано из французского языка – *gaillard* ‘весельчак’ [31, т. I, с. 382]. Вторая часть прозвища в романе не поясняется, возможно, в его основе лежит другое заимствование – из хинди (через английский) *kuli* ‘в некоторых странах Азии: носильщик, грузчик, возчик; черно-рабочий’ [5, с. 479].

Прозвищем *Монтигосо Ястребиный Коготь* называла капитана Татаринова его жена Мария Васильевна: «Монтигосо Ястребиный Коготь, – сказала Марья Васильевна, и в первый раз голос у нее немного дрогнул. – Я его когда-то так называла». Так звали героя произведения Густава Эмара «Следопыт». Саня Григорьев ошибочно прочитал это прозвище в письме капитана Татаринова как *Монготимо*. Однако у прозвища капитана Татаринова было другое происхождение: «Между прочим, оказалось, что это имя совсем не из Густава Эмара, как думали мы с Катей, а из Чехова. У Чехова есть такой рассказ, в котором какой-то рыжий мальчик все время называет себя Монтигосо Ястребиный Коготь» [14, с. 178].

Прозвища Ромашова в романе имеют прозрачную этимологию. Первое было образовано по типичной в школьной среде модели от фамилии *Ромашов* > *Ромашка*: «Одного из моих новых друзей звали Ромашкой. Он был тощий, с большой головой, на которой росли в беспорядке кошачьи желтые космы. Нос у него был приплюснутый, глаза неестественно круглые, подбородок квадратный – довольно страшная и несимпатичная морда» [14, с. 59]. Прозвище *Сова* было дано ему по внешнему виду: «А, Ромашка, – сказал я весело. – Здравствуй, Сова! Кажется, он был потрясен таким приветствием. – А, да, Сова, – улыбаясь, сказал он. – Я совсем забыл, что так меня называли в школе. Но удивительно, как ты помнишь эти школьные прозвища! <...> Я не смотрел на Ромашку, потом посмотрел: он сидел на краешке стула, втянув голову в плечи, и беспокойно прислушивался – настоящая сова, но страшнее» [Там же].

Итак, в романе В. А. Каверина основу ономастического пространства составляют антропонимы, топонимы некоторых русских городов и селений и урбанонимы Пскова, Москвы и Ленинграда. Автор тщательно подбирает имена и фамилии своим персонажам. Особую текстообразующую нагрузку несут прозвища героев романа. Перспективной исследования является изучение названий, связанных с историей покорения Русского Севера.

Список литературы

1. База данных жителей Кубанской области и Черноморской губернии // URL:<https://cloud.mail.ru/public/j5Uq/h1RtQC8NH?weblink=j5Uq/h1RtQC8NH> (дата обращения: 02.06.2024).
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1979.

3. Белая Г. Верность себе (Герой и время в творчестве В. Каверина) // Октябрь. 1983. № 9. С. 191–197.
4. Беляев И. Д. История Пскова и Псковской земли. Москва: Вече, 2026.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, Норинт, 1998.
6. Буштян Л. М. Ономастическая коннотация: на материале рус. совет. поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1983.
7. Ванюков А. И. «Два Капитана» В. Каверина: авторская концепция и композиция романа // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23. № 79 (1). С. 66–71.
8. Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. Москва: АСТ; СПб.: Астрель СПб., 2009.
9. Волкова Е. Целеустремленность поисков (О творчестве В. Каверина) // Новый мир. 1967. № 9. С. 231–238.
10. Воронова И. Б. Textoобразующая функция литературных имён собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2000.
11. Геймбух Е. Ю. «Преодоление чуждости чужого...»: функции интертекстуальных элементов в перволичном повествовании (на материале романа В. Каверина «Два капитана») // Русский язык в школе. 2017. № 4. С. 53–58.
12. Геймбух Е. Ю. Слово изображающее и слово изображенное в романе В. Каверина «Два капитана» // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 55–60.
13. Горбаневский М. В. Московведение. Учебное пособие для начальной и средней школы. М.: Московский учебник–2000, 1997.
14. Каверин В. А. Два капитана. Москва: Детская литература, 1984.
15. Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. Москва: Современник, 1989.
16. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 10–17.
17. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999.
18. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
19. Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: Сб. науч. ст. междунар. науч. конф. Витебск: Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2016. С. 19–23.
20. Кокова Л. Дж. Ономастические особенности ранних произведений А. Н. Рыбакова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 11 (103). С. 7–16.
21. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «говорящие» имена в литературе. Ташкент: Фан, 1978.
22. Михайлов В. Н. Специфика собственных имён в художественном тексте // Филологические науки. 1987. № 6. С. 78–82.
23. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.
24. Нагибин Ю. М. О Москве с любовью и надеждой. Москва: АСТ, 2005.
25. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. Москва: Мысль, 1966.
26. Новикова О., Новиков Вл. В. Каверин: Критический очерк. М.: Советский писатель, 1986.
27. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. Т. I–X. СПб., 1797–1836.
28. Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1970.
29. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М.: Наука, 1982.
30. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1964–1971.
32. Федотова К. С. Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н. С. Гумилёва): дис. ... канд. филол. наук: Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2018.

33. Фесенко Э. Я. Художественная концепция личности в произведениях В. А. Каверина. М.: URSS, 2006.
 34. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.

* * *

1. Baza dannyh zhitel'ej Kubanskoj oblasti i Chernomorskoj gubernii URL: <https://cloud.mail.ru/public/j5Uq/h1RtQC8NH?weblink=j5Uq/h1RtQC8NH> (data obrashcheniya: 02.06.2024).
 2. Baskakov N. A. Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya. M.: Nauka, Gl. red. vost. literatury, 1979.
 3. Belaya G. Vernost' sebe (Geroy i vremya v tvorchestve V. Kaverina) // Oktyabr'. 1983. № 9. S. 191–197.
 4. Belyaev I. D. Istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Moskva: Veche, 2026.
 5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg, Norint, 1998.
 6. Bushtyan L. M. Onomasticheskaya konnotaciya: na materiale rus. sovet. poezii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Odessa, 1983.
 7. Vanyukov A. I. «Dva Kapitana» V. Kaverina: avtorskaya koncepciya i kompoziciya romana // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2021. T. 23. № 79 (1). S. 66–71.
 8. Vladimirovich A. G., Erofeev A. D. Peterburg v nazvaniyah ulic. Proiskhozhdenie nazvanij ulic i prospektov, rek i kanalov, mostov i ostrovov. Moskva: AST; SPb.: Astrel' SPb., 2009.
 9. Volkova E. Celeustremennost' poiskov (O tvorchestve V. Kaverina) // Novyj mir. 1967. № 9. S. 231–238.
 10. Voronova I. B. Tekstoobrazuyushchaya funkciya literaturnyh imyon sobstvennyh (na materiale epicheskikh proizvedenij XIX–XX vv.): dis. ... kand. filol. nauk: Volgograd. gos. un-t. Volgograd, 2000.
 11. Gejmbuh E. Yu. «Preodolenie chuzhdosti chuzhogo...»: funkcii intertekstual'nyh elementov v pervolichnom povestvovanii (na materiale romana V. Kaverina «Dva kapitana») // Russkij yazyk v shkole. 2017. № 4. S. 53–58.
 12. Gejmbuh E. Yu. Slovo izobrazhayushchee i slovo izobrazhennoe v romane V. Kaverina «Dva kapitana» // Filologicheskij klass. 2017. № 1 (47). S. 55–60.
 13. Gorbanevskij M. V. Moskvovedenie. Uchebnoe posobie dlya nachal'noj i srednej shkoly. M.: Moskovskij uchebnyk–2000, 1997.
 14. Kaverin V. A. Dva kapitana. Moskva: Detskaya literatura, 1984.
 15. Kaverin V. A. Schast'e talanta: Vospominaniya i vstrechi, portrety i razmyshleniya. Moskva: Sovremennik, 1989.
 16. Kalinkin V. M. Znakom'tes': poetonimologiya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kul'turologiya. 2017. T. 3. Vyp. 1 (9). S. 10–17.
 17. Kalinkin V. M. Poetika onima. Doneck: Yugo-Vostok, 1999.
 18. Karpenko Yu. A. Imya sobstvennoe v hudozhestvennoj literature // Filologicheskie nauki. 1986. № 4. S. 34–40.
 19. Kovalev G. F. Aspekty izucheniya imen sobstvennyh v hudozhestvennyh proizvedeniyah // Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: Sb. nauch. st. mezhdunar. nauch. konf. Vitebsk: Viteb. gos. un-t im. P. M. Masherova, 2016. S. 19–23.
 20. Kokova L. Dzh. Onomasticheskie osobennosti rannih proizvedenij A. N. Rybakova // Filologiceskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2023. № 11 (103). S. 7–16.
 21. Magazanik E. B. Onomapoetika, ili «govoryashchie» imena v literature. Tashkent: Fan, 1978.
 22. Mihajlov V. N. Specifika sobstvennyh imyon v hudozhestvennom tekste // Filologicheskie nauki. 1987. № 6. S. 78–82.
 23. Murzaev E. M. Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov. M.: Mysl', 1984.
 24. Nagibin Yu. M. O Moskve s lyubov'yu i nadezhdoj. Moskva: AST, 2005.
 25. Nikonov V. A. Kratkij toponimicheskij slovar'. Moskva: Mysl', 1966.
 26. Novikova O., Novikov V. V. Kaverin: Kriticheskij ocherk. M.: Sovetskij pisatel', 1986.
 27. Obschij gerbovnik dvoryanskih rodov Vserossijskoj Imperii, nachatyj v 1797 godu. T. I–X. SPb., 1797–1836.

28. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 5. L.: Nauka, Leningr. otd., 1970.
29. Smolickaya G. P., Gorbanevskij M. V. Toponimiya Moskvy. M.: Nauka, 1982.
30. Unbegaun B. O. Russkie familii / Per. s angl. M.: Progress, 1989.
31. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M.: Progress, 1964–1971.
32. Fedotova K. S. Onimnaya leksika v yazyke pisatelya: poetonomograficheskij aspekt (na materiale tvorchestva N. S. Gumilyova): dis. ... kand. filol. nauk: Volgograd. gos. un-t. Volgograd, 2018.
33. Fesenko E. Ya. Hudozhestvennaya koncepciya lichnosti v proizvedeniyah V. A. Kaverina. M.: URSS, 2006.
34. Fonyakova O. I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste. L.: Izd-vo LGU, 1990.

The onomastic space of the novel «Two captains» by V. A. Kaverin

The proper names, included in the fictional context of the novel «Two captains» by V. A. Kaverin, are considered. Toponyms inherit the traditions of the native classical literature (town Ensk) and reflect the real toponymicon of Russia, the urbanonyms nominate the real and fictional objects of Pskov, Leningrad and Moscow, allowing the readers to reveal and comprehend the chronotope of work.

Surnames, names and nicknames of characters are to describe and show the author's attitude towards them.

Key words: *anthroponym, hydronym, urbanonym, surname, nickname, V. A. Kaverin, «Two captains».*

(Статья поступила в редакцию 03.10. 2024).

А. Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ

Волгоград

СВАДЬБА КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ ПОЭТИКИ Н. В. ГОГОЛЯ

Памяти Михаила Гершеновича Матлина (1951-2024)

Изучены место и роль свадебного сюжета в прозе и драматургии Н. В. Гоголя. Показано, что он не только является сквозным в творчестве писателя – от ранних украинских повестей до второго тома «Мертвых душ», – но и выступает как архетип их художественной структуры. В нем обнаруживается изоморфность свадебных и похоронных мотивов, характерная для народной обрядовой культуры. Анализ структурно-семантического комплекса свадьба-похороны в текстах писателя служит еще одним свидетельством плодотворности бахтинской концепции карнавальной природы гоголевского смеха и актуальности исследования свадьбы как явления народной смеховой культуры в трудах М. Г. Матлина.

Ключевые слова: Гоголь, свадьба, похороны, сюжет, архетип, поэтика.

Свадебный сюжет начинает и замыкает художественное творчество Н. В. Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки» открывает «Сорочинская ярмарка», ядром которой является свадьба молодых героев, сыгранная с нарушением всех обрядовых канонов. Извещение о предстоящей свадьбе помещика Тентетникова и дочери генерала Бетрищева Улиньки определяет новый маршрут походов Чичикова во втором томе «Мертвых душ».

Гоголь, по замечанию М. Н. Виролайнен, «никогда не следовал какой-либо одной избранной модели. Так, фабулы «Вечеров» в глубинном своем основании восходят к фольклорной сказке со свадебным сюжетом, но исходная модель с практически одним и тем же набором персонажей варьируется в цикле словно бы затем, чтобы, постоянно деформируясь, выйти из своего канонического русла, обернуться катастрофой в «Вечере накануне Ивана Купала» и в «Страшной мести» и, наконец, вовсе расстроиться в повести о Шпоньке» [5, с. 11].

Особую роль играет в этих гоголевских сюжетах семейный статус его персонажей и прежде всего их сиротство. В славянских обрядовых представлениях *сирота* воспринимался как лицо ущербное не только в социальном, но и в ритуальном плане. Сирота (от *сырый* – ‘безродный, одинокий’) был обделен, лишен своей доли и поэтому не мог участвовать в семейных обрядах, чтобы его обездоленность не распространилась на окружающих и на саму обрядовую ситуацию. «В народной культуре существует представление, что сирота опасен: его участь может передаться окружающим. Поэтому сирот не допускают к участию в свадебном обряде» [25, с. 25]. Сирота не допускался и к участию в послеродовом обряде, а также в некоторых календарных обрядах, исполняемых ради плодородия и правильного течения жизни. Лишенный защиты и покровительства в мире земном, сирота мог обращаться за помощью к покойным предкам, к

миру потустороннему. Он имел статус посредника между миром людей и «иным» миром [17, с. 433].

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что главные герои большинства повестей «Вечеров» наделены чертами сиротства или полусиротства. Вот почему столь проблематична для них ситуация брака. Грицько («Сорочинская ярмарка»), Петро Безродный («Вечер накануне Ивана Купала») – круглые сироты. Полусироты – Левко («Майская ночь»), Вакула («Ночь перед Рождеством»), Катерина («Страшная месь»). И даже Иван Федорович Шпонька – сирота, находящийся под покровительством своей тетушки. Обратим внимание, что во всех этих произведениях, в том числе и в последней повести, противостоящей остальным темой *несостоявшегося* брака, необходимого, как полагает тетушка, для превращения «дытыны» Ивана Федоровича в «мужа», свадьба выступает в качестве ключевого сюжетного мотива. И совершается она при прямом или косвенном участии нечистой силы или ее подручных (цыгане, дьявол в человеческом образе Басаврюк, русалка, черт и т.д.) (см. подробнее: [10, с. 268–269]). Так, приснившаяся Шпоньке будущая жена, преследующая его, где бы он ни находился, и постоянно меняющая свой облик (то – с гусиным лицом, то – как штука модной материи, из которой шьют сюртуки), наделяется признаками демонического существа, обладающего способностью к превращениям. Иными словами, сиротство персонажей делает эти свадьбы «нечистыми», т.е. превращает в антисвадьбы. Даже если свадьба сыграна по всем обрядовым правилам, как в «Вечере накануне Ивана Купала» или в «Страшной мести», она не приносит героям счастья.

Этой закономерности, на первый взгляд, противоречат сказочные финалы «Майской ночи» и «Ночи перед Рождеством», герои которых – полусироты – добывают ключи от счастья в «ином» царстве.

Счастливым финал возможен там, где героям удается одолеть нечистую силу с помощью креста («Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством») или литературного чуда. Финал «Майской ночи» носит, по заключению Е. Е. Дмитриевой, «исключительно литературный характер», поскольку в фольклоре нечистая сила превосходит человека в способности к сверхвидению. Сама ситуация загадывания русалкой загадки типична для фольклора, однако Гоголь ее переворачивает и дает возможность герою увидеть то, чего не смогла панночка» [13, с. 735].

В поэтике Н. В. Гоголя свадьба и похороны как переходные обряды тесно сосуществуют. Вероятно, не случайно свадебная тема соединяется с мотивами смерти и скуки в сцене свадебного веселья, завершающей «Сорочинскую ярмарку», первую повесть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:

Все неслоь. Все танцевало. Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушные могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком [7, т. 1, с. 35].

Свадебный и похоронный обряды в славянской народной культуре, – как показали их исследователи, – структурно изоморфны [2]. Их неразрывная связь отражает архаические представления об изоморфизме смерти и рождения. Смерть в народном сознании мыслится не как окончательное исчезновение, а как новое рождение, превращение/воскрешение, переход в иную сферу существования, как особая форма жизни. Этот же мифологический субстрат лежит в основе календарной обрядности.

Отзвуки структурно-семантического комплекса, объединяющего свадьбу и похороны, можно обнаружить не только в «Вечерах». Они есть и в «Миргороде», и в петербургских повестях. Такова, например, отмеченная нами ранее сюжетная коллизия «Вия», в рамках которой строятся отношения круглого сироты Хомя Брута и панночки [11, с. 11].

В открывающей «Миргород» повести «Старосветские помещики» свадебные сюжеты дублированы. Первый раз речь идет о свадьбе-самокрутке Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны:

Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодым и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере, никогда не говорил. Все эти давние, необыкновенные происшествия заменились спокойною и уединенною жизнью [7, т. II, с. 16].

Трогательной любви супругов, «любви-привычке», которая оказалась сильнее смерти, противостоит в повести сюжет романтической вставной новеллы о «любви-страсти». Невеста ее героя умерла накануне свадьбы, и горе его было так безутешно, что он дважды пытался покончить с собой. А через год он был утешен новой свадьбой. Рассказчик услышал его веселый разговор за карточным столом, «и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки» [Там же, с. 34].

В «Петербургских повестях» и драматургии («Женитьба», «Ревизор») доминирует тема несостоявшейся свадьбы [6; 14; 15]. С ней связаны трагическая смерть художника Пискарева, предложившего руку и сердце красавице-проститутке, исчезновение носа майора Ковалева, которое он объясняет кознями штаб-офицерши Подточиной, пытавшейся женить его на своей дочери. Не раз отмечалась травестия романтической темы мистического брака в «Шинели» [4, с. 191; 19, с. 77]. Мечты Башмачкина о свадьбе, однако, вполне вещественны:

... как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу [7, т. III, с. 134].

В «Мертвых душах» свадебная тема проходит красной линией через все сюжетные перипетии главного героя – от мнимой готовности жениться на дочери сурового по-вытчика ради получения выгодного служебного места до желания стать мужем губернаторской дочки. Среди обрядовых ролей, которые приходится играть Чичикову в сюжете первого тома поэмы, одной из важнейших является роль *жениха-похитителя* (см. подр.: [11, с. 17–19]). Слух о намерении Чичикова увезти губернаторскую дочку впервые возникает в романтическом воображении городских дам после того, как одна из них описывает ночной визит Чичикова к Коробочке. В этом описании («является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина»), отсылающем как будто бы к вполне определенному литературному источнику – легендарному разбойнику из романа Вульпиуса, появляется характерная деталь предметного мира величальной песни, входящая в образ «грозного жениха»: «раздается в ворота стук, ужаснейший <...> кричат: “Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота“» [7, т. VI, с. 183]. Она вводит в повествование один из самых архаичных элементов свадебной обрядности – мотив умыкания невесты, который нашел свое отражение в величании жениху, исполнявшемуся до венчания: «Как сказали: Павел грозен, / Он грозен, грозен, не милостив, / Он садился на ворона коня, / Он поехал мимо тестева двора... / Он ударил копьем в ворота» [16, с. 130].

Выламывание женихом ворот (дверей, сеней) в доме невесты является важной частью свадебного ритуала и связано с эротической метафорикой брака: «Прохождение женихом дверей, – по наблюдению исследователей обряда, – описывается как нападение, взлом. Ср.: “Поломали, ой поломали двери, поломали сени новые” <...> Если сени связаны с дверьми метонимически, то ворота – по функциональному сходству» [1, с. 94–95]. Травестийный характер повествования о Чичикове как женихе-похитителе влечет за собой цепь новых обрядовых ассоциаций.

Жених в обрядовой поэзии может выступать в разных ипостасях: удачливый охотник, грозный князь, богатый купец и т.д. Все они восходят к мифологическим представ-

лениям о новобрачном как отважном путешественнике на тот свет, едущем выручить молодую из объятий смерти. Помимо силы, жених наделяется магическими знаниями, умением правильно себя вести в сакральном мире. Страх перед «молодыми» до брака в традиционном свадебном обряде объясняется их восприятием как лиминальных существ, опасных для окружающих [18, с. 16]. Весь этот комплекс архетипических мотивов присутствует в городских слухах и толках о Чичикове.

Недаром Ноздрев немедленно предлагает себя Чичикову в качестве дружки. И как нам удалось показать в специальной работе, в его портрете и характеристике присутствуют мотивы величальных свадебных песен дружки [9, с. 8–11]. Роль жениха-похитителя, которую предназначили Чичикову дамы города NN, носит в сюжете поэмы двойственный характер. С одной стороны, он оказывается женихом мнимым, существующим лишь в воспаленном от страха воображении городских жителей. С другой стороны, в этой роли воскрешается семантика архаического комплекса «свадьба – похороны». Родившись в городской молве, толки о свадьбе героя и губернаторской дочери завершаются иным обрядом – похоронами прокурора.

Тема воображаемой женитьбы Чичикова, если воспользоваться термином Ю. В. Манна, – «миражная интрига» первого тома поэмы. Однако впечатление, произведенное на героя «невестой», открывает читателю неведомые доселе стороны его души, придает образу более глубокое психологическое измерение. Ученый даже усматривает в этом внутренние предпосылки грядущего перерождения протагониста поэмы [20, с. 112]. У Гоголя сказано, что в ощущениях героя после встречи с ней на балу «было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить» [7, т. VI, с. 169]. В этом эпизоде, по замечанию Е. А. Смирновой, «Чичикова коснулся свет ее душевной чистоты, и его, казалось, умершая душа потянулась к этому свету, хотя и еще бессознательно» [23, с. 134].

Роль жениха, которая, хоть и ненадолго, выпадает Чичикову, – важная составная часть образа, связанная с его повышенной символичностью в художественном строе «Мертвых душ». В первобытном фольклоре архетип жениха соединяет в себе метафоры брака и смерти, а «метафора “свадьбы” – это, – по словам О. Фрейденберг, – метафора победы над смертью, нового рождения, омоложения» [26, с. 75]. В поэтике Н. В. Гоголя восстанавливаются глубинные архаические связи мифологем жизни – смерти – нового рождения. Этому способствует пограничная природа гоголевского героя, выступающего медиатором, неутомимым посредником между миром живых и миром мертвых.

Свадебная тема становится одной из ведущих сюжетобразующих линий второго тома «Мертвых душ», в котором, в отличие от миражной интриги, связанной в первом томе с губернаторской дочкой, она наполняется реальным содержанием (см. подробнее: [12, с. 47–52]). История духовного пробуждения помещика Тентетникова под влиянием любви к Улиньке Бетрищевой разворачивается на фоне поэтических картин весенней природы, пронизанных брачной символикой:

Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду <...>. В деревне пошли хороводы <...>. Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пела как бы на свадьбе [7, т. VII, с. 392–393].

Особый свадебный колорит придают весенним пейзажам живописные зарисовки деревенских хороводов, которые входят в текст второго тома вместе с сопутствующей им песенной поэзией. Она присутствует не только в цитируемой Гоголем хороводной песне «Бояре, покажите жениха!», но и в портретах деревенских девушек, участвующих в хороводной игре. В них обнаруживаются детали, восходящие к образному миру свадебной поэзии (см. подробнее: [12, с. 47–48]). Описания хороводов и игрищ с участием деревенских красавиц и Селифана позволяют соотнести их с Красной горкой, традиционным временем свадеб.

Укажем на конкретные этнографические источники, использованные в данном случае писателем. Это, во-первых, труд И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» [24], который Гоголь внимательно перечитывал в ходе работы над вторым томом, о чем свидетельствуют страницы его записных книжек. Конспектируя книгу, Гоголь обращает особое внимание на описание *первого весеннего праздника* – Красной горки.

Следует подчеркнуть, что у этого праздника есть, помимо свадебного, еще один важный аспект, связанный с поминовением покойных предков. Недаром Улинька, решившись на брак с Тентетниковым, «вечером ходила на могилу матери и в молитве искала подтверждения своей решимости» [8, с. 486]. В поступке Улиньки находит отражение народный предсвадебный обычай. Его объяснение и описание Гоголь мог найти у И. М. Снегирева: «Если невеста сирота, то <...> ночью за день до брака она ходит на кладбище прощаться с родителями; помолвившись на могилах их <...>» [24, с. 144]. Цель этого обрядового действия невесты, в котором, по мнению ученого, соединяются два важнейших народных обряда – поминальный и свадебный, – «просить себе благословения на судьбу свою» у покойных родителей [Там же, с. 118]. Об укорененности этого обычая свидетельствует наличие в свадебном фольклоре особой разновидности причитаний невесты.

Значительное увеличение по сравнению с первым томом удельного веса свадебных мотивов, разрабатываемых вне трагестийного контекста, вызвано, на наш взгляд, тем обстоятельством, что, по замыслу писателя, история любви Тентетникова и Улиньки должна была стать здесь одной из главных сюжетобразующих линий. В сохранившихся фрагментах второго тома представлена лишь завязка этого романа, о развитии которого мы, к сожалению, можем судить только по косвенным источникам. Один из них – воспоминания Льва Арнольди, слушавшего в Калуге чтение Гоголем глав второго тома. Он пишет: «На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать <...>. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Улиньки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностию» [8, с. 487]. В народном свадебном обряде аналогичную роль вестника играет дружка жениха.

Поручение генерала, взятое Чичиковым на себя, в значительной степени определяет и дальнейший маршрут путешествия Чичикова, и его поведение. Во втором томе происходит не только частичная смена повествовательных мотивировок, как бы отодвигающих по купку мертвых душ на второй план, но и расширяется набор ролей, «запрограммированных» автором для центрального персонажа своей поэмы.

Таким образом, для Гоголя-художника свадебная тема была источником развития внутреннего сюжета его творчества. Сделав свадьбу, совершающуюся при помощи нечистой силы, ключевой сюжетной парадигмой «Вечеров», противопоставив в «Миргороде» идиллический брачный сюжет «Старосветских помещиков» демоническому сюжету «Вия», придав фантазмагорический характер сюжету несостоявшейся свадьбы в «Петербургских повестях», «Женитьбе» и «Ревизоре», в сюжетном развитии последней своей поэмы он связал свадебную тему с замыслом преображения и духовного пробуждения ее героев [11, с. 29–30].

Жизнь и смерть, трагическое и комическое неразрывно соединены в гоголевском свадебном сюжете. Его репрезентация в текстах писателя не только соотносится с принципиальными положениями карнавальской концепции М. М. Бахтина о возрождающей природе гоголевского смеха [3, с. 484–495], но и с фундаментальными исследованиями смехового мира русской свадьбы в трудах М. Г. Матлина [21; 22]. Следовательно, есть все основания рассматривать свадьбу как сюжетную матрицу гоголевского творчества и как архетипический сюжет поэтики Н. В. Гоголя.

Список литературы

1. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 89–106.
2. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М.: Наука, 1990. С. 84–99.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
4. Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
5. Виrolайнен М. Н. Брачный сюжет в гоголевском Петербурге // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 44–52.
6. Виrolайнен М. Н. Ранний Гоголь: катастрофизм сознания // Гоголь как явление мировой литературы. М.: Наука, 2003. С. 9–14.
7. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1952.
8. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С. Машинского. М.: Гос. издат. худож. лит., 1952.
9. Гольденберг А. Х. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и традиции народной культуры. Волгоград: ВГПИ, 1991.
10. Гольденберг А. Х. Археопэтика Гоголя: мир живых и мир мертвых // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования / Е. Е. Дмитриева (отв. ред.). Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 265–280.
11. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. 8-е изд., испр. М.: Флинта, 2023.
12. Гольденберг А. Х. Творчество Гоголя в мифологическом и литературном контексте. Волгоград: Перемена, 2019.
13. Дмитриева Е. Е. Комментарии к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 611–850.
14. Жаворонкова М. Ю. Брачный мотив в драматургии Н. В. Гоголя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 171–175.
15. Жаворонкова М. Ю. Поэтика свадебного сюжета в творчестве Н. В. Гоголя: несостоявшаяся свадьба // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 69–76.
16. Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М.: Высш. школа, 1978.
17. Левкиевская Е. Е. Сирота // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002.
18. Лысюк Н. А. Магия жениха и невесты в восточнославянском свадебном обряде // Традиционная культура. 2003. № 1 (9). С. 9–18.
19. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. М.: Сов. писатель, 1987.
20. Манн Ю. В. Постигая Гоголя. М.: Аспект-Пресс, 2005.
21. Матлин М. Г. Смех в русской народной свадьбе XIX–XXI вв. Типологический и функциональный аспекты. Ульяновск: Изд-во ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2015.
22. Матлин М. Г. Смеховые театрально-игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX–XX вв. М.: Изд-во «Звезда и Крест», 2013.
23. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л.: Наука, 1987.
24. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. М.: Унив. тип., 1839.
25. Трофимов А. Убогий сирота // Живая старина. 1999. № 1. С. 25–26.
26. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

* * *

1. Bajburin A. K., Levinton G. A. K opisaniyu organizacii prostranstva v vostochnoslavjanskoj svad'be // Russkij narodnyj svadebnyj obryad. Issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1978. S. 89–106.
2. Bajburin A. K., Levinton G. A. Pohorony i svad'ba // Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kul'tury: (Pogrebal'nyj obryad). M.: Nauka, 1990. S. 84–99.
3. Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Hudozh. lit., 1975.
4. Vajskopf M. Ptica-trojka i kolesnica dushi: Raboty 1978–2003 godov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
5. Virolajnen M. N. Brachnyj syuzhet v gogolevskom Peterburge // Novyj filologicheskij vestnik. 2019. № 3 (50). S. 44–52.

6. Virolajnen M. N. Rannij Gogol': katastrofizm soznaniya // Gogol' kak yavlenie mirovoj literatury. M.: Nauka, 2003. S. 9–14.
7. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. M.; L.: AN SSSR, 1937–1952.
8. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov / Red., predisl. i komment. S. Mashinskogo. M.: Gos. izdat. hudozh. lit., 1952.
9. Gol'denberg A. H. «Mertvye dushi» N. V. Gogolya i tradicii narodnoj kul'tury. Volgograd: VGPI, 1991.
10. Gol'denberg A. H. Arheopoetika Gogolya: mir zhivyh i mir mertvyh // N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniya / E. E. Dmitrieva (otv. red.). Vyp. 2. M.: IMLI RAN, 2009. S. 265–280.
11. Gol'denberg A. H. Arhetipy v poetike N. V. Gogolya. 8-e izd., ispr. M.: Flinta, 2023.
12. Gol'denberg A. H. Tvorchestvo Gogolya v mifologicheskom i literaturnom kontekste. Volgograd: Peremena, 2019.
13. Dmitrieva E. E. Kommentarii k «Vecheram na hutore bliz Dikan'ki» // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 23 t. T. 1. M.: Nauka, 2001. S. 611–850.
14. Zhavoronkova M. Yu. Brachnyj motiv v dramaturgii N. V. Gogolya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (65). S. 171–175.
15. Zhavoronkova M. Yu. Poetika svadebnogo syuzheta v tvorchestve N. V. Gogolya: nesostoyavshayasya svad'ba // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2018. № 3. S. 69–76.
16. Kruglov Yu. G. Russkie svadebnye pesni. M.: Vyssh. shkola, 1978.
17. Levkievskaya E. E. Sirota // Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'. 2-e izd. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2002.
18. Lysyuk N. A. Magiya zheniha i nevesty v vostochnoslavjanskom svadebnom obryade // Tradicionnaya kul'tura. 2003. № 1 (9). S. 9–18.
19. Mann Yu. V. Dialektika hudozhestvennogo obraza. M.: Sov. pisatel', 1987.
20. Mann Yu. V. Postigaya Gogolya. M.: Aspekt-Press, 2005.
21. Matlin M. G. Smekh v russkoj narodnoj svad'be XIX–XXI vv. Tipologicheskij i funkcional'nyj aspekty. Ul'yanovsk: Izd-vo FGBOU VPO «UIGPU im. I. N. Ul'yanova», 2015.
22. Matlin M. G. Smekhovye teatral'no-igrovyje formy v russkoj tradicionnoj svad'be XIX–XX vv. M.: Izd-vo «Zvezda i Krest», 2013.
23. Smirnova E. A. Poema Gogolya «Mertvye dushi». L.: Nauka, 1987.
24. Snegirev I. M. Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady. Vyp. 4. M.: Univ. tip., 1839.
25. Trofimov A. Ubogij sirota // Zhivaya starina. 1999. № 1. S. 25–26.
26. Frejdenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra. M.: Labirint, 1997.

Wedding as the archetypic plot of Gogol poetics

The place and role of wedding plot in the prose and drama of N. V. Gogol are studied. It is demonstrated that it is not only end-to-end in the creative work of the writer – from the early Ukrainian stories till the second series of «Dead Souls», but also served as the archetype of their fictional structure. The isomorphism of wedding and funeral motives, that is specific for the folk ceremonial culture, is discovered in it. The analysis of structural and semantic complex of wedding-funeral in the texts of the writer is the witness of fruitfulness of Bakhtin's concept of carnival nature of Gogol's laughter and the urgency of wedding's study as the phenomenon of culture of folk humour in the works of M. G. Matlin.

Key words: *Gogol, wedding, funeral, plot, archetype, poetics.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2024).

Н. Е. ТРОПКИНА
Волгоград

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ
1980-1990 ГОДОВ: ПТИЦА КАК ТЕКСТ**

Рассматриваются особенности образов птиц в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980–1990 гг. На материале стихотворений «Непослушание вещей», «Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет...», «Февральское полнолуние» выявляется один из истоков орнитологической образности – текст словесный (литературный, фольклорный) или относящийся к иным видам искусства. Рассматривается трансформация исходного орнитологического мотива в поэтических произведениях Б. Ахмадулиной.

Ключевые слова: *Б. Ахмадулина, орнитологические образы, поэтический мир, лирика, художественная семантика.*

В поэтическом творчестве Беллы Ахмадулиной мир природы обрел широкое и многостороннее воплощение. Наиболее частотные в ее поэзии образы – зимы, ночи, луны, дождя, снега, сада, цветов, розы, черемухи – названы в работе М. Н. Эпштейна [9]. Очевидно преобладание в поэтическом мире Б. Ахмадулиной флористических мотивов, а также образов природных стихий. Закономерно, что образы растительного мира в ее произведениях не раз становились предметом изучения в трудах литературоведов – статьях М. С. Михайловой [6], И. В. Остапенко [7], Х. Н. Темаевой [8] и др. Однако природный мир поэзии Б. Ахмадулиной включает и обращение к анималистическим мотивам и образам, включая ряд орнитонимов. Проблемы поэтической орнитологии Б. Ахмадулиной затрагивались эпизодически в работах о творчестве поэтессы, однако не стали предметом специальных исследований. Образы птиц в творчестве поэтессы не отмечены высокой частотностью, но каждое обращение к орнитологическим мотивам заслуживает особого внимания. В данной статье мы рассмотрим проблемы истоков и художественной семантики орнитонимов в поэзии Б. Ахмадулиной на материале ее стихотворений 1980–1990 гг.

Орнитологические образы в творчестве поэтессы, как правило, не связаны с непосредственным восприятием птицы, ее внешнего вида, издаваемых ею звуков – их истоки и художественный смысл чаще обусловлены сложившимся, устойчивым семантическим ореолом орнитонима.

Эта особенность поэтического мира Ахмадулиной отмечена рядом исследователей. Так, И. В. Остапенко пишет: «В поэзии Б. Ахмадулиной происходит реверсивный процесс. Если традиционно “дух” оживляет “материю”, то у нее природный образ сначала редуцируется до словесно-энергетической сущности, затем по-новому семантизируется и формирует новый художественный мир» [7, с. 341].

«Птичий пантеон» в лирике Б. Ахмадулиной становится источником сравнений и метафор. При этом акцент чаще всего делается на звуках, издаваемых птицами, что отмечено в статье Т. Г. Кучиной «“В промежутке меж звуком и словом”: акустическая образность лирики Б. Ахмадулиной»: «...слышимый человеком мир в лирике Б. Ахмадулиной – это прежде всего “голоса” – природы (дождя, капли, лесных птиц), вещей (водопроводных труб, выключателя, дверцы шкафа), в которых являет себя живая душа всего сущего. В заурадных звуках внешнего мира – паденье яблок или тиканье часовых стрелок – можно различить будущие ритмы пока еще не сочиненных стихов» [5, с. 65]. Так, в стихотворении «Непослушание вещей» (1981) одной из составляющих ночной

картины оживших и взбунтовавшихся предметов становится звук, подобный уханью филина:

*Всю эту ночь, от хваткости к стихам,
включатель тьмы пощелкивал над слухом,
просил воды назойливый стакан,
и жадный кран, как щедрый филин, ухал* [3, с. 37].

Обращение к птице как живому существу, непосредственно воспринимаемому лирическим героем, встречается в поэзии Б. Ахмадулиной, но это лишь один из случаев возникновения орнитологического образа в ее произведениях, и он не является преобладающим. «Материал, который использует автор, – природные реалии. Но степень знакомства эмпирического автора с природным миром, видимо, минимальна», – пишет исследователь И. В. Остапенко [7, с. 340]. Импульсом к созданию орнитологических образов в поэтическом мире Б. Ахмадулиной часто становится художественный текст в его различных модификациях. Это может быть словесный текст и текст иных видов искусства. Яркий пример тому – стихотворение «Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет...», датированное 4–5 июня 1985 г. В его сложной структуре доминируют мотивы и образы, прямо отсылающие читателя к эпохе русского Серебряного века. Исследователь Т. В. Алешка отмечает, что в поэзию Б. Ахмадулиной вошел целый ряд имен, ключевых для литературы и искусства России рубежа XIX–XX вв., и связывает это с ее пребыванием в Сортавале и Репино – «местах, так явно связанных с Серебряным веком, с переживаниями над судьбой Блока» [2, с. 57]. Уже с первых строк стихотворения является двойственная природа его образности:

*Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет,
но воздуха и вод удвоен гласный звук,
как если б кто-то был и вымолвил: Коонен...
О ком он? Сонм колонн меж белых твердей двух* [3, с. 205].

Обращаясь к этим строкам, исследователь пишет, что «поэтическое слово пытается не только смыслом, но и звучанием передать особенности многообразных состояний природы» [2, с. 97]. Однако природа в стихотворении являет собой лишь первичный импульс к созданию картины сложного художественного полотна, которое при малом объеме (в целом нечастом в лирике Ахмадулиной) охватывает целый пласт искусства рубежа XIX–XX вв. Один из ключевых образов стихотворения – «синяя птица», и он претерпевает в тексте целую череду метаморфоз. Изначально образ восходит к пьесе Мориса Метерлинка, написанной в 1905 г., на что обращает внимание Т. В. Алешка [2]. Однако в большей степени образ синей птицы связывается с одним из самых ярких культурных событий начала XX в. – постановкой пьесы в Московском Художественном театре в 1908 г. Режиссером спектакля был К. С. Станиславский, композитором – И. Сац, а исполнителем роли Митиль – Алиса Коонен, дважды упомянутая в стихотворении Б. Ахмадулиной «Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет...». Образ, восходящий к птице как к тексту, выйдя за пределы былой эпохи, претерпевает трансформацию, преобразуется боа – предмет одежды, который несет в себе мету иной эпохи и одновременно обладает орнитоморфной чертой:

*Из перьев синих птиц, чья вотчина – эпоха
былая, в дне чужом **нахохлилось боа**
(выделено нами – Н. Т.)* [3, с. 205].

В текст стихотворения вторгаются воспоминания лирической героини о времени молодости, когда ей не дано было проникнуться духом минувшей эпохи, и это также передается в стихотворении через имплицитно воссозданный орнитоморфный мотив – образ птицы, наделенной немотой – «уныньем горловым»:

*Ни перьев синих птиц, ни поминанья Блока
уныньем горловым – понять я не могла [Там же].*

В финальной части стихотворения образ птицы вновь претерпевает метаморфозу: неживой предмет оборачивается птицей, лирическая героиня стихотворения вновь обретает голос, ее мир наполняется звуками, подобными пению птиц:

*Оо, какой простор! Но кто сказал: Коонен?
Акцент долгот присущ волнам и валунам.
Аа – таков ответ незримых колоколен.
То – эхо возвратил недалний Валаам [Там же].*

Таким образом, в стихотворении «Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет...» происходит ряд трансформаций орнитологического мотива: он восходит к словесному источнику, проходит через артефакт начала XX в., преобразуется в предмет, который наделен при этом и чертами живой птицы. В финале стихотворения образ птицы становится фактором преобразования самой реальности: он наделяет ее, как и лирическую героиню стихотворения, живым голосом. В итоге дар голоса обретает и неживое пространство – волны и валуны, их наделяет этим даром слово – имя Коонен. При обращении к орнитологической образности в стихах Б. Ахмадулиной происходит перекодировка модуса чужого словесного / культурного текста в образ, наделенный чертами природной реалии.

Источником орнитологической образности в стихотворении Б. Ахмадулиной «Февральское полнолуние», датированном 8–9 февраля 1982 г., становится фольклорный текст. Образ птицы – воробья – в нем имеет не природный, биологический, а словесный источник:

*Пять дней назад, бесформенной луны
завидев неопрятный треугольник,
я усмехнулась: дерзок второгодник,
сложивший эти ямы и углы.
Сказала так – и оробела я.
Возможно ли оспорить птицелова,
загадочно изрекшего, что слово
вернуть в силоч трудней, чем воробья?
Назад, на двор! Нет, я не солгала [3, с. 67].*

В стихотворении иронически осмысливается пословица «Слово не воробей: вылетит – не поймаешь». Происходит своего рода двойная отсылка – апелляция к чужому слову, в данном случае – общему, и при этом слову о слове. Смысл пословицы в стихотворении трансформируется, что в целом характерно для поэзии Б. Ахмадулиной: исследователь Т. В. Алешка пишет об этом, приводя в пример строки из стихотворения «Февральское полнолуние»: «Ахмадулина использует пословицы и поговорки, как правило, в преобразованном, измененном виде» [2, с. 31]. Иронически осмысленный в начале стихотворения образ, восходящий к словесно-орнитологическому источнику, во второй части стихотворения обретает высокий смысл, связанный с темой сущности и цены поэтического слова:

*Увы, поимщик воробьиных бегств.
Зачем равнинам предвещать равнины?
Но лишь когда слова непоправимы,
устам отверстым оправданье есть [3, с. 68].*

«Поимщик воробьиных бегств» – образ, основанный на характерном для поэтического языка Б. Ахмадулиной словесном приеме, о котором не раз писали исследовате-

ли. Так, в работе В. В. Абашева отмечается: «стратегия поэтической речи Ахмадулиной выражалась в очевидном пристрастии к перифрастическим оборотам» [1, с. 88].

В стихотворении «Февральское полнолуние» происходит своего рода реализация метафоры: «пословицная птица» вписывается в характерный для орнитологического текста ночной пейзаж, центром которого становится луна. Ее образ осмыслен в двойном ракурсе: он обыденный и несовершенный – «бесформенной луны <...> неопрятный треугольник», что порождает в нарочито прозаизированном сознании героя стихотворения мысль о ее несовершенстве, о сотворенности луны «дерзким второгодником». Сотворенность эта также имеет двойной смысл. Луна – это часть мироздания, и в этом контексте весьма важно слово *Том*, написанное с заглавной буквы. Но луна имеет и словесную природу, обозначается словосочетанием, которое прямо восходит к пушкинскому тексту:

*Она Того забыла иль не знала,
чьё имя – тайна. Глупая луна!*
[3, с. 66].

Обращение в стихотворении к пушкинской теме отмечено в работе В. К. Зубаревой «Тайнопись. Библиейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980-х–2000-х годов»: «Шаг за шагом Ахмадулина ведет Поэта к Встрече с Тем, “чьё имя – Тайна” (“Февральское полнолуние”, 1982)» [4, с. 38].

В орнитологической образности поэзии Б. Ахмадулиной наглядно проявляется особенность, отмеченная исследователем И. В. Остапенко: именуемая в стихотворном тексте реалья – птица – «это не столько отражение мира природного, сколько новая реалья, находящаяся в омонимичных отношениях с природной» [7, с. 38–39].

Подводя итог, можно отметить, что в статье рассмотрен лишь один из источников орнитологической образности в поэзии Б. Ахмадулиной и определена одна из граней его художественной семантики. Орнитологическая образность в поэзии Беллы Ахмадулиной – тема, которая требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Абашев В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахмадулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 86–94.
2. Алешка Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск: РИВШ БГУ. 2001.
3. Ахмадулина Б. А. Сочинения: В 3-х т. Т. 2. Стихотворения 1980–1996. Переводы. Воспоминания. М.: Изд-во «ПАН КОРОНА-ПРИНТ», 1997.
4. Зубарева В. К. Тайнопись. Библиейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980-х–2000-х годов. М.: Языки славянской культуры: Глобал Ком, 2017.
5. Кучина Т. Г. «В промежутке меж звуком и словом»: акустическая образность лирики Б. Ахмадулиной // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3. С. 61–67.
6. Михайлова М. С. Концепт сада и метафора «цветочного» времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.
7. Остапенко И. В. Пейзажный дискурс и картина мира: флористика в художественной системе Беллы Ахмадулиной // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. Т. 25 (64). № 1. Ч. 1. С. 335–342.
8. Темаева Х. Н. Своеобразие цветочной семантики поэзии Беллы Ахмадулиной и Новеллы Матвеевой // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 99–103.
9. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

1. Abashev V. V. Volya prostranstva i techenie stiha. O poetike Ahmadulinoj 1980-h gg. (knigi «Tajna» i «Sad») // Filologičeskij klass. 2020. T. 25. № 1. S. 86–94.
2. Aleshka T. V. Tvorčestvo B. Ahmadulinoj v kontekste tradicij russkoj poezii. Minsk: RIVSh BGU. 2001.
3. Ahmadulina B. A. Sočineniya: V 3-h t. T. 2. Stihotvoreniya 1980–1996. Perevody. Vospominaniya. M.: Izd-vo «PAN KORONA-PRINT», 1997.
4. Zubareva V. K. Tajnopis'. Biblejskij kontekst v poezii Belly Ahmadulinoj 1980-h–2000-h godov. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Global Kom, 2017.
5. Kuchina T. G. «V promezhutke mezh zvukom i slovom»: akustičeskaya obraznost' liriki B. Ahmadulinoj // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2020. № 3. S. 61–67.
6. Mihajlova M. S. Koncept sada i metafora «cvetochnogo» vremeni v knige Belly Ahmadulinoj «Sad» // Kul'tura i tekst. 2005. № 8. S. 192–197.
7. Ostapenko I. V. Pejzazhnyj diskurs i kartina mira: floristika v hudozhestvennoj sisteme Belly Ahmadulinoj // Učenyje zapiski Tavričeskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Social'nye kommunikacii. T. 25 (64). № 1. Ch. 1. S. 335–342.
8. Temaeva H. N. Svoeobrazie cvetočnoj semantiki poezii Belly Ahmadulinoj i Novelly Matveevoj // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2022. № 5. S. 99–103.
9. Epshtejn M. N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...». Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii. M.: Vysshaya shkola, 1990.

***Ornithological images in the poetry of Bella Akhmadulina
of the 1980-1990 s: bird as text***

The peculiarities of birds' images in the poetry of Bella Akhmadulina of the 1980-1990 s are considered. On the basis of the poems «Disobedience of things», «Night: a white host of columns above the water. No one is there...» and «February full moon» there is revealed one of sources of ornithological imagery – verbal text (literary, folklore) or relating to other Art forms. The transformation of original ornithological motive in the poetical works by B. Akhmadulina is described.

Key words: *B. Akhmadulina, ornithological images, poetic world, lyrics, fictional semantics.*

(Статья поступила в редакцию 25.07.2024).

И. С. ЛЕОНОВ
Москва

МОТИВ БОЛЕЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОЗЕ

Исследуется роль и место мотива болезни в современной православной художественной литературе. На материале повестей и рассказов протоиерея Александра Шантаева, Валерия Лялина, Татьяны Шипошиной, иеромонаха Феодорита (Сенчукова) рассматривается проблема тесного соотношения физических и духовных аспектов жизни человека, раскрываются духовные корни физического недуга, который воспринимается либо как свидетельство Божественного Промысла, либо как стартовая точка для внутреннего обновления человека.

Ключевые слова: *современная православная проза, морбуальный код, мотив болезни, А. Шантаев, В. Лялин, Т. Шипошина, Феодорит (Сенчуков).*

В последнее время в русской литературе особую актуальность приобретают темы, связанные с категориями «болезнь», «страдание», «выздоровление». Важное место в системе персонажей многих художественных произведений занимают также образы пациента и врача.

В современном литературоведении исследуется понятие «морбуальный код», который рассматривается в контексте представлений о медиализации современного общества. Л. М. Медведева выделяет несколько продуктивных направлений в филологии, связанных с изучением данной темы: «История медицинских терминов, эпонимы в медицине, медицинский дискурс в общении *врач – пациент*, изучение метафор, анализ произведений художественной литературы с точки зрения медицинского знания и опыта переживания болезни и т.п.» [5, с. 25].

Вопрос об отражении «морбуального кода» в русской литературе рассматривался в работах Е. Г. Трубецкой, которая отмечала, что данное понятие «...включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обусловленную взаимодействием врача и пациента, но и отношение к болезни самого больного, изменение его мировосприятия, поведения и связанных с этим философских и нравственных вопросов» [7, с. 48].

Цель данного исследования – рассмотреть способы отражения темы болезни и выздоровления в современной православной художественной прозе, которая в настоящее время активно развивается, обретая новые формы и новые имена. Следует уточнить, что, относясь к художественной литературе, православная проза опирается на принцип теоцентризма и показывает жизнь и смерть человека в контексте православной догматики.

Многие писатели, круг которых составляют как священнослужители, пришедшие к литературному творчеству, так и воцерковленные миряне, затрагивают в своих произведениях тему болезни, старения и умирания человека, телесных недугов, вызванных несчастными случаями и разделивших жизнь нередко молодого персонажа на «до» и «после». И, конечно, актуальной становится тема состояния души человека при переходе его в вечность. Безусловно, в прозе православных писателей находит отражение и святоотеческое учение о болезни и смерти.

Христианское понимание соотношения духовного и физического состояний человека как применительно к болезни, так и в более широком смысле отмечается в трудах богословов. Об этом писал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «Велико и глубоко важно соотношение между духом и формой. В материальных формах ярко отражается

дух, присущий материи. И больше того, дух творит формы» [2, с. 79]. На христианский смысл болезни указывал преподобный Феофан Затворник: «Посылает Бог иное в наказание, как эпитимью, иное в образумление, чтоб опомнился человек; иное, чтоб избавить от беды, в которую попал бы человек, если бы был здоров; иное, чтобы терпение показал человек и тем большую заслужил награду; иное, чтобы очистить от какой страсти, и для многих других причин» [1, с. 21].

Тема болезненных состояний затрагивается в приходских очерках и рассказах священников Александра Шантаева, Ярослава Шипова, Александра Дьяченко и др. В одном из циклов рассказов А. Шантаева – «Встречи – проводы» – раскрывается типичная для деревенского пастыря ситуация исповеди и причащения на дому умирающих односельчан.

В произведениях «Сирота», «При смерти», «Умирающая» рассказчик дает портретную характеристику больного человека (в подавляющих случаях речь идет о пожилой женщине), отмечает черты страдания на лице (бледность, безучастный взгляд, порой равнодушие), указывает на тяжесть дыхания, хрипы, частые вздохи, стоны. Кроме того, автор передает отдельные реплики умирающих, свидетельствующие либо о принятии своей участи, либо содержащие жалобы и упреки в несправедливости высших сил. Диапазон этих реплик широк: от слов «Батюшка, благословите на смерть», «Светает, вижу» (Ср.: «Уже почти с того света, двигая одними губами, она отвечает» [9, с. 164–165]) или традиционных для сельской церковной среды фраз «Во всем грешна, во всем грешна» [9, с. 154] – до грубой брани, вызванной тяжелым физическим состоянием.

Внимание рассказчика привлекает обстановка, где находится больной. Чаще всего это деревенская изба, реже – комната в многоквартирном доме в небольшом городе или поселке. Иногда встреча с больным происходит в стенах медицинского учреждения. Автор описывает поведение родственников: как правило, наблюдается общая суета, но разговоры стихают к началу таинства. Краткие диалоги и отдельные реплики домашних способны пролить свет на жизнь умирающего человека, причины его болезни или одинокой старости: «Она сирота <...>. Было двое сыновей, да оба уже померли» [9, с. 152].

В приходских рассказах большое внимание уделяется интерьеру: изображается обстановка комнаты, передаются характер освещения, запахи, которые чаще всего связаны с болезнью или свидетельствуют о качестве ухода за умирающим: «В углу комнаты стоит постель, царит полумрак. Форточка закрыта, поэтому воздух спертый. Пахнет постелью, впитавшей запах человеческого тела, чем-то по-детски кисловатым и какими-то горькими лекарствами, пахучими, но вовсе не благовонными» [9, с. 152].

Предметный ряд также привлекает рассказчика. Он обращает внимание на имеющиеся в доме фотографии, пытается соотнести их с обликом больного или «угадать» в них его родственников. Иногда взгляд священника улавливает кого-то из окружающих, далее следует комментарий: «На другом снимке, по виду – начала семидесятых, изображен молодой мужчина, немного за тридцать, вьющиеся волосы, удлиненные баки, под темным пиджаком темная рубашка и широкий, с яркими разводами галстук. Внешность человека, знающего себе цену и явно довольного собой. – Умер от сердечного приступа в восемьдесят четвертом году, – шепнула Галина» [9, с. 153].

Наряду с писателями-священниками, фиксирующими болезненные состояния умирающих, в православной прозе отражается опыт авторов, имеющих медицинское образование и богатую врачебную практику. К ним относятся Валерий Лялин, Татьяна Шипошина, иеромонах Феодорит (Сергей Сенчуков).

Валерий Николаевич Лялин (1927–2010) писал о себе следующее: «Я писатель из молодых, отточил свое перо на восьмом десятке лет. Вся юность прошла в урагане войны 1941–45 гг. Война тяжелым катком прошла по моей жизни и, не успев умертвить, превратила меня в инвалида телесного и духовного. Вновь возродил меня к жизни архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), ныне причисленный к лику свя-

тых, подаривший мне Библию и наставивший на путь Христов. Окончив медицинский институт, я работал сельским врачом в Крыму, в Закарпатье и в Грузии, где окормлялся у старцев-монахов – выходцев из знаменитой Глинской пустыни, а также общался с монахами-пустынниками из Абхазии. <...>. Все мои рассказы – от сердца на основе жизненного опыта. Пройден большой путь со грехами и покаянием» [4].

Тема телесной болезни в его творчестве неразрывно связана с болезнью духовной. И процесс излечения также, по мысли автора, должен начинаться с изменения душевного состояния. В отличие от персонажей, которых изображают писатели из среды сельского духовенства, герои В. Н. Лялина – молодые люди, болезнь которых наступает часто неожиданно при полном жизненном благополучии.

Такова судьба тридцатилетнего Семена, персонажа рассказа «Наваждение», болезнь которого по всем прогнозам должна привести его к смерти. Само заболевание воспринимается рассказчиком как резкий и насильственный, вызванный некой враждебной волей переход из привычного жизненного пространства в чуждый мир болезни и смерти, зримым воплощением которого становится больничное отделение: «Какая-то сила, без суда и следствия вырвала меня из жизни и обрекла на гибель. И я вышел из этой клиники, куда не дай Бог кому-нибудь попасть. С пустяками здесь не лежали, и над каждым был приговор смерти, которая была не за горами, а за плечами. Ум мой помрачился от тоски и тревоги, потому что моя собственная кровь восстала на меня и превращалась в яд, убивающий тело» [4, с. 185].

Центральным мотивом в произведении является мотив чуда, который понимается не только в контексте физического выздоровления, сколько в плане духовного преображения: Семен приходит к вере, принимает крещение, приносит покаяние. При этом при крещении герой меняет имя, что более свойственно монашескому постригу, который воспринимается как умирание для мира в преддверии воскресения: «Это было очень умно, подумал я, смерть будет искать Семена, а я уже не Семен, а Серафим» [4, с. 188].

Похожая тематика обнаруживается в рассказе этого же автора «Нечаянная радость», который имеет автобиографическую основу. Молодой врач, работающий в одном из крымских моргов, испытывает комплекс тяжелых соматических и психиатрических симптомов, которые связаны как с последствиями ранее проведенного над ним неудачного медицинского эксперимента, так и с его профессиональными обязанностями. В произведении возникает мотив «заражения смертью», а изображенное в рассказе художественное пространство делится на два бинарных полюса: смерть / морг – жизнь / храм. Исцеление – как духовное, так и телесное – приходит благодаря встрече молодого врача с профессором медицины архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), который проводит краткий осмотр пациента и своим словом укрепляет веру молодого человека. В финале произведения больной совершает переход в сакральное храмовое пространство, которое благоприятно воздействует на его духовное и физическое здоровье.

Еще один автор, пишущий в контексте современной православной литературы, – практикующий врач-педиатр Татьяна Владимировна Шипошина. В ее повестях часто раскрывается специфика болезненных состояний персонажей, как правило, молодых, изначально полных сил и надежд на будущее. Центральный персонаж повести «Полигон» – старшеклассник по имени Александр – оказывается в состоянии комы в результате травмы, полученной во время занятий одним из экстремальных видов спорта. Т. Шипошина на основе святоотеческого опыта и медицинской литературы делает попытку воссоздать жизнь души человека, его сознания в неземном пространстве. Пока тело больного находится в реанимационном отделении, его душа обнаруживает себя на границе времени и вечности. Визуально это представлено в виде движения по туннелю, однако юношу пугает не сам туннель, а ощущение постоянно ускоряющегося движения, на которое он никак не может воздействовать. Встреча в потустороннем мире с прабабушкой, расстрелянной за веру на Бутовском полигоне в 30-е гг., заставляет его после

исцеления физического искать исцеления духовного: молодой человек обретает веру. Таким образом, автор показывает болезнь как путь к изменению и совершенствованию внутреннего мира человека.

В последнее время читательский интерес вызывают книги еще одного автора, который совмещает два типа служения: служение врача и священника. Речь идет об иеромонахе Феодорите (Сергее Сенчукове), чья судьба представляется довольно уникальной: после смерти супруги практикующий врач-реаниматолог принимает монашеский постриг и становится священником, при этом не уходит в монастырь, а продолжает работу в службе скорой помощи. Из-под пера о. Феодорита выходит несколько сборников рассказов («Поп на мерсе», «Менты, понты и скорая помощь» и др.).

Очевидно, что и врач, и священник постоянно сталкиваются с тяжелым положением человека, порой приводящим к смерти. При этом каждый решает собственные задачи. Один – пытается остановить развитие патологического процесса, другой заботится о спасении души умирающего. Наблюдая за развитием телесной болезни, а также за пациентом, находящимся в критическом состоянии, писатель делает открытия в сфере духовной.

В интервью ресурсу «Правмир» о. Феодорит следующим образом определяет смысл своего служения: «Реаниматолог всегда понимает, что перед ним точка взаимодействия нескольких сил. То есть это Сам Господь, у которого есть какой-то Свой промысел вот на этого конкретного пациента. Пациент и врач, который не должен рассуждать, кому хуже, кому лучше, а должен делать то, на что его Господь поставил. Он поставил реанимировать, вот и реанимируй» [8].

В произведениях о. Феодорита можно обнаружить два плана. Внешний, как правило, связан с медицинской практикой больничного врача или сотрудника реанимационной бригады скорой помощи. В текстах в большом количестве присутствует медицинская лексика, повествователь подробно описывает состояние пациентов с точки зрения патофизиологических процессов, делает предположения о возможном диагнозе, комментирует проводимые им же медицинские манипуляции. При этом в поле зрения рассказчика попадают родственники больного, его ближайшее окружение, а также коллеги: фельдшеры, медсестры, водители. Второй план связан с фиксацией явлений духовного мира. Автор пытается с позиции православного человека ответить на вопрос: для чего та или иная ситуация, болезнь, несчастный случай были даны человеку, его родным и самому доктору. В рассказе «Немного чуда» писатель повествует о скончавшейся молодой женщине, чье состояние по всем медицинским параметрам было признано безнадежным. Однако, когда происходило прощание умирающей пациентки с мужем, в реанимационной палате «на мониторе проскочил желудочковый комплекс» [6, с. 33]. Больную спасти не удалось, однако врач приходит к удивительному умозаключению: «Конечно, можно увидеть здесь вполне материалистический феномен ритма умирающего сердца, у которого есть физиологические и биохимические обоснования. Но мы твердо знаем, что видели чудо: любящие сердца хоть на мгновение, но победили смерть» [6, с. 33].

Таким образом, можно предположить, что в недрах православной художественной словесности сегодняшнего дня формируется особое «медицинское» («морбуальное») направление, для которого характерно внимание к телесному и духовному здоровью человека в контексте общей близкой авторам теологической позиции.

Список литературы

1. Болезнь и смерть: По трудам святителя Феофана Затворника. М.: Сибирская благовонница, 2018.
2. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. Дух, душа и тело: Жизнеописание, акафист, канон. М.: Изд-во Летопись, 2023.

3. Любомудров А. М. Я прорастал к Христианству, как былинка через асфальт. Памяти писателя Валерия Лялина // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/10/07/ya_prorastal_k_hristianstvu_kak_bylinka_cherez_asfalt (дата обращения: 24.07.2024).
4. Лялин В. Нечаянная радость. М.: Сатисъ, 2004.
5. Медведева Л. М. Болезнь в культуре и культура болезни: монография. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2013.
6. Сенчуков С. В. Поп на мерсе: забавные и поучительные истории священника-реаниматолога / иеромонах Феодорит. М.: Эксмо, 2020.
7. Трубецкова Е. Г. К вопросу о морбуальном коде русской литературы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 47–54.
8. Феодорит (Сенчуков), иеромонах. На работе я не исповедую, а реанимирую // Правмир. URL: <https://dzen.ru/a/Yq72W6IRUNnio87?ysclid=lz04bexe8b774521809> (дата обращения: 20.07.2024).
9. Шантаев Александр, протоиерей. Асина память. Рассказы из российской глубинки. М.: Ника, 2015.

* * *

1. Bolezn' i smert': Po trudam svyatitelya Feofana Zatvornika. M.: Sibirskaya blagozvonnicza, 2018.
2. Luka (Vojno-Yasenezckij), svyatitel'. Dux, dusha i telo: Zhizneopisanie, akafist, kanon. M.: Izd-vo Letopis', 2023.
3. Lyubomudrov A. M. Ya prorastal k Xristianstvu, kak by`linka cherez asfal`t. Pamyati pisatelya Valeriya Lyalina // Russkaya narodnaya liniya. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost`. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/10/07/ya_prorastal_k_hristianstvu_kak_bylinka_cherez_asfalt (дата обращения: 24.07.2024).
4. Lyalin V. Nechayannaya radost`. M.: Satis`, 2004.
5. Medvedeva L. M. Bolezn' v kul'ture i kul'tura bolezni: monografiya. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2013.
6. Senchukov S. V. Pop na merse: zabavny`e i pouchitel`ny`e istorii svyashhennika-reanimatologa / ieromonax Feodorit. M.: E`ksmo, 2020.
7. Trubeczskova E. G. K voprosu o morbual`nom kode russkoj literatury` // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 467. S. 47–54.
8. Feodorit (Senchukov), ieromonax. Na rabote ya ne ispoveduyu, a reanimiruyu // Pravmir. URL: <https://dzen.ru/a/Yq72W6IRUNnio87?ysclid=lz04bexe8b774521809> (дата обращения: 20.07.2024).
9. Shantaev Aleksandr, protoierej. Asina pamyat`. Rasskazy` iz rossijskoj glubinki. M.: Nikeya, 2015.

The motive of illness in modern orthodox prose

The role and place of motive of illness in the modern orthodox fictional literature are studied. At the material of novels and stories of the archpriest Aleksandr Shantaev, Valeriy Lyalin, Tatyana Shiposhina and the hieromonach Feodorit (Senchukov) the issue of close correlation of physical and spiritual aspects of man's life is considered. There are revealed the spiritual roots of the physical illness that is interpreted either as the sign of the disposition of Providence or the starting point for the inner renewal of the man.

Key words: *modern orthodox prose, morbuial code, motive of illness, A. Shantaev, V. Lyalin, T. Shiposhina, Feodorit (Senchukov).*

(Статья поступила в редакцию 10.08.2024).

Е. Е. ЗАВЬЯЛОВА
Э. Д. КАЙЖИГИТОВ
Астрахань

**СПЕЦИФИКА СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
НОНСЕНС-СКАЗОК Е. КЛЮЕВА**

Выявляются закономерности построения сюжета и особенности композиции нонсенс-сказок Е. Клюева. Делается вывод о необязательной и подвижной природе их основных структурных элементов, значительной редукции формульных составляющих – по сравнению с фольклорными произведениями. Сюжет в рассмотренных текстах эксплицирован не только через действия персонажей в порядке их представления, но и посредством движения смыслов, динамики лирических чувств.

Ключевые слова: *Е. Клюев, нонсенс-сказка, сюжет, композиция, формульность, жанр.*

Утверждение об особом построении сказки как жанра стало аксиоматичным как в фольклористике, так и в литературоведении. Важность данного аспекта была подчеркнута В. Я. Проппом, А. И. Никифоровым, Т. Г. Леоновой, Д. Н. Медришем, Л. В. Овчинниковой и многими другими исследователями.

Современные ученые прежде всего анализируют «архитектонику народной сказки и функциональность ее сюжетно-композиционных элементов» [13, с. 90]. Этот принцип, заложенный В. Я. Проппом, лежит в основе изучения «морфологии» произведений. В поиске специфической структуры (которую имеет почти каждый фольклорный тип) литературоведы уделяют особое внимание господствующим тенденциям в организации волшебной сказки.

В ряде работ по фольклористике сложился некий канон анализа, основанный на определении генезиса сюжетов. В таких случаях «исследования сказки принимают классификационный характер, а другие компоненты поэтики жанра часто остаются вне поля зрения» [Там же, с. 92]. Именно типы сюжета выступают в качестве основания в классическом указателе Антти Аарне. На настоящий момент сюжету в контексте значимых с точки зрения поэтики черт рассматриваемого жанра отводится одно из знаменательных мест, но «не утверждается его сверхдоминирующая роль» [Там же, с. 93].

В литературной сказке формула оказывается менее принципиальной для формирования жанра. По справедливому замечанию А.В. Тихомировой, «структурные элементы (зачин, концовка) не подлежат строгой регламентации, их использование в общей структуре произведения стало свободным, а фольклорные формулы (например, «жили-были», «долго ли, коротко ли») в большей степени обусловлены не самим жанром сказки, а обращением к народному творчеству в целом» [Там же].

По словам критиков, Евгений Васильевич Клюев – феноменальное явление в российской литературе: поэт, прозаик, драматург, переводчик, ученый-лингвист, преподаватель. Его произведения не только пользуются огромной популярностью у массового читателя, но и входят в школьную программу, т.е. нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении. Целью настоящего исследования стало определение сюжетно-композиционной организации его нонсенс-сказок. Стоит отметить, что данный жанр, возникновение которого традиционно связывается с творчеством английских авторов – Э. Лира и Л. Кэрролла, оказался достаточно продуктивным на русской почве.

Обозначается конкретный круг произведений Ю. И. Коваля, Г. М. Кружкова, Г. Б. Остера, А. Н. Трушкина.

Е. В. Клюев считается первопроходцем в постижении английской традиции литературы нонсенса. Ему принадлежит сборник переводов «Эдвард Лир, Льюис Кэрролл. Целый том чепухи» (1992), а также работы литературоведческого характера: «Теория литературы абсурда» (2000), «Эдвард Лир. Книга без смысла» (2007).

Интерес к нонсенс-сказке в России далеко не случаен. В первую очередь, это связано с развитием русской смеховой культуры, представляющей как оппозиция общественным правилам. По мнению А. В. Пешковой, «ремесло скомороха, как и предмет его служения, – смех – противостоит официальному мировоззрению с его этическими догмами (смирением, самоуничижением, скорбью и т.д.)» [10, с. 30]. В определенном смысле именно данная особенность ложится в основу литературы нонсенса, которая «отталкивается от традиционного мировосприятия и использует его в качестве инструмента моделирования своеобразного антимира, открывающего иной взгляд на рядовые понятия» [16, с. 43].

Расшатывание традиций, оспаривание монументальности традиций – главная установка писателей литературы нонсенса, творчество которых несет в себе ориентацию «на детское сознание и его особенности (нестандартность мышления, неприятие норм и условностей, стремление изучать мир во всех его проявлениях)» [15, с. 12].

Данный факт объясняет попытку «бегства авторов из образовательной религиозности в невинный, освобождающий, шуточный вздор ребенка» [7, с. 82]. Уход от сложившихся решений в области создания художественного текста можно констатировать и в нонсенс-сказках Е. Клюева.

Первое, что заслуживает внимания в контексте избранной темы, – «необязательная и подвижная природа основных структурных элементов» [13, с. 93]. Произведения анализируемого жанра могут начинаться как с традиционного «жили-были»: «Жил-был Отрывной Календарь, у него всё было рассчитано: по одному листку на каждый день» [5, с. 58], так и с несвойственного для зачина сказки «однажды»: «Однажды Цапля в одиночестве стояла у кромки воды и вслух размышляла о своей невероятной красоте» [5, с. 83], «Однажды очень-очень старый дом на центральной городской площади отремонтировали» [5, с. 99]. Как правило, с подобной словесной формулы начинаются анекдоты, а в нонсенс-сказке – завязка действия.

Функцию экспозиции в нонсенс-сказке часто выполняют пейзажные и интерьерные описания, сопровождающиеся презентацией состояний персонажей: «Когда Маленький Старательный Веер, который до этого просто валялся на дне ящика в платяном шкафу, положили в пляжную сумку и принесли в ней на берег моря, он понял: его ждут великие дела. “Ну, теперь все точно узнают, на что я способен!” – ликовал Маленький Старательный Веер» [5, с. 8].

Подобного рода зарисовки являются достаточно частотными, встречаясь как в развитии действия, так и в финале. Стоит отметить, что они рефлексивны, не характерны для традиционной сказки, но в пределах анализируемого жанра становятся неотъемлемым компонентом, так как «находятся в достаточно тесной связи не только с повествовательными законами, но и с событийным планом» [13, с. 151].

Достаточно часто нонсенс-сказка имеет зачин из двух-трех слов, уже в первом предложении произведения содержится завязка: «Один прехорошенький Бублик внезапно начал стесняться дырки у себя в животе» [5, с. 14]. Завязка может быть представлена диалогом или монологическим рассуждением героев: «“Я одноразовый!.. – с ужасом подумал Одноразовый Стаканчик и чуть не разрыдался. – Я думал, что этом мире ожидает меня долгая и верная служба – в меня будут то и дело наливать всякие жидкости и выпивать из меня всякие жидкости, а потом мыть меня и ставить, например, в по-

судный шкаф, рядом с другими стаканами и стаканчиками, бокалами и бокальчиками, чашками и чашечками”» [5, с. 43].

Стоит также отметить, что композиция фольклорной сказки – во всяком случае, в ее представлении массовой аудитории, – отличается счастливой развязкой (это может быть свадьба, возвращение в родной дом, восполнение утраты и мн. др.). Нонсенс-сказки Е. Клюева зачастую имеют грустный финал. Данный факт сближает их с «серьезными» литературными жанрами, например, романом, повестью или рассказом. Так, произведение «Свечной огарок» заканчивается смертью главного героя: «Но в последний раз вспыхнул огонек Свечного Огарка – и не стало никакого Свечного Огарка... только маленькая лужица воска вокруг дорогого подсвечника» [5, с. 18].

Обращает на себя внимание «расшатывание» формульной системы фольклорной сказки. К примеру, в произведении Е. Клюева «Между двух стульев» можно констатировать отсутствие традиционной мотивировки отправки героя в путешествие в страну, находящуюся между двумя стульями. Отправка Петропавла у Е. Клюева не связана ни с предшествующей «бедой», ни с «вредительством», ни с «недостачей» (или «нехваткой»), ни с какими бы то ни было другими ходами сказочного канона.

Основной причиной, по которой Петропавел решается на путешествие, является скука – ему надоедает атмосфера происходящего в ресторане, и он собирается уйти: «Когда Петропавлу наскучило одному, он двинулся в том же самом направлении, в котором исчез Бон Жуан, и сразу обнаружил, что комната плавно переходит в лес: сначала на полу появились отдельные травинки, потом – пучки, низкие кустики, деревья – и вот уже Петропавел забрел в чащу» [2, с. 2]. В приведенном отрывке представляет интерес также описание перехода границы миров. В фольклорной традиции он, как правило, сопровождается достаточно долгим обрядом инициации (например, Баба Яга перед переходом Ивана в иной мир кормит, поит, парит и укладывает его спать).

В сказке Е. Клюева граница не обозначена вовсе, а обряд инициации сведен к минимуму – Петропавел съедает пирог с миной, который являет собой пищу из другого мира: «Пока Петропавел размышлял об этом, внесли пирог. С лицом у пирога всё было нормально: открытое румяное лицо, хоть и не слишком запоминающееся. Зато вот середина пирога подозрительно выпячивалась – и, когда над ней занесли довольно большой нож, Петропавел счел своим долгом напомнить: “Осторожно, там мина!”» [2, с. 2]. Возможно, это угощение – аналог каменных хлебов из фольклорной сказки.

Важно отметить, что Петропавел обретает «недостачу» тогда, когда попадает в другой мир. Речь идет о возвращении домой, ибо не имеющий мотивировки отправки герой по прибытии в ЧАЩУ ВСЕГО обретает цель, заключающуюся в стремлении вернуться домой. Данная недостача рождает ряд частных – для возвращения домой Петропавлу придется отыскать Спящую Уродину и поцеловать ее – таков переименованный сказочный сюжет «Спящей красавицы», в которой принц должен поцеловать героиню, оказавшуюся в плену магического сна, чтобы «пробудить ее и обрести с ней счастье» [16, с. 54].

В качестве ещё одной важной особенности нонсенс-сказок Е. Клюева следует выделить тенденцию к циклизации, произведения объединяются общей системой персонажей («Слон в полном смысле этого слова»), субъектом повествования («Сказки на всякий случай»), едиными принципами организации текста и стилем («От шнурков до сердечка» «Когда А была арбалетом»). Последний цикл, к примеру, содержит 33 сказки, которые повествуют о происхождении букв русского языка. Циклообразующими признаками здесь выступают анафора (все сказки начинаются с местоимения «когда»), стиль и способ организации повествования.

Анализируемые тексты Е. Клюева отличаются не столько специфическими композиционными решениями, сколько своеобразием конфликта и сюжета. Как правило, каждая группа сказок имеет свой тип конфликта и, следовательно, «характерные исключительно для данной разновидности законы построения сюжета и организацию событий-

ного ряда» [13, с. 151]. Нонсенс-сказки Е. Клюева во многом коррелируют с фольклорной сказкой о животных. Однако если рассматривать их сюжетную схему, то обнаруживается отсутствие строго регламентированного построения, более того, сказки о животных нередко заимствуют схемы сюжетов других разновидностей сказок (так, например, сказка «Волк и семеро козлят» заимствует структуру волшебной).

Анализируя русские и европейские сказки о животных, В. Я. Пропп приходит к следующему выводу: «Основным композиционным стержнем их является обман в самых разных видах и формах» [11, с. 42]. В нонсенс-сказках Е. Клюева подобного рода ситуации не происходят: героями не ведется борьба за выживание, они не лгут друг другу. В рассмотренных произведениях, в противовес сказкам о животных, «основным композиционным стержнем» [Там же] оказывается не вражда, борьба и одурачивание, а утверждение ценности познания и творческого начала в человеке.

В своих произведениях Е. Клюев отводит важную роль необходимости дружеских и приятельских взаимоотношений. Показателен с этой точки зрения эпизод, описывающий беседу Петропавла с Пластилином Мира за чашкой кофе. Персонажи часто пытаются помочь друг другу, дать дельный совет, они склонны к сочувствию и сопереживанию. В сказке «Отрывной календарь» Хрустальная Люстра волнуется за главного героя, заметно «похудевшего» к концу календарного года.

Архитектоника нонсенс-сказки нередко основана на схеме анекдота, который «строится на семантическом контрасте. Его герои попадают в критические условия, требующие поиска выхода из них» [14, с. 103]. Важной особенностью данного жанра является то, что произведения «разрешаются ударной репликой (punchline), представляющей результат или разрешение конфликта для слушающих или читающих», а в качестве сильной позиции текста анекдота выступает так называемый «пуант» – остроумный ответ, ударная фраза (основанная на игре слов) или эффект обманутого ожидания, т. е. неожиданное разрешение конфликта» [6, с. 264].

В основе небольших по объему нонсенс-сказок лежит какая-нибудь интересная, смешная или грустная ситуация, история, наблюдение. Так, в произведении Е. Клюева «Серьезный договор между двумя шнурками» персонажи ни с того ни с сего собираются заключить соглашение. Спонтанность и неподготовленность завязки объясняется тем, что «там, где нет конфликтности, персонажи создают ее сами» [14, с. 217]. Однако «какое именно [*соглашение*] – этого они в тот момент ещё не решили, зато твердо знали: оно непременно должно быть серьезным – иначе и заключать его не стоит» [4, с. 9]. В итоге после недолгих размышлений Шнурки приходят к выводу, что их «страшно беспокоит, что в Африке тигры нападают на антилоп» [Там же]. Сказка заканчивается тем, что главные герои «заключили договор о ненападении тигров на антилоп: Правый Шнурок подполз к Левому, и они благополучно скрепили договор узлом. А чтобы узел был крепче, шнурки опять расползлись как можно дальше друг от друга и даже изо всех сил подергались» [Там же]. На этом исчерпывается ситуация, на которой и основана повествовательная линия, соответственно, заканчивается и сама сказка.

Событийность сюжета в анализируемых текстах обусловлена переходом действующих лиц «запрещающих границ» [9, с. 285]. Так, в произведении «Между двух стульев» сюжет движется благодаря тому, что Петропавел, несмотря на многочисленные предупреждения, протыкает ножом и вилкой злополучный «пирог с миной», следствием данного нарушения «запрета» является отправка главного героя в ЧАЩУ ВСЕГО.

Важной особенностью нонсенс-сказки становится лиричность сюжета. Произведения Е. Клюева изобилуют размышлениями героев, которые возникают как реакция на наблюдения за природой, собственными ощущениями и изменениями. Ключевую роль играют описания, которые способствуют восприятию произведению, помогают автору создать определенное настроение: «Дом Смежной Королевы исчез из поля его зрения, но в тот же миг это поле погрузилось в полную тьму, как будто кто-то огромный засло-

нил солнце. “Спящая Уродина проснулась сама!” – ужаснулся Петропавел, живо представив себе страшные последствия такого пробуждения. Через некоторое время туча сфокусировалась в подобие облика – и вот уже перед Петропавлом вверх ногами предстало еще одно в высшей степени странно одетое существо» [2, с. 58].

Внутренняя динамика нонсенс-сказок фактически становится их основой. Для понимания произведений такого плана важно обращать внимание на чувства, эмоции и настроения персонажей, их возникновение и изменения, так как именно они помогают расшифровать поступки и осмыслить проблематику. В анализируемых текстах законы лирического и эпического повествований совмещаются, однако последнее несколько преобладает, ибо лиризация сюжета не распространяется на весь объем изучаемых текстов. Например, сказка Е. Клюева «Шагом марш» строится на полемике трех Лимонов, пытающихся выяснить, кто из них «главный и кто должен подчиняться» [3; с. 24]; произведение «Никому не известная букашка изумрудного цвета» состоит из парадоксальных рассуждений действующих персонажей о том, «кого можно назвать существующим» [5, с. 45].

Структурные элементы сказок Е. Клюева теряют строгую регламентацию, их использование в общем построении произведения свободно, а различные формульные обороты в большей степени обусловлены не самим жанром сказки, а обращением к фольклору в целом и часто оказываются лишь стилистическим средством. Тексты нередко заимствуют сюжетные решения других жанров, например, анекдота. Очевидно упрощение и «даже отсутствие внешних конфликтов в некоторых произведениях, сосредоточение на событиях, которые призваны обеспечить дополнительный динамизм сюжету» [13, с. 105]. Утверждается важность как самих событий, так и способов их изображения (не только о чем, но и как рассказывается). Со всей очевидностью выявляется тенденция к лиризации сюжета и акцентированию внимания на словесном потоке.

Список литературы

1. Клюев Е. Когда А была арбалетом. М.: Время, 2011.
2. Клюев Е. Между двух стульев. М.: Время, 1988.
3. Клюев Е. От клубка до праздничного марша. М.: Время, 2020.
4. Клюев Е. От шнурков до сердечка. М.: Детская литература, 2019.
5. Клюев Е. Сказки на всякий случай. М.: Время, 2022.
6. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во Самарского ГПУ, 1999.
7. Лапатин В. А. Абсурд в художественном творении // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. С. 82–84.
8. Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении. Таллин: Александра, 1992.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Искусство, 1998.
10. Пешкова А. В. Русская смеховая культура: истоки и становление (XI–XVIII вв.): дис. ... канд. культурологии: Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма. М., 2004.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003.
13. Тихомирова А. В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX–начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2011.
14. Чарская-Бойко В. Ю. К вопросу о концепции абсурда и нонсенса в европейской традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 215–218.
15. Чиркова О. А. Персонажи уходят из басен: истоки современного анекдота // Русская речь. 1997. № 4. С. 102–107.

16. Ширяева И. Н. Литературный нонсенс в русской прозе и поэзии второй половины XX–начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2017.

17. Ширяева И. Н. Специфика литературной нонсенс-сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74): В 2 ч. Ч. 2. С. 56–60.

* * *

1. Klyuev E. Kogda A byla arbaletom. M.: Vremya, 22. Klyuev E. Mezhdru dvuh stul'ev. M.: Vremya, 1988.

3. Klyuev E. Ot klubka do prazdnichnogo marsha. M.: Vremya, 2020.

4. Klyuev E. Ot shnurkov do serdechka. M.: Detskaya literatura, 2019.

5. Klyuev E. Skazki na vsyakij sluchaj. M.: Vremya, 2022.

6. Kulnich M. A. Lingvokul'turologiya yumora (na materiale anglijskogo yazyka). Samara: Izd-vo Samarskogo GPU, 1999.

7. Lapatin V. A. Absurd v hudozhestvennom tvorenii // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2014. № 7. S. 82–84.

8. Lotman Yu. M. Proiskhozhdenie syuzheta v tipologicheskom osveshchenii. Tallin: Aleksandra, 1992.

9. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. SPb.: Iskusstvo, 1998.

10. Peshkova A. V. Russkaya smekhovaya kul'tura: istoki i stanovlenie (XI–XVIII vv.): dis. ... kand. kul'turologii: Akad. perepodgot. rabotnikov iskusstva, kul'tury i turizma. M., 2004.

11. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2002.

12. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2003.

13. Tihomirova A. V. Zhanrovye osobennosti filosofskoj skazki v russkoj literature vtoroj poloviny XX–nachala XXI v.: dis. ... kand. filol. nauk: Yaroslav. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo. Yaroslavl². 2011.

14. Charskaya-Bojko V. Yu. K voprosu o koncepcii absurda i nonsensa v evropejskoj tradicii // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 110. С. 215–218.

15. Chirkova O. A. Personazhi uhodyat iz basen: istoki sovremennogo anekdota // Russkaya rech³. 1997. № 4. S. 102–107.

16. Shiryayeva I. N. Literaturnyj nonsens v russkoj proze i poezii vtoroj poloviny XX–nachala XXI vv.: dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. M., 2017.

17. Shiryayeva I. N. Specifika literaturnoj nonsens-skazki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 8 (74): V 2 ch. Ch. 2. С. 56–60.

The specific features of plot and compositional organization of nonsense - fairy tales by E. Klyuev

The regularities of plot organization and the peculiarities of composition of nonsense – fairy tales by E. Klyuev are revealed. It is concluded about the unrequired and mobile nature of their basic structural elements and the significant reduction of formular components in comparison with the folklore works. The plot in the considered texts is explicated not only by the actions of characters in the order of their presentation but also by the means of senses' movement and the dynamics of lyric feelings.

Key words: E. Klyuev, nonsense – fairy tale, plot, composition, formulaicity, genre.

(Статья поступила в редакцию 11.08.2024).

М. В. СОРОКИНА
Волгоград

**ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА
«ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»: ЭПИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА**

Рассматриваются особенности пространства детства в повести В. П. Астафьева «Последний поклон», выявляется соотношение эпического и лирического начал в системе топосов произведения, особенности соотношения реального и перцептуального пространств детства. Рассмотрение произведения как лирической прозы обнаруживает новые способы восприятия темы детства в творчестве писателей-деревенщиков.

Ключевые слова: *пространство детства, образ, лирическая проза, эпическое, автобиографизм.*

Творчество В. П. Астафьева охватывает почти половину XX в. и, соответственно, дает представление о литературном процессе второй половины прошлого столетия. Философская концепция мира и человека, созданная автором, самобытный путь Астафьева – человека удивительной судьбы – всегда привлекали внимание литературоведов и критиков. Виктор Петрович Астафьев прошел детдомовскую жизненную школу, самостоятельно освоил множество профессий (слесарь, подсобный рабочий, учитель, кладовщик, журналист и др.), добровольцем ушел на фронт (см. подробнее: [10]).

Уникальность творчества В. П. Астафьева связана, с одной стороны, с универсальностью художественной системы, вписывающейся в различные художественные методы, направления и течения, с другой – с особым видением общественных проблем, с оригинальными концепциями исторических событий, реализованными в проблемно-тематическом и жанрово-стилевом планах [8, с. 5]. Таким образом, рассмотрение особенностей пространства детства в литературе XX в. невозможно представить без анализа произведений В. П. Астафьева, в частности первой части книги «Последний поклон» (1957–1992), которая представляет собой рефлексии прозаика на события детства. Образ повествователя-взрослого, превращающегося на страницах книги в мальчика из Сибири, объединяет лирические рассказы, из которых собралась трехчастная «повесть в новеллах», созданная в русле русской деревенской прозы.

Слияние эпического и лирического в рассказах В. П. Астафьева делает возможным сосуществование в одном тексте нескольких моделей пространственной структуры. В нашей работе мы опираемся на определение термина «художественное пространство», данное Ю. М. Лотманом, – это индивидуальная модель мира определенного автора, выражение его пространственных представлений [9].

О возможности воплощения художественного пространства в разных типологических моделях писали такие исследователи, как М. М. Бахтин [5], Ю. М. Лотман [9], В. Н. Топоров [11], Б. А. Успенский [12] и др. Для «Последнего поклона» характерно совмещение реальной и психологической (перцептуальной) пространственных моделей: образ крестьянского мира преломляется через детское восприятие и ретроспективные размышления автора. Таким образом, эпическое начало «Последнего поклона» способствует возникновению лирического «действия»: события, происходящие в красноярской деревушке 30-х гг., наталкивают рассказчика на глубокие нравственно-философские рассуждения о судьбе человека, крестьянском быте, о будущем родной деревни.

Смыслообразующим ядром всей книги является образ Вити Потылицына – автобиографического героя Астафьева, черты характера которого раскрываются в 28 из 32 глав [13, с. 15]. Другим, не менее важным центром художественного пространства произведения является образ Катерины Петровны: топос детства в «Последнем поклоне» неразрывно связан с образом бабушки, которая заменила автору мать и которой он посвящает свое произведение. Образ бабушки возникает практически так же часто, как образ рассказчика: речь о ней идет в 25 из 32 глав [Там же, с. 18]. Однако есть и другой, более широкий образ, увековечить который стремится автор: родная деревня Овсянка («Крестыанская Вселенная») [Там же, с. 13]. Подтверждение этому мы находим в рассказе «Вечерние раздумья», где В. П. Астафьев выдвигает проблему, решить которую пытались все писатели-деревенщики XX в.: «Какую же память оставляет за собой мое родное село? Чего и кого оно помнит? Никого и ничего, кроме близкого горя, оно не ведает. В поссовете нет ни летописи, ни документов, ни метрик, ни бумаг о том, откуда село взялось, кто и как основал его, почему так назвал» [4, с. 671]. Все перечисленные образы наполняют реальное пространство «Последнего поклона», обладают множественными характеристиками, раскрывающимися в каждой главе повести с новой стороны.

Художественный мир произведения создается повествованием от лица ребенка Вити Потылицына (Я1) и автора-рассказчика Виктора Астафьева (Я2), поэтому реальное пространство насыщается психологическими характеристиками. Кроме того, в отдельных главах повести присутствуют образы мифологического пространства, обусловленного детским восприятием картины мира. С учетом перечисленных особенностей произведения стоит отметить, что наиболее точное определение жанра «Последнего поклона», на наш взгляд, было дано Н. Яновским, который охарактеризовал произведение Астафьева как «лирический эпос» [14]. На лирическое начало повести указывали также исследователи Л. Слобожанинова, Э. Бальбуров, Н. Молчанова.

П. А. Гончаров определяет манеру повествования В. П. Астафьева как «лиризованный сказ» [8, с. 8]. Органическое сочетание фольклорных образов, просторечной лексики, воссоздание «живой речи», с одной стороны, и образ думающего героя, с другой, – новаторское открытие автора. В тексте отсутствует портрет главного героя – его образ формируется через действия и речевое поведение. Так, в речи главного героя прослеживается подражание бабушке: «Бабушка пришла. *Явилась, старая!*» [4, с. 69], «Засмеяли меня всего левонтьевские ребята. *Им что, дай позубоскалить!*» [Там же, с. 65]. Маленький герой, повторяя за Катериной Петровной, зачастую не совсем понимает истинное значение сказанного: «... вот они судят: и дядю Левонтия, и тетку Васеню, и Авдотьину девицу Агашку, которая принесла дорогой маме подарочек в подоле! Только в толк я не возьму: отчего трясут старухи головами, плюются и сморкаются? Подарочек – что ли, плохо? Подарочек – это хорошо! Вот мне бабушка подарочек привезет. Штаны!» [Там же, с. 67–68].

Характерная черта лирической прозы – ее исповедальность. В автобиографических произведениях возникает временная перспектива, актуализируется сопоставление двух временных планов по принципу «теперь – тогда»: «Я пишу о себе в прошлом и настоящем... Мысль моя живет не только в прошлом (как память), но и в настоящем (как сознание себя во времени)» [6, с. 28]. На пути от Вити Потылицына в прошлом к Виктору Астафьеву в настоящем «происходит духовная эволюция персонажа, в автобиографической прозе о детстве герой и автор слиты воедино» [13, с. 16]. Витя Потылицын откровенно рассказывает и о личных переживаниях, и о больших радостях: собственный обман заставляет его испытывать муки совести («Конь с розовой гривой»), чужой – проявляет пылкий нрав решительность («Запах сена»). За смелым поступком (спасение стайки гусей) стоит большой детский страх («Гуси в полынье»), за проказами (смещает данный бабушкой «урок» из неперебранных овощей) – неусидчивость и нетерпеливость («Монах в новых штанах»). С положительной стороны раскрывается образ ребен-

ка в рассказе «Запах сена», где герой заботится о глухонемом Алёшке, с которым они вместе живут. В рассказах «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах» у главного героя появляется антагонист – Санька, сын дяди Левонтия, искушающий и проверяющий Витю на смелость по своим дворовым понятиям.

Левонтьевские ребяташки, в отличие от главного героя, растут в полной семье, хоть и не совсем благополучной: отец – любитель выпить, мать живет в долг и не умеет вести счет деньгам. Участие обоих родителей в воспитании детей не становится залогом благополучия – в «Последнем поклоне» носителем морали и духовных ценностей выступает бабушка. В рассказе «Монах в новых штанах» описывается бабушкин сундучок, из которого она достает спрятанные до времени «ценности». Катерина Петровна также ассоциируется с кладезем ценностей, и в критических обстоятельствах герой-рассказчик вспоминает, чему учила бабушка и как бы она поступила в сложившейся ситуации. Примером является та же молитва, к которой обращается Витя в рассказе «Гуси в полынь»: «"Господи! Миленький! Спаси и помилуй люди Твоя... – пытался я вспомнить бабушкину молитву... – Даруя... сохраняя крестом Твоим... Даруя... сохраняя... достояние..." – заклинал и молил я» [4, с. 30].

Образ бабушки сопряжён в повести с пространством Дома. Причем это не только изба с печкою, где проживают Потылицыны, но и родная деревня Овсянка. «Самый надежный в этом доме человек» – дедушка, потому что «он-то уж не обманет» [Там же, с. 34]. Самый главный – бабушка Катерина Петровна («Генерал!»), которая заменила Вите погибшую мать. Поэтому настроение в доме полностью зависит от настроения бабушки: когда в доме наступает полное отчаяние и Катерина Петровна плачет, рассказчик и Алёшка берутся «поддержать ее» («Запах сена»); когда же бабушка сердита, герой прячется в кладовке, а дед уходит из дома («Конь с розовой гривой»). Держа внука в ежовых рукавицах, Катерина Петровна вместе с тем добра к осиротевшему Вите: несмотря на его проказы, она и пряник купит, и штаны сошьет, и «разбойнику Мишке Коршукову задаст баню» [4, с. 31] за то, что подверг жизнь ребенка опасности. Бабушка же и передала внуку «свое незлобивое отношение к жизни, умение замечать в ней, порой такой неприветной, радостное» [Там же].

Образ Катерины Петровны не статичен, он так же, как и образ главного героя, постоянно развивается. Исследователями отмечено, что «сама бабушка постепенно начинает восприниматься как мученица, праведница, умудренная жизнью, как носительница крестьянских представлений о жизни», стоящая в центре крестьянского мира. Истоки образа Катерины Петровны лежат в русском фольклоре, в повести же он «вырастает до образа-символа России, нации» [13, с. 16].

На втором плане одновременно с развитием драматических судеб двух главных героев (бабушки и внука), существует «меняющийся образ многоликой Крестьянской Вселенной, крестьянского мира в целом» [Там же, с. 13]. Главы «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах», посвященные, на первый взгляд, мечтам и радостям главного героя, на самом деле необходимо рассматривать шире: они характеризуют крестьянское детство 30-х гг. «Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей» [4, с. 46]. Лакомство, которое можно было купить только в городе и оттого такое ценное, что все просят попробовать и лизнуть. Другая ценность для деревенского мальчишки – штаны. Новые, собственные, а не перешитые из бабушкиной юбки, мешка или даже полушалка. «А без штанов кто я? Без штанов я шантрапа. Без штанов пойдя, так все равно как левонтьевских ребят всяк норовит шлепнуть по голому задку – такое уж у него значение, раз голо – не удержишься, шлепнешь» [Там же, с. 68]. Образ детства Астафьев идеализирует, но напоминает о том, что «в детстве все видится, слышится и чувствуется по-другому, ярко, живо, празднично, как никогда больше» [3, с. 117].

И пряник, и штаны не достаются просто так – сначала нужно потрудиться, поэтому герой собирает лесные ягоды, которые бабушка продаст в городе и купит ему пря-

ник; перебирает картошку, которая таким же путем со временем превратится в материю (или «мануфактуру»), а затем уже и в сами штаны с карманом.

Пространство детства тесно связано у Астафьева с темой сельского труда. Именно работой заняты все сельские будни и праздники. Труд воспринимается ребенком по-разному и во многом зависит от его настроения. Он может быть желанным и радостным, как в рассказе «Запах сена». Очарование работы во многом связано с тем, что поездка по сено – дело взрослых, а для детей это увлекательное приключение. Другое видение работы представлено в рассказе «Монах в новых штанах», где труд сопряжен с темным, гнилым местом: «В самой яме, где сусеки с овощами и кадки с капустой, огурцами и рыжиками, куржак висит на нитках паутины, и когда я гляжу вверх, мне кажется, что нахожусь я в сказочном царстве, в тридевятом государстве, а когда я гляжу вниз, сердце мое кровью обливается и берет меня большая-большая тоска» [4, с. 65].

«Сказочное царство», «тридевятое государство» – образы мифологического пространства. Детское представление о картине мира «дорисовывает» настоящую, непривлекательную действительность, создает новую, более органичную для детского восприятия реальность. Отсюда возникают и животные – волшебные помощники, которые, как сказано в тексте произведения, «караулят наше сено и не пускают к нему диких коз» [Там же, с. 36].

В первом издании цикл рассказов Астафьева имел заглавие «Страницы детства», и оно явно ориентировало на лирический тип повествования. Общее настроение повести выражал и предпосланный к рассказам эпиграф, взятый из стихов Кайсына Кулиева: «Мир детства, с ним навечно расставанье, // назад ни тропок нету, ни следа, // тот мир далек, и лишь воспоминанья // все чаще возвращают нас туда» [3, с. 379]. Однако в издании 1968 г. уже «Последнего поклона», состоявшего на тот момент из двух частей, эпиграф исчезает. «Не вдруг, не сразу, но понял я, что чего-то в “Поклоне” не договорил, “перекосил” книгу в сторону благодушия, и получилась она несколько умильной. <...> А ведь жизнь-то тридцатых годов не из одних весёлых детских игрушек и затейливых игр состояла, в том числе и моя жизнь и жизнь близких мне людей» [Там же, с. 379–380]. Так, в рассказах В. П. Астафьева со временем возникает эпический, исторический план. Книга редактировалась и дописывалась на протяжении 30 лет, что во многом, как считают О. В. Аксенко и Е. В. Сергеева, и породило «совмещение временных планов прошедшего (по отношению к моменту речи рассказчика) и настоящего (ситуация рассказывания): ощутил сейчас вот. В повествовании сопрягаются наивная точка зрения ребенка и точка зрения взрослого героя-рассказчика» [3, с. 116–117].

Из общего настроения «Последнего поклона» выделяется рассказ с трагичной концовкой – «Мальчик в белой рубахе». В нем отсутствует образ главного героя, но присутствует позиция рассказчика. Глава посвящена событиям лета «засушливого тридцать третьего года», когда «население ... деревни почти поголовно переселились на зимки» [4, с. 119]. 1933 год известен в истории СССР массовым голодом [7]. Астафьев напоминает читателю о голодном годе, вводя в начало повествования пейзаж деревенских улиц, где остались только «мослатые телята», «вяло пурхавшиеся в пыли курицы» да «одичавшие собаки». Как бы сопоставляя их с беспризорно бродившими телятами, автор в следующем абзаце вводит в круг повествования ребяташек своей старшей тетки, которая «страдовала» «верстах в шести от села, на Фокинском улусе». Бесстрашные «мужчины», как их описывает Астафьев, соскучившись по матери, отправляются вслед за ней. Рассказчик подчеркивает особое преимущество деревенских детей, которые обладают только им данной смекалкой, ибо сизмалства привыкли жить своим трудом и догадливостью. Братья предстают перед читателями решительной троицей, поддержкой и опорой друг для друга, заботливыми товарищами. В них нет ни упрека на бессилие Петеньки, ни жалоб на зной и неприветливость тайги.

В. П. Астафьев, рано лишившийся матери, неспроста включает этот рассказ в сборник о своем детстве: ему понятна изнывающая тоска по самому родному на свете человеку (во всей повести мать рассказчика ни разу не описывается при жизни), он сопереживает мальчишкам и мысленно проходит с ними весь путь. Так, автором поднимаются невыдуманные проблемы крестьянского детства: вынужденная необходимость для родителей покидать на время семью, оставлять без присмотра даже совсем маленьких детей, отсюда – горькие переживания разлуки детьми. Отсутствие контроля порождает другие беды: «Не подожгли бы чего. В реке не утонули бы...» [4, с. 121].

На наш взгляд, трагическая гибель ребенка в рассказе соотносится со смертью матери Астафьева. Лидию Ильиничну, как и Петеньку, забрала вода, ее тело так же не могли найти, о чем автор упоминает в рассказе «Конь с розовой гривой». Бабушка «всё кликала и звала маму, бросала в реку крошки хлебушка, серебрушки, лоскутки, вырывала из головы волосы, завязывала их вокруг пальца и пускала по течению, надеясь задобрить реку, умилостивить Господа» [Там же, с. 61]. Мать Петеньки «много дней кружила ... вокруг полей, кричала, пока не обезголосела и не свалилась без сил наземь» [Там же, с. 122], бабушка же лежала «в скоробленных опорках, словно плыла куда-то, не издавая ни шороха, ни звука, и доплыть не могла» [Там же, с. 61]. Каждая мать будто бы превращается в обитателя той природной стихии, которая унесла жизнь ее ребенка, но и слияние с воспеваемой автором природой не помогает найти и оплакать несчастное дитя. Таким образом, история, описанная В. П. Астафьевым с особенным лиризмом, преломляется через личную трагедию автора.

Природа родной Овсянки в рассказах Астафьева – это не просто фон, а действующее лицо. Она кормилица (жители деревни жили за счет продажи собранного урожая), она благосклонная к человеку мать, позволяющая выйти из опасности невредимым («Гуси в полынье»), она Фатум, забирающий угодные ему жизни (мать Астафьева, Петенька).

О вмешательстве человека в жизнь природы Астафьев не раз рассуждал в своих произведениях («Царь-рыба», «Вечно живи, речка Виви», «С карабином против прогресса»), и тема последствий индустриализации также нашла отражение на страницах «Последнего поклона». Так, кажущееся сперва детской восторженностью описание «дивной» гидроэлектростанции, завершающее рассказ «Гуси в полынье», оборачивается горькой иронией над последствиями «коллективной подлости». «...Выше села ныне стоит плотина самой могучей, самой передовой, самой показательной, самой... в общем, самой-самой... гидроэлектростанции» [4, с. 31]. Последнее предложение рассказа – слова не героя-ребенка, а уже взрослого автора (Астафьеву на момент строительства электростанции было 33 года), сожалеющего, что «с верховьев птицу больше не приносит» [Там же, с. 31]. Если Витя Потылицын изображен в поступках и в общении с окружающими, то его двойник, Виктор Астафьев, «сосредоточен в значительной степени на осмыслении жизни вообще и Овсянки 1980–1990 гг. в частности, с небольшими экскурсами в прошлое; на своем внутреннем мире, своих переживаниях и размышлениях (своеобразное «осознание себя во времени»)» [13, с. 16].

Вмешательство властей в формировавшийся столетиями сибирский ландшафт, где прошли детские годы автора, было не по душе Астафьеву. Писатель выступал против «покорителей земли», и неспроста: «...оказалось, что река ниже ГЭС не замерзает на протяжении 250-300 километров! Какие бедствия и убытки от этого, какой нанесен урон роскошной природе – ведутся подсчеты. Теперь, с некоторым, мягко говоря, запозданием, власти города, ученые ломают голову над тем, как избежать бедствия, нанесенного проектировщиками, и заставить реку жить нормальной жизнью, избавить людей и природу от нечаянной напасти» [3, с. 348], – писал Астафьев о той самой Красноярской ГЭС, упомянутой в рассказе и ставшей к тому же символом невозвратности детства. Птиц больше не заносит, а значит, никто их больше и не спасает. Кроме того, устойчи-

вость человеческого общежития видится автором в законе: «До тех пор, пока есть в нем она, моя странная земная деревушка, так и будут жить они сообща – деревушка в мире и мир в деревушке» [3, с. 100]. Нарушение естественного миропорядка природы, по убеждению Астафьева, обернется для человечества трагедией.

Думающим в тексте предстает не только автор, но и ребенок, только проблемы у него свои, детские. «Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть свергло меня плутовство и на какую “кривую дорожку” оно меня еще уведет, коли я так рано взялся шаромыжничать ... я уж заревел, не просто раскаиваясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету...» [4, с. 64]. Формирование в ребенке правильных ценностей не дается просто: истинное осознание приходит к человеку лишь спустя годы. Так работает Память. И именно поэтому вся книга В. П. Астафьева – его «последний поклон» любимой бабушке, воспитавшей настоящего Человека (вспомним описанную выше биографию автора, бравшегося за любой труд и добровольно отправившегося на фронт).

В повести В. П. Астафьева личный образ детства становится художественным образом, а повествование выходит за границы автобиографического: с размахом романа-эпопеи создал художник (или сама жизнь?) исторический фон своих рассказов, охватывающих период с конца 20-х гг. до окончания Великой Отечественной войны. Рассмотрение повести Астафьева в аспекте лирической прозы раскрывает новые способы восприятия темы детства. Ребенок в «Последнем поклоне» помещен в суровую историческую реальность, где труд – дело каждого, где сиротство – не какое-то абстрактное понятие, а распространенное явление, где голод и бедность уравнивают всех жителей села и только нравственность – единственное измерение души человека. Но картина реального мира смягчается глазами семилетнего мальчика, который ввиду возрастных и психологических особенностей видит и чувствует данную действительность иначе.

Лирическое начало преобладает над эпическим, перцептуальное пространство – над реальным, и таким образом рассказы В. П. Астафьева, продолжающего традиции русской автобиографической прозы, дают новый потенциал для раскрытия не только темы детства первой половины XX в., но и внутреннего драматизма существования современной деревни.

Список литературы

1. Аксенко О. В., Сергеева Е. В. Особенности языкового воплощения образа детства в произведениях В. Астафьева (на материале повествования в рассказах «Царь-рыба» и романа «Печальный детектив») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 184. С. 114–123.
2. Астафьев В. П. Пакошь // Собр. соч.: В 15 т. Т. 5: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 343–353.
3. Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 3. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997.
4. Астафьев В. П. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Последний поклон: Повести. Рассказы. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
5. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
6. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. М.: Согласие, 1996.
7. Гонтарь Е. С., Васюкова Л. Д., Хочинский М. К. Голод 30-х годов. Коллективизация // Символ науки. 2016. № 12-3. С. 29–31.
8. Гончаров П. В. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004.
9. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 251–293.
10. Ростовцев Ю. А. Виктор Астафьев. М.: Молодая гвардия, 2009.

11. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс. Культура, 1995.
12. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
13. Ян Чжэн. «Последний поклон» В. П. Астафьева (История создания. Жанр. Система персонажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2012.
14. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1982.

* * *

1. Aksenko O. V., Sergeeva E. V. Osobennosti yazykovogo voploshcheniya obraza detstva v proizvedeniyah V. Astaf'eva (na materiale povestvovaniya v rasskazah «Car'-ryba» i romana «Pechal'nyj detektiv») // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2017. № 184. S. 114–123.
2. Astaf'ev V. P. Pakost' // Sobr. soch.: V 15 t. T. 5: Publicistika. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 1998. S. 343–353.
3. Astaf'ev V. P. Sobr. soch.: V 15 t. T. 5. Poslednij poklon: Povest' v rasskazah. Kn. 3. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 1997.
4. Astaf'ev V. P. Sochineniya: V 2 t. T. 1. Poslednij poklon: Povesti. Rasskazy. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2003.
5. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane // Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Hudozh. lit, 1975. S. 234–407.
6. Berberova N. N. Kursiv moj: avtobiografiya. M.: Soglasie, 1996.
7. Gontar' E. S., Vasyukova L. D., Hochinskij M. K. Golod 30-h godov. Kollektivizaciya // Simvol nauki. 2016. № 12-3. S. 29–31.
8. Goncharov P. V. Tvorchestvo V. P. Astaf'eva v kontekste russkoj prozy vtoroj poloviny XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: Tamb. gos. un-t im. G. R. Derzhavina. Tambov, 2004.
9. Lotman Yu. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya // Lotman Yu. M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1988. S. 251–293.
10. Rostovcev Yu. A. Viktor Astaf'ev. M.: Molodaya gvardiya, 2009.
11. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс. Культура, 1995.
12. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
13. Ян Чжэн. «Последний поклон» В. П. Астафьева (История создания. Жанр. Система персонажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2012.
14. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1982.

***The space of childhood in the story «Last bow» by V. P. Astafyev:
the epic and lyric beginnings***

The peculiarities of the space of childhood in the story «Last bow» by V. P. Astafyev are considered. The correlation of the epic and lyric beginnings in the system of work's topos and the specific features of correlation of the real and perceptual spaces of childhood are revealed. The consideration of the work as lyric prose discovers new ways of perception of childhood's theme in the creative work of rustic writers.

Key words: *space of childhood, image, lyric prose, epic, autobiographyism.*

(Статья поступила в редакцию 26.09.2024).

Н. А. КРАСАВСКИЙ
Волгоград

ОТ ЭМОТИОЛОГИИ К ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ
(из научного наследия профессора В. И. Шаховского)

Дан краткий анализ основных монографических трудов известного российского лингвиста В. И. Шаховского, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ. Изложено понимание автором статьи базовых концепций В. И. Шаховского – эмотиологии и эмотивной лингвоэкологии, концепций, принятых многими учеными в России и за ее пределами, лежших в основу Волгоградской лингвистической школы.

Ключевые слова: *эмотивность, эмотиология, эмотивная лингвоэкология, эмоция, оценка.*

В кажущемся сегодня далеким 1969 г. Виктором Ивановичем Шаховским, ставшим в скором будущем известным отечественным ученым, была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка». Оперирование в то время В. И. Шаховским понятиями «эмотивность», «эмотивный компонент слова», «эмотивная сема», как и в целом его обращение к изучению в языке и речи феномена «эмоция», не вызвало в ученом мире, по признанию Виктора Ивановича (мне это известно из личных бесед с ним), заметного одобрения, а подчас и послужило поводом для критики. Но спустя уже 10–15 лет проблема «эмоции и язык» все чаще и чаще становилась предметом бурных дискуссий, чему в значительной степени способствовали и публикации самого В. И. Шаховского, предложившего в 80-90-е гг. прошлого века разработанный им и уточненный впоследствии понятийно-терминологический аппарат эмотиологии (лингвистики эмоций): *эмотивность, эмотивный компонент значения слова, эмотивная сема, коннотация, эмоционально-смысловой потенциал слова, эмоциональный дейксис, категориальная эмоциональная ситуация, эмотивный текст, эмоциогенный текст, эмотивный код, эмоциональный тюнинг.*

В качестве центральных проблем эмотиологии В. И. Шаховским в книге «Голос эмоции в языковом круге homo sentiens» были названы следующие: а) создание типологии эмотивных знаков; б) корреляция лексиконов эмоций различных языков мира; в) национально-культурная специфика вербализации эмоций; г) критерии эмотивности языковых знаков; д) эмотивность текста; е) лексикография и эмотивность [13] (см. подробнее: [7, с. 167–169]).

Современная эмотиология, понимаемая В. И. Шаховским как междисциплинарная отрасль науки, должна учитывать накопленный теоретический багаж и эмпирическую базу когнитологии и лингвокультурологии. Обзор научных публикаций последних двух десятилетий показывает продуктивность идеи, предложенной ученым-эмотиологом. Многие работы, посвященные проблеме языка и эмоций, в т. ч. и диссертационные исследования, были выполнены в области пересечения эмотиологии,

когнитивных наук и лингвокультурологии. Эти научные работы значительно расширили рамки изучения языка эмоций посредством привлечения данных из психологии, социологии, этнографии, культурологии и т.п. Здесь же стоит указать и на многочисленные исследования концептов эмоций, в частности проведенных в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. Результаты их изучения позволили описать не только типы вербализации психических переживаний человека, их актуализацию в разноформатном общении, семантику лексических единиц как их обозначений, функции и прагматику номинантов разнополярных эмоций в целом, но и этнокультурную специфику манифестации мира эмоций в языковом, а значит, в когнитивном пространстве языковых сообществ. Идея В. И. Шаховского о комплексном изучении эмоций в языке основана, как мы понимаем, прежде всего на том, что исследование только языкового механизма объективации этого феномена обедняет эвристический потенциал как лингвистики, так и в целом гуманитарных и социальных наук.

В отечественной филологии не было и нет дефицита внимания со стороны ученых, ставящих задачу интерпретации инновационных идей и научных замыслов В. И. Шаховского, в широкой палитре публикаций которого легко обнаружить проекты будущих исследований проблем, корреспондирующих с языком эмоций и отражением эмоций в языке. Так, в одной из своих работ, посвященных анализу трудов В. И. Шаховского, С. В. Ионова акцентирует внимание читателя на актуальных вопросах современной эмотиологии, отмечая, что ученым были установлены способы вербализации эмоций, «разработаны методы научно-практической диагностики эмоциональных состояний по данным языка», выявлены корреляции «между когницией и эмоцией» [3, с. 222]. С. В. Ионова справедливо указывает на релевантность комплексного подхода к изучению эмотивности, на важность теории лингвистики эмоций как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. «Работы по семантике не являются полными без описания компонентов эмотивного значения и эмотивной коннотации; изучение иностранного языка – без знания его эмотивного кода; теория и практика коммуникации – без учета эмоциональной языковой личности; преподавание языковых дисциплин – без элементов эмотивной лингводидактики», – замечает С. В. Ионова [Там же, с. 221]. К числу актуальных проблем современного языкознания она аргументированно относит вопросы описания «эмоциональных аспектов коммуникативной прагматики, различных типов дискурса» [Там же, с. 223].

Проблеме реализации эмотивов, как известно, В. И. Шаховский уделял особое внимание [15]. Эмотив, по мысли ученого, «...имеет в своем значении кодированную или приобретенную в специфических условиях общения эмотивную коннотацию <...>. В результате тому или иному звуковому комплексу сопутствуют определенные эмоции, благодаря которым он воспринимается как выражение эмоционального одобрения или неодобрения» [Там же, с. 150]. Не менее важна предложенная В. И. Шаховским типология изменения нормы реализации эмотивов: «1) Появление эмотивных коннотаций у всего значения слова; <...> 2) Появление эмотивной семы или ЛСВ, которые изменяют функцию слова и сферу его употребления; <...> 3) Развитие эмотивной амбивалентности; <...> 4) Реверсия оценочного знака эмотивности; <...> 5) Ослабление эмотивности слова и связанное с ним изменение сферы его функционирования как результат либерализации этических норм» [Там же, с. 151–153].

Концепция эмотивности, разработанная В. И. Шаховским, сегодня применяется и в такой научной парадигме, как коммуникативная стилистика текста. Н. С. Болотова и ее ученики, занимающиеся вопросами стилистики текста и его организацией в целом, выделяют и предлагают с опорой на классификацию эмотивов В. И. Шаховского анализ речевых средств экспрессивно-стилистического уровня: «эмоционально-оценочные, экспрессивные, стилистически окрашенные средства» [1, с. 199]. Их выявление в раз-

ных речевых жанрах, степень актуализации, коммуникативной востребованности – важная задача филологов.

Помимо ранее упомянутых фундаментальных вопросов, связанных с лингвистической теорией эмоций, В. И. Шаховский значительное внимание уделял проблеме экологии языка, фокусируя свое внимание на современном российском коммуникативном пространстве, наполненном неэкологичными текстами, в особенности в СМИ. При этом краеугольным камнем его лингвоэкологической концепции, изложенной в известной широкой читательской аудитории монографии «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» [14], мы считаем акцент ученого на вербальной презентации агрессивных коммуникативных стратегий общающихся, в целом на негативной модальности коммуникации людей. Проблемы экологии языка занимались, как известно, и другие российские ученые [11, с. 16–29; 12], однако эмотиологический подход к исследованию вопросов лингвоэкологии был предложен впервые В. И. Шаховским. Этот подход оказался методологически продуктивным, судя по целой серии публикаций, авторы которых – ученики В. И. Шаховского: Я. А. Волкова [2, с. 205–209], С. В. Ионова [4, с. 11–19], Н. Г. Колосова (Солодовникова) [9, с. 22–28], Н. А. Красавский [8, с. 42–50], Н. Н. Панченко [9, с. 92–96] и мн. др.

Лингвоэкология виделась В. И. Шаховскому исключительно в рамках эмотиологии. Проблемы лингвоэкологии, по сути, являются базовыми составляющими эмотиологии. Цитируем В. И. Шаховского: «Эмотивная лингвоэкология <...> подняла проблему изучения роли эмоционального слова и эмоциональных речевых действий в жизни человека и общества. Речевые действия, как и другие виды человеческой деятельности, имеют общественную значимость, они тесно связаны со здоровьем нации. Существуют факты, события и ощущения человека, т.е. его переживания этих фактов и событий. Кроме этого, существуют языковые комментарии как фактов и событий, так и самих переживаний, чувствований. От того, какие эмоции переживает в момент комментирования человек, он пользуется теми или иными языковыми средствами, соответствующими конкретной эмоциональной ситуации, если он искренен, а не намеренно провоцирует противоположные эмоции. Это не может не оказывать своего негативного воздействия на качество языка и на здоровье говорящего. <...> Эмотивная лингвоэкология – это наука об охране здоровья языка, языковой среды, окружающей человека, как части природы и здоровья самого человека говорящего» [14, с. 12]. В упомянутой монографии предложены также параметры экологичного общения.

К анализу методологических оснований и концептуальному аппарату эмотивной лингвоэкологии как нового направления лингвистики в трудах В. И. Шаховского обращено внимание В. А. Пищальниковой [10, с. 193–197]. Приведем цитату из ее работы: «В. И. Шаховский отмечает, что эмотивная экология интегрирует экологию человека, валеологию и лингвистику, формируя единое предметное поле, которое исследуется с помощью лингвистических методов. <...>. Такое понимание языка актуализирует, с одной стороны, его психологическую составляющую, с другой – социальную и определяет два основных подхода к объекту исследования внутри направления: исследование экологичности языка и взаимодействия языков» [Там же, с. 194].

В работах В. И. Шаховского звучит призыв к филологам-преподавателям обратить внимание на обучение школьников и студентов экологическому общению [14]. Ученый хорошо осознавал важность учета соблюдения разработанных им параметров экологической коммуникации при проведении учебных занятий, в частности по иностранным языкам. Формирование лингвоэкологических навыков и умений он считал одной из центральных лингводидактических задач современного образовательного процесса, в чем мы видим несомненную прикладную ценность его трудов.

Широта научных взглядов, панорамное видение жизни языка, забота о нем как об инструменте общения между людьми, инструменте, который должен быть настроен исключительно на мажорное исполнение и поэтому непременно нуждается в постоянном и тщательном человеческом уходе за ним, – таковы характерные черты Виктора Ивановича Шаховского как ученого и как человека.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 197–203.
2. Волкова Я. А. Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 205–209.
3. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 221–226.
4. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11–19.
5. Колосова (Солодовникова) Н. Г. Экологическая функция эмоций // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ФГБОУ ВО «ВГСПУ». 2015. № 1 (35). URL: <http://grani.vspu.ru/>. С. 22–28. (дата обращения: 07.10.2024).
6. Коробкина Н. И. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 1–10.
7. Красавский Н. А. Рецензия на монографию В. И. Шаховского «Голос эмоций в языковом круге homo sentiens». М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 144 с. // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ФГБОУ ВО «ВГСПУ». 2013. № 5 (25). URL: <http://grani.vspu.ru/>. С. 167–169. (дата обращения: 01.10.2024).
8. Красавский Н. А. Экологичность текстов Германа Гессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 42–50.
9. Панченко Н. Н. Колкость в современной российской коммуникации: функциональный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 92–96.
10. Пищальникова В. А. Эмотивная экология как междисциплинарное направление современной лингвистики в трудах В. И. Шаховского и ее перспективы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 193–197.
11. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / Под ред. М. Л. Кормиличиной, О. Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 16–29.
12. Сквородников А. П. Экология русского языка: монография. Красноярск, СФУ, 2016.
13. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
14. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
16. Шаховский В. И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1969.

* * *

1. Bolotnova N. S. Konceptija jemotivnosti V. I. Shahovskogo v kontekste issledovanij po kommunikativnoj stilistike teksta // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 3 (166). S. 197–203.

2. Volkova Ja. A. Destruktivnoe obshhenie: k opredeleniju ponjatija // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2012. № 2 (16). S. 205–209.

3. Ionova S. V. Lingvistika jemocij v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 3 (166). S. 221–226.
4. Ionova S. V. Jemocional'nye jeffekty pozitivnoj formy obshhenija // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2015. № 1. S. 11–19.
5. Kolosova (Solodovnikova) N. G. Jekologičeskaja funkcija jemocij // Grani poznanija: jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal FGBOU VO «VGSPU». 2015. № 1 (35). URL: <http://grani.vspu.ru/>. S. 22–28. (data obrashcheniya: 07.10.2024).
6. Korobkina N. I. Jekologičnost' blendovyh okkazionalizmov v publichnoj kommunikacii // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2020. № 1. S. 1–10.
7. Krasavskij N. A. Recenzija na monografiju V. I. Shahovskogo «Golos jemocij v jazykovom krugе homo sentiens». M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 144 s. // Grani poznanija: jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal FGBOU VO «VGSPU». 2013. № 5 (25). URL: <http://grani.vspu.ru/>. S. 167–169. (data obrashcheniya: 01.10.2024).
8. Krasavskij N. A. Jekologičnost' tekstov Germana Gesse // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2015. № 1. S. 42–50.
9. Panchenko N. N. Kolkost' v sovremennoj rossijskoj kommunikacii: funkcional'nyj aspekt // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 9 (162). S. 92–96.
10. Pishhal'nikova V. A. Jemotivnaja jekologija kak mezhdisciplinarnoe napravlenie sovremennoj lingvistiki v trudah V. I. Shahovskogo i ee perspektivy // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 3 (166). S. 193–197.
11. Sirotinina O. B. Osnovnye kriterii horoshej rechi // Horoshaja rech' / Pod red. M. L. Kormilicinoj, O. B. Sirotininoj. 3-e izd. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. S. 16–29.
12. Skovorodnikov A. P. Jekologija russkogo jazyka: monografija. Krasnojarsk, SFU, 2016.
13. Shahovskij V. I. Golos jemocij v jazykovom krugе homo sentiens. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012.
14. Shahovskij V. I. Dissonans jekologičnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, jazyk, jemocii. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov, 2016.
15. Shahovskij V. I. Lingvističeskaja teorija jemocij: monografija. M.: Gnozis, 2008.
16. Shahovskij V. I. Nekotorye sposoby vyrazhenija jemotivno-sub#ektivnoj ocenki v sfere imen sushhestvitel'nyh sovremenno anglijskogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. obl. ped. in-t im. N. K. Krupskoj. M., 1969.

***From emotiology to emotive linguoecology
(from the scientific heritage of Professor V. I. Shakhovskiy)***

The brief analysis of fundamental monographic works of the famous Russian linguist V. I. Shakhovskiy, advanced PhD (Philology), professor, honoured scientist of the Russian Federation, is given. There is represented the comprehension of basic concepts of V.I. Shakhovskiy by the author of the article – emotiology and emotive linguoecology and concepts adopted by many scientists in and outside Russia, forming the basis of the Volgograd linguistic school.

Key words: *emotiveness, emotiology, emotive linguoecology, emotion, evaluation.*

(Статья поступила в редакцию 10.11.2024).

Я. А. ВОЛКОВА
Москва

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ЭМОЦИИ: К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОВ ЭМОЦИЙ**

На материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка рассматриваются проблемы достижения переводческой эквивалентности терминов эмоций в языковой паре «английский – русский» на примере номинанта anger и его русских эквивалентов. Отмечено, что переводческий выбор в конечном итоге зависит от интуиции переводчика, которая основана на опыте, знании культурных и языковых особенностей, что пока остаётся не до конца доступным для систем машинного перевода.

Ключевые слова: термины эмоций, универсальные эмоции, контекст, перевод, концептуальная эквивалентность.

На протяжении многих лет одной из основных задач психологии эмоций было изучение невербальных проявлений и распознавания эмоций, которые исследователи относили к разряду универсальных [11; 12; 14]. Теория универсальных эмоций, разработанная П. Экманом, имеет мощную эмпирическую основу – наблюдения за невербальными проявлениями эмоций у представителей различных культур. Тот факт, что определенные эмоции, такие как радость, страх, гнев, удивление, отвращение и печаль, достаточно легко распознаются в различных культурах, свидетельствует о наличии биологически детерминированных эмоциональных реакций, которые схожи у всех людей, независимо от их культурной принадлежности. Универсальная классификация эмоций предоставляет удобную и относительно простую систему для их описания и изучения, что сделало теорию П. Экмана легко применимой в различных областях межкультурных исследований, включая переводоведение. Существование базовых эмоций в каждой отдельно взятой культуре создает основу для перевода терминов эмоций с одного языка на другой, т.к. предполагается, что базовые эмоциональные состояния могут быть распознаны и, соответственно, выражены во всех языках, что в целом соответствует действительности. Общеизвестно, что для базовых эмоций обычно существуют прямые лексические эквиваленты в разных языках, и это позволяет быстро находить аналогичные термины и выполнять перевод с минимальными потерями.

Однако в реальности все оказывается не так просто. Базовые эмоции универсальны, но слова естественного языка, их обозначающие, отражают уникальный культурный опыт и восприятие эмоций людьми, являющимися носителями данного языка: термины эмоций кодируются через национальные языки, которые, в свою очередь, передают особенности мировосприятия этой культуры. О смысловых лакунах, возникающих при передаче терминов эмоций с одного языка на другой, написано немало [1; 5; 7; 8; 9; 17]. Все они в той или иной степени отражают точку зрения, что теория универсальных эмоций привела к недооценке значимости культурных и лингвистических различий в концептуализации и вербализации эмоций.

Принято считать, что переводческая эквивалентность в самом общем виде включает в себя структурную и концептуальную эквивалентность. Структурная эквивалентность предполагает наличие соответствующих терминов эмоций в исходном языке и языке перевода, которые имеют аналогичную грамматическую форму и используются в схожих конструкциях в другом языке. При передаче терминов эмоций с одного языка на другой возможно говорить о трех уровнях структурной эквивалентности: пол-

ной, частичной эквивалентности и неэквивалентности / отсутствии эквивалентности. В случае полной структурной эквивалентности в обоих языках термины эмоций выражаются одинаковыми грамматическими категориями (например, существительное/существительное, глагол/глагол) и могут использоваться в схожих лексико-синтаксических конструкциях. Примером полной эквивалентности являются такие пары, как *to love* и *любить*, где оба глагола переходные, или существительные *joy* и *радость*. **Частичная структурная эквивалентность**: это случаи, когда части речи совпадают (например, глагол/глагол), но существуют различия в грамматических категориях (например, переходность/непереходность) или синтаксических конструкциях (например, различия в необходимости использования глагола-связки). Например, глагол *to fear* является переходным, но возможный переводческий эквивалент *бояться* – непереходный. Наконец, **структурная неэквивалентность наблюдается в случаях**, когда грамматические категории двух языков не совпадают. Например, английская конструкция *to get angry* не имеет прямого структурного аналога в русском языке и передается возвратным непереходным глаголом *разозлиться* [18, с. 92–94].

Концептуальная эквивалентность подразумевает, что эмоциональные концепты, лежащие за номинантами эмоций, одинаковы в разных культурах [18, с. 95], и эти номинанты-термины эмоций должны одинаково пониматься и интерпретироваться в исходном и целевом языках. Согласно ряду исследований, концептуальная эквивалентность также может варьироваться от полной эквивалентности до полной неэквивалентности. В случаях полной концептуальной эквивалентности переводные эквиваленты относятся к одному и тому же набору прототипических ситуаций или сценариев. Например, слова *upset* и *расстроенный* могут использоваться для описания аналогичных эмоциональных состояний в английском и русском языках. Частичная концептуальная эквивалентность прослеживается на примере пары *jealousy* – *ревность*, где английское слово *jealousy* может охватывать как сценарии ревности, так и зависти (т.е. может включать в себя концепт «envy»), тогда как русское слово *ревность* в современном употреблении относится исключительно к романтическим отношениям или отношениям между братьями и сестрами. Ярким примером концептуальной неэквивалентности является немецкое слово *Hassliebe*, т.к. в русском и английском языках нет одного слова, которое выражало бы этот сложный эмоциональный «микс». В русском языке можно описать это словосочетанием *любовь-ненависть* или фразой вроде «я люблю и ненавижу одновременно». В английском языке также можно использовать фразу «love-hate relationship». Множество интересных примеров концептуальной неэквивалентности понятия стыда и вины представлено в [17].

Таким образом, исследования последних двух десятилетий показали, что между терминами эмоций в разных языках существуют значительные семантические различия: слова, обозначающие даже базовые человеческие эмоции, несут в себе уникальные культурные коннотации [8; 13; 19; 20; 21; 22; 23]. Данный факт указывает на отсутствие не только структурной (что вполне естественно для разноструктурных языков), но и концептуальной эквивалентности при переводе ключевых терминов эмоций, что ставит под сомнение положение о возможности точного перевода терминов эмоций.

Рассмотрим возможности перевода термина, обозначающего базовую эмоцию *anger* (гнев). Эта эмоция является главной в так называемой «триаде враждебности» [14], и ее точная передача в переводе особенно важна, т.к. именно она является стимулом агрессивного и насильственного поведения. Дефиниции *anger* в толковых словарях ограничиваются представлениями о гневе как о сильном чувстве неудовольствия, следствием которого могут выступать определенные действия: “*a strong feeling against someone who has behaved badly, making you want to shout at them or hurt them*” [10] или “*a strong feeling of displeasure and usually of antagonism*” [15]. Оксфордский словарь предлагает дефиницию гнева на языке семантических примитивов, которая дает еще более

широкие возможности интерпретации и перевода: “*the strong feeling that you have when something has happened that you think is bad and unfair*” [16]. «Новый большой англо-русский словарь» под ред. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна предлагает следующие варианты перевода слова *anger*: «гнев, ярость, (крайнее) раздражение» [4, с. 111]. Однако эта кажущаяся однозначность переводных эквивалентов в реальности превращается в сложный выбор переводческих решений. Для анализа были использованы данные из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка [3].

В подкорпусе представлен 1531 случай употребления существительного *anger*, при этом только 558 из них переведены как *гнев*. Остальные переводы включают: *злость* (159 случаев), *злоба* (193), *озлобление* (9), *негодование* (44), *ярость* (126), *раздражение* (30), *возмущение* (19) и даже *недовольство* (10), что семантически отличается от *гнева* по ряду параметров, которые можно выделить путем компонентного анализа соответствующих лексем.

Гнев – ‘чувство сильного негодования, возмущения, раздражения’ [6].

Возмущение – ‘сильный гнев, негодование’ [Там же].

Негодование – ‘возмущение, крайнее недовольство’ [Там же].

Раздражение – ‘чувство гнева, недовольства, озлобления, острого возбуждения’ [Там же].

Недовольство – ‘неудовлетворенность, раздраженность, отрицательное отношение к кому-чему-н.’ [Там же].

Злость – ‘злое, полное раздраженной враждебности настроение’ [Там же].

Злоба – ‘чувство гневного раздражения, недоброжелательства против кого-н.’ [Там же].

Ярость – ‘сильный гнев, озлобление’ [Там же].

Компонентный анализ словарных дефиниций показывает наличие двух общих сем: 1) отрицательная эмоция, 2) эмоциональное возбуждение – все эти эмоции связаны с повышенно возбужденным эмоциональным состоянием, которое может быть выражено как внутренне, так и внешне. Интенсивность и продолжительность эмоций, а также наличие или отсутствие агрессии и моральной оценки являются основными параметрами, по которым различаются эти термины. Гнев и негодование связаны с более сдержанными эмоциями, в то время как злоба и ярость обозначают более агрессивные и интенсивные чувства. Недовольство и раздражение описывают менее интенсивные состояния, которые могут перерасти в более сильные эмоции, если раздражитель сохраняется. Таким образом, английское слово *anger* выступает гиперонимом к кластеру эмоциональных состояний и не может иметь однозначного переводного соответствия в русском языке. Чем же руководствуется переводчик, переводя *anger* указанными выше вариантами?

Анализ контекстов употребления лексемы *anger* и их переводов на русский язык позволил предположить, что выбор переводчика, во-первых, зависит от интенсивности описываемой эмоции:

(1) (англ.) ‘*Just drive. I can barely look at her. Anger is seething through me like liquid. She’s a fraud: the whole world is a fraud, one bright, shiny scam* (Lauren Oliver. Before I fall. 2010) [3].

(рус.) *Мне с трудом удастся выносить ее вид. Из моих пор сочится ярость. Она фальшивка: весь мир – фальшивка, один большой и блестящий обман* (Лорен Оливер. Прежде чем я упаду. 2010) [Там же].

Очевидно, что в данном контексте описывается эмоция высокой степени интенсивности (персонаж называет женщину, весь мир вокруг *fraud*), что позволяет переводчику выбрать термин *ярость*, который передает очень сильный, почти неконтролируемый гнев. Возможно, выбор переводчика обусловлен самой метафорической конструк-

цией *seething through me like liquid*: образ предполагает присутствие некой силы, давления, напора, которое невозможно остановить (метафора гнева как жидкости в сосуде).

(2) (англ.) *They rarely express anger at a fellow housemate directly, but rather, in true English fashion, bitch and complain constantly about the person behind their back* (Kate Fox. *Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour*. 2004) [Там же].

(рус.) *Они редко выказывают недовольство непосредственно в лицо кому-то из своих соседей – чаще, в типично английской манере, ворчат и жалуются на того, кем недовольны, за его спиной* (Кейт Фокс. *Наблюдая за англичанами: скрытые правила поведения*. 2004) [Там же].

В данном примере слово *anger* переведено как *недовольство* (discontent), – возможно, потому, что в тексте описана мягкая форма неудовлетворенности ситуацией, что подчеркивается описанием скрытого характера выражения эмоции (*complaining behind someone's back*).

Выбор переводчика, во-вторых, зависит от социального статуса субъекта эмоции и моральной значимости эмоции в контексте. Здесь особый интерес представляет корреляция *anger* – *злость, злоба* (в совокупности 352 случая перевода). По мнению Ю. В. Крылова, лексема *гнев* в русском языке ограничена в применении, ассоциируется с моральной оценкой (нельзя гневаться на колбасу) и используется людьми старшего возраста или высокого социального статуса (ребенок не может гневаться на родителя), в то время как лексема *злость* характеризует менее осмысленную, более спонтанную и биологическую эмоциональную реакцию [2], чем, несомненно, пользуются переводчики при выборе эквивалента.

(3) (англ.) *My anger at Suzanne was hard to access, an old sweater packed away and barely remembered* (Emma Cline. *The Girls*. 2016) [3].

(рус.) *Злость на Сюзанну куда-то запропастилась, как убранный с глаз подальше старый свитер, о котором почти не вспоминают* (Эмма Клайн. *Девочки*. 2016) [Там же].

В примере 3 переводчик использует термин *злость*, чтобы передать внутреннюю, личностную, менее рациональную и социально значимую эмоцию, чем гнев.

(4) (англ.) *We moderns might not see this as particularly righteous, but just compare it to the otherwise thoughtful Emperor Hadrian's act of stabbing a slave in the eye during an episode of uncontrolled anger* (Nassim Nicholas Taleb. *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. 2012) [Там же].

(рус.) *У нас, людей нового времени, такой метод может не вызвать особого доверия, но вспомним о том, как вдумчивый император Адриан в припадке неконтролируемого гнева воткнул кинжал рабу в глаз* (Нассим Николас Талеб. *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. 2012) [Там же].

(5) (англ.) *When Hadrian's anger abated, and he felt the grip of remorse, the damage was irreversible* (Nassim Nicholas Taleb. *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. 2012) [Там же].

(рус.) *Когда гнев Адриана утих и он раскаялся в содеянном, исправить что-либо было невозможно* (Нассим Николас Талеб. *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. 2012) [Там же].

В примерах 4 и 5 описаны эмоции императора Адриана – человека, обладающего огромной властью. Лексема *гнев* ассоциируется с высоким социальным статусом, гнев императора – это эмоция, имеющая серьезные последствия для окружающих. В примере 4 действие, вызванное «неконтролируемым гневом», – удар кинжалом в глаз рабу – демонстрирует, что гнев императора не просто эмоциональная вспышка, а сила, связанная с его властью и правом наказывать. Когда гнев Адриана утихает и приходит осознание содеянного (пример 5), становится очевидным, что его последствия носят необрати-

мый характер. Этим также подчеркивается важность эмоции, исходящей от императора: его гнев может привести к фатальным результатам, которые невозможно исправить.

В обоих случаях слово *гнев* описывает состояние, связанное с моральным осуждением и властью императора принимать решения, меняющие жизни людей. Выбор лексем *гнев* вместо лексем *злость* акцентирует внимание на высоком социальном статусе личности и последствиях ее эмоциональных решений. В обоих примерах перевод *гнев* несет более глубокую смысловую нагрузку, чем просто сильное раздражение: это эмоция, связанная с моральной ответственностью и последствиями для окружающих.

Таким образом, в первую очередь переводчик учитывает интенсивность и длительность эмоции и контекст коммуникации (лингвистический и экстралингвистический), что является, безусловно, весьма приблизительными критериями. Как было показано выше, в английском языке слово *anger* может охватывать широкий спектр эмоциональных состояний – от легкого раздражения до ярости. В русском же языке эти состояния передаются различными словами, которые не всегда полностью совпадают по значению – имеет место частичная концептуальная эквивалентность. Выбор конкретного варианта зависит от множества факторов, таких как тональность текста, интенсивность эмоции, социальный статус персонажей, стиль речи, комбинаторные возможности языка и др. Часто переводчик, сталкиваясь с несколькими возможностями, полагается на свою интуицию, чтобы выбрать наиболее подходящий вариант для конкретного контекста. Именно интуиция переводчика помогает уловить нюансы, которые невозможно отразить одним правилом, и выбрать наиболее подходящий эквивалент. Эта интуиция основана на лингвистических знаниях, опыте, глубоком понимании обоих языков и культур, а также на способности тонко улавливать эмоциональные и стилистические нюансы оригинального текста. И это именно то, что пока не позволяет машинному переводу приблизиться по качеству к человеческому. В отличие от человека, который основывает свои решения на интуиции, накопленном культурном опыте и знаниях, искусственный интеллект (далее ИИ) работает с огромными объемами данных и алгоритмами статистического соответствия. ИИ анализирует частотные шаблоны и контексты, но у него нет интуитивного чувства или личного опыта, чтобы определить нюансы эмоций в конкретном контексте. В частности, ИИ сложно «почувствовать», когда слово *anger* следует перевести как ‘гнев’, а когда – как ‘злость’ (**заметим, что во всех проанализированных выше примерах ИИ добросовестно перевел слово *anger* как ‘гнев’**). Хотя ИИ демонстрирует значительные успехи в машинном переводе, ему все еще предстоит долгий путь до того, как он сможет адекватно справляться с переводом терминов эмоций с той же чувствительностью к контексту, что и человек-переводчик. Перспективы улучшения есть, особенно с развитием нейросетей и обучения на больших данных, но интуиция и тонкости эмоционального и культурного восприятия пока остаются преимуществом человеческого интеллекта.

Список литературы

1. Базылев В. Н. Оригинал и перевод: искажение эмоций // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции. Симферополь, 23–25 апреля 2020 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. С. 13–18.
2. Крылов Ю. В. Статус слов «Гнев»/«Злость» в семантическом поле эмоций // Сибирский филологический журнал. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-slov-gnev-zlost-v-semanticheskom-pole-emotsiy> (дата обращения: 26.09.2024).
3. Национальный корпус русского языка, параллельный подкорпус // URL: <https://ruscorpora.ru/en/> (дата обращения: 19.09.2024).

4. Новый большой англо-русский словарь: В 3-х т. / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993.
5. Сырица Г. С. Межъязыковые эмотивные лакуны в переводе художественного текста // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-emotivnyye-lakuny-v-perevode-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 26.09.2024).
6. Толковый словарь Ушакова // URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike> (дата обращения: 26.09.2024).
8. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: Учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций». Волгоград: Перемена, 2009.
9. Янь Кай. Культурно-национальная специфика наименований базовых эмоций в русском языке на фоне китайской лингвокультуры: лексикографический аспект // МНКО. 2017. № 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-natsionalnaya-spetsifika-naimеноvaniy-bazovyh-emotsiy-v-russkom-yazyke-na-fone-kitayskoy-lingvokultury-leksikograficheskiy> (дата обращения: 19.09.2024).
10. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/anger> (дата обращения: 17.09.2024).
11. Ekman P. Expression and the Nature of Emotion // Approaches to Emotion. K. Scherer and P. Ekman (Eds.). New York, 1984. P. 319–340.
12. Ekman P., Friesen W. V. A new pan-cultural facial expression of emotion // Motivation and Emotion. 10 (2). 1986. P. 159–168.
13. Fontaine J. R., Scherer K. R., Soriano C. Components of Emotional Meaning: A Sourcebook. Oxford University Press, Oxford, 2013.
14. Izard C. E. Human Emotions. New York: Plenum Press, 1977.
15. Merriam-Webster dictionary // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/anger> (дата обращения: 16.09.2024).
16. Oxford learner's dictionaries // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/anger_1?q=anger (дата обращения: 19.09.2024).
17. Panayiotou A. Translating guilt: An endeavor of shame in the Mediterranean? // Bilingual minds: Emotional experience, expression, and representation. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2006. P. 183–208.
18. Pavlenko A. Structural and conceptual equivalence in the acquisition and use of emotion words in a second language // The Mental Lexicon. 2008. 3 (1). P. 92–121.
19. Ponsonnet M. Emotional linguistic relativity and cross-cultural research // Language and Emotion 2. De Gruyter, 2022. P. 1031–1061.
20. Wierzbicka A. Emotion and Culture: Arguing with Martha Nussbaum // Ethos. 31 (4). 2003. P. 577–600. Available from: <http://www.jstor.org/stable/3651796> (Accessed 30th July 2024).
21. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
22. Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.
23. Wu K., Dunning D. Hypocognition: making sense of the landscape beyond one's conceptual reach // Rev. Gen. Psychol. 22 (1). 2018. P. 25–35.

* * *

1. Bazylev V. N. Original i perevod: iskazhenie emocij // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Simferopol', 23–25 aprelya 2020 goda. Simferopol': OOO «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2020. S. 13–18.
2. Krylov Yu. V. Status slov «Gnev»/«Zlost'» v semanticheskom pole emocij // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-slov-gnev-zlost-v-semanticheskom-pole-emotsiy> (дата obrashcheniya: 26.09.2024).

3. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka, parallel'nyj podkorpus // URL: <https://ruscorpora.ru/en/> (data obrashcheniya: 19.09.2024).
4. Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar': V 3-h t. / Pod obshch. ruk. E. M. Mednikovoj i Yu. D. Apresyana. M.: Russkij yazyk, 1993.
5. Syrica G. S. Mezhyazykovye emotivnye lakuny v perevode hudozhestvennogo teksta // Kommunikativnye issledovaniya. 2016. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-emotivnye-lakuny-v-perevode-hudozhestvennogo-teksta> (data obrashcheniya: 26.09.2024).
6. Tolkovyy slovar' Ushakova // URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrashcheniya: 25.09.2024).
7. Shahovskij V. I. Emocii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike // Voprosy psiholingvistiki. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike> (data obrashcheniya: 26.09.2024).
8. Shahovskij V. I. Yazyk i emocii v aspekte lingvokul'turologii: Ucheb. posobie po disciplinam po vyboru «Yazyk i emocii» i «Lingvokul'turologiya emocij». Volgograd: Peremena, 2009.
9. Yan' Kaj. Kul'turno-nacional'naya spetsifika naimenovaniy bazovyh emocij v russkom yazyke na fone kitajskoj lingvokul'tury: leksikograficheskij aspekt // MNKO. 2017. № 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-natsionalnaya-spetsifika-naimenovaniy-bazovyh-emotsiy-v-russkom-yazyke-na-fone-kitajskoj-lingvokul'tury-leksikograficheskij> (data obrashcheniya: 19.09.2024).

***Cross-cultural emotions: to the issue of achievement of equivalence
in the process of translating the terms of emotions***

The issues of achievement of translation equivalence of emotions terms in the language combination “English – Russian” at the example of the nominee ‘anger’ and its Russian equivalents are considered on the basis of the parallel subcorpus of the National corpus of the Russian language.

It is emphasized that the translation choice finally depends on the translator’s intuition, based on the experience and knowledge of cultural and linguistic peculiarities, that is still not entirely available for the systems of machine translation.

Key words: *terms of emotions, universal emotions, context, translation, conceptual equivalence.*

(Статья поступила в редакцию 04.10.2024).

С. В. ИОНОВА
Москва

**ЯЗЫК СУБЪЕКТИВНЫХ ОЩУЩЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА:
ОТ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ К ТАКТИЛЬНОЙ ЛИНГВОСЕМИОТИКЕ**

Рассматривается вопрос о возможности использования лингвистической теории эмоций в качестве методологической основы для типологизации и описания системы тактильной семиотики. Как и эмоции, тактильные ощущения относятся к явлениям внутренней сферы человека, скрытой от непосредственного наблюдения, поэтому вопросы вербализации ее проявлений относятся к сложным вопросам диагностики состояний человека. Обе сферы являются коммуникативно значимыми и могут объективироваться с помощью вербальных знаков для передачи информации о субъективной сфере человека.

Ключевые слова: лингвистика эмоций, эмотивный код, тактильная семиотика, прикосновения, субъективная семантика, объективация ощущений.

Языковое описание субъективных ощущений и аффективной сферы человека сегодня воспринимается в качестве классической области лингвистики. Начальные исследования эмотивного кода языка и эмоциональных механизмов речи, которые благодаря трудам профессора В. И. Шаховского [20] и его единомышленников [15] приобрели статус научной теории, в современной лингвистике обогащаются новыми направлениями и ответвлениями, исследовательские практики становятся достоянием различных направлений науки, используются в прикладных областях деятельности [3; 8; 9; 10].

Традиционно понятие внутренних ощущений связывается языковедами с описанием сферы человеческой эмоциональности, которая в современной лингвистике категоризована, имеет собственный метаязык и располагает системой оригинальных исследовательских методов [1; 20]. Нередко эту научную область относят к психолингвистике, но одновременно рассматривают в качестве самостоятельного лингвопсихологического направления [9]. Междисциплинарный характер эмоций как главного объекта описания определяет неизбежность обращения ученых к смежным областям знания, расширяя представления о самом человеке, сфере его внутренних ощущений.

Технические возможности современной коммуникативной практики в разных сферах человеческой деятельности, появление новых способов и средств трансляции значимой информации, ускорение темпа и увеличение объема информационных обменов обусловило необходимость включения в сферу исследования лингвистов новых каналов, кодов и модусов общений. Поликодовость и мультимодальность сегодня рассматриваются в качестве обязательных характеристик коммуникативных процессов [10]. Большие пласты информации в новых средствах коммуникации часто передаются невербально и нередко декодируются без обращения к вербальному коду языка (см. системы звуковых и графических эмотиконов, других иконических и аудиальных средств). Эмоциональная информация расширяет поле средств выражения, эксплицитные и имплицитные знаки эмоциональности реализуют свои функции во все более усложняющихся социальных сферах и дискурсах.

Формальное и содержательное усложнение объекта исследований поставило перед лингвистами вопрос о необходимости изучения сложных, комплексных, динамических явлений субъективной сферы человека, о разработке подходов к исчислению вариативных возможностей их репрезентаций с учетом многообразия функций высказываний и речевого поведения коммуникантов [7; 9; 17; 18; 19; 21]. Закономерным в связи с этим

стало обращение современной науки к прагматике невербальной коммуникации и исследованию жестов как коммуникативных сигналов в рамках мультимодальной лингвистики [10; 11; 17; 19].

Одной из наименее исследованных групп жестов признаются тактильные жесты, а именно, жесты-прикосновения, которые исследователями-лингвистами [11; 17; 19] и специалистами по социальной и мультимодальной семиотике [23] выделяются в отдельную группу. Восприятие этих жестов осуществляется не столько через зрительный, сколько через тактильный сенсорный канал, в то время как существующие сегодня системы описания жестов основаны преимущественно на визуальных представлениях. Большинство работ по тактильной семиотике сегодня являются результатом интроспекции исследователей, именно поэтому в лингвистике остро стоит вопрос о расширении методов научного анализа в этой области, о возможности использования достижений в сферах лингвистической семантики и прагматики, корпусных и экспериментальных исследований для создания полноценной и непротиворечивой системы тактильной семиотики [3; 4; 5].

Внимание к сфере тактильности особенно проявилось в ситуации глобальной вирусной пандемии, когда шло активное обсуждение вопросов *санитарных прикосновений, повышенной осторожности прикосновений, идеологии новой сенсорики*. В сфере новых технологий и новых гаджетов создается новая *touch-реальность*: сенсорные экраны, реакции устройств на прикосновения, парольные прикосновения, разрабатываются технологии искусственной кожи как дополнительного канала получения информации из внешнего мира [14]. В медицине и физиологии установлена прямая связь между прикосновениями и психическим развитием ребенка, диагностикой и лечением сложных заболеваний [4; 19; 23].

Значительным вкладом в развитие лингвистики тактильности стали открытия в сфере нейробиологии и психологии эмоциональной системы тактильного восприятия типа С (СТ-система), которая наиболее сильно активизируется в ответ на легкие медленные прикосновения [24]. Установлено, что С-тактильная система восприятия обеспечивает возникновение положительных эмоциональных ощущений в ответ на социальные сенсорные контакты (прикосновения, объятия, поглаживания) и с большой вероятностью играет важную роль в формировании привязанности и в целом в социальном развитии человека [4].

Данное открытие с очевидностью продемонстрировало тесную связь между физиологией прикосновений и эмоциональными состояниями субъектов переживания, что активизировало резкое увеличение интереса к эмоциональным аспектам тактильного восприятия и описанию системы биологических, психологических и лингвистических знаков, отражающих специфику прикосновений не только как сенсорно-перцептивный феномен, но и как форму поведения человека, в т.ч. его речевой деятельности, имеющей национально-культурные паттерны.

Знаковый характер прикосновений, по мнению ученых, может способствовать переводу их из сферы принципиально не наблюдаемых процессов в системную семиотику социальных тактильных контактов, сопровождающих человеческую коммуникацию [3; 14; 18; 19]. Однако при реализации задач, связанных с разработкой систем тактильной лингвистической семиотики, исследователи столкнулись с рядом проблем методического характера.

При анализе экспериментальных данных, полученных в результате анализа свободных вербальных отчетов испытуемых, было установлено, что вербализация тактильных ощущений связана со сложностью квалификации получаемых данных и с высоким уровнем субъективности интерпретации результатов [5]. Для снижения субъективности такой интерпретации был разработан ряд методик (анализ протоколов, вербальный анализ, разговорный анализ и др.), которые в совокупности должны были способство-

вать адекватной интерпретации вербального отчета. Лингвистический анализ результативности применения указанных методик, однако, показал, что на сегодняшний день в распоряжении ученых отсутствует единая типологизация бесконечного поля тактильности в сфере прикосновений; далеко не все тактильные ощущения отмечаются самими субъектами; не все вербальные реакции, полученные экспериментально, фиксируются и интерпретируются учеными. Например, на одном из этапов эксперимента были зафиксированы следующие данные вербальных самоотчетов испытуемых: *слабое поглаживание, щекочущее прикосновение, не сильное объятие, немного давящее прикосновение, слабые удары, сильно удерживают руку, как кончик пёрышка прикоснулся, бережное касание, неторопливое и приятное поглаживание, осторожное сжатие, будто коснулась шерсти кошки, как будто кисточкой провели, поспешно гладит руку, слегка давит, ощущение легкости, как свежий ветерок коснулся, нежное объятие, щекотное прикосновение, словно дотронулись шершавой бумагой, нравится, приятно, тепло, почти как моя собака, приятно, чувство умиления, с нежностью, улучшилось настроение, как будто гладит другая рука*. Данные реакции на тактильные ощущения были получены экспериментально, с помощью установки роботизированной тактильной стимуляции от самих субъектов тактильных переживаний: испытуемые обозначали свои ощущения при помощи средств языка и речи, а исследователь методом анализа этих вербальных самоотчетов решал задачу наиболее точного воспроизведения тактильных ощущений человека на основе полученных знаков.

Анализ массива данных самоотчетов и их интерпретаций учеными показал, что в протоколах эксперимента оказались зафиксированными лишь такие единицы, которые обозначали родовое понятие прикосновения: *поглаживание, удар, касание, сжатие, удержание, щекотка*, а также его объективные качества: *сильное, слабое, длительное, короткое, неторопливое*. В дополнительной графе исследователями отмечены некоторые примеры эмоционального отношения испытуемых к тактильному стимулу: *приятно, неприятно, чувство умиления, с нежностью, нравится, не нравится, улучшилось настроение*. Незафиксированными и не используемыми в анализе материала оказались косвенные обозначения и образные единицы – метафоры, сравнения: *как будто кисточкой провели, как кончик пёрышка прикоснулся, как свежий ветерок коснулся, почти как моя собака, будто коснулся шерсти кошки, словно дотронулись шершавой бумагой* и др. Остались неотмеченными единицы, которые тем не менее часто использовались испытуемым в качестве первых и непосредственных реакций: *О-О-!; Класс!; Нет, не надо!; Фу; Ой; хочется еще!; Ужас! Не хочу!* и др.

Как показывают приведенные примеры, для тактильной семиотики, так же, как для сферы эмоциональности, значимым является обоснованное в науке положение о трех способах репрезентации внутренних переживаний: *номинации, дескрипции и экспрессии* [1; 19]. Их учет дает возможность использовать все выраженные реакции для интерпретации характера внутренних ощущений человека, в том числе не полностью осознаваемых ими.

Таким образом, ожидания экспериментаторов при изучении вербализованных реакций на тактильные стимулы, а также результаты их анализа чаще всего опираются на репрезентации, выраженные преимущественно в форме констатации о типе прикосновения и прямо указывающие на устойчивые сценарии тактильности [3; 5; 21], что оставляет за пределами интерпретаций значимый материал вербальных самоотчетов. Материалы исследования продемонстрировали наличие целого ряда методологических вопросов, на которые у ученых пока нет исчерпывающих ответов: могут ли испытуемые самостоятельно правильно и полно квалифицировать тактильные ощущения; какие из вербализуемых реакций необходимо отбирать в качестве значимых результатов эксперимента; в каких формах могут быть зафиксированы реакции на тактильные стимулы; каким образом интегрировать основные и дополнительные (эмоциональные) реакции на

стимул; как использовать данные различных знаковых систем при интерпретации информации о сфере субъективных ощущений их субъектов.

Эти и другие вопросы составляют проблемную область лингвосенсорики [12; 17] и активно изучаются сегодня в лингвистических работах по тактильной семиотике [5; 21; 22]. Установление значимых для описания признаков ощущений, возникающих при тактильном восприятии, способов их объективации является актуальной задачей в рамках изучения более общей задачи – исследования субъективных ощущений и аффективной сферы человека. Известно, что подобные вопросы в широком контексте уже ставились в лингвистике более полувека назад и касались изучения эмоциональности как сферы внутренних переживаний человека. Сегодня многие из этих задач в эмотиологии считаются решенными [8]. Это обстоятельство позволяет гипотетически высказать тезис о возможности переноса методологических основ лингвистики эмоций на область лингвистического описания тактильной семиотики.

Действительно, между эмоциями и тактильностью имеется целый ряд сходных характеристик. Остановимся на них подробнее.

Как и эмоции, тактильные ощущения относятся к явлениям внутренней сферы человека, скрытой от непосредственного наблюдения, поэтому вопросы вербализации ее проявлений относятся к сложным вопросам диагностики состояний человека [4; 7; 9].

Специфика и многообразие субъективных ощущений, возникающих при тактильном восприятии, связаны с высоким уровнем вариативности индивидуальных реакций на одни и те же стимулы. В зависимости от перцептивного и социального контекста ситуации, а также собственного лингвосоциокультурного опыта одно и то же прикосновение может восприниматься разными людьми как приятное или неприятное, нежное, щекотное или даже болезненное. Однако в этом бесконечном континууме ощущений уже выявлены различающиеся процессы и проявления, которые могут быть положены в основу типологизации тактильных знаков [3; 6; 17; 18; 21; 24].

Во многих языках мира имеются специальные средства для закрепления сенсорного опыта, что отражается в единицах, зафиксированных в лексикографических источниках и регулярно реализуемых в различных коммуникативных ситуациях [6; 11; 23; 24]. Значимость этого канала коммуникации для человека демонстрируется активным образованием групп лексических единиц, обозначающих невербальное осязательное поведение, которое осуществляется человеком. Чаще всего это глагольные единицы или глагольные словосочетания, а также отглагольные имена существительные (*прикосновение, касание, прикасание, трогание, цепляние* и др.) и имена прилагательные (*гладкий, маслянистый, полированный, мягкий, твердый, шершавый* и др.).

В современной лингвистике систематизация тактильной лексики идет в направлении описания знаков прикосновения [21]. В результате обобщенного анализа словарных материалов [2] и анализа фактического материала – русской художественной литературы [13] – выделены такие типы лексико-семантических полей прикосновения, как поглаживания, объятия, поцелуи, удары и рукопожатия. Лексику, относящуюся к типичным коммуникативным ситуациям в русской лингвокультуре, можно представить следующим образом: лексико-семантическая группа поглаживаний; лексико-семантическая группа объятий; лексико-семантическая группа поцелуев; лексико-семантическая группа удержания; лексико-семантическая группа ударов; лексико-семантическая группа рукопожатий. Так, лексико-семантическая группа ударов может включать прямые обозначения прикосновения в литературном и просторечном вариантах (*ударить, стукнуть, толкнуть, шлёпнуть, треснуть, тронуть, лупить, огреть, садануть, врезать ткнуть, тюкнуть, шмякнуть*), а также их образные переосмысления (*припечатать, боднуть, щёлкнуть, «поцеловать», ожечь, лягнуть, дать леца, получить киселя*). У прямых обозначений тактильности могут быть также переносные значения и устойчи-

вые формы выражения для использования в нетактильных взаимодействиях (например, *ударить по рукам* – ‘договориться, выразить радость’).

Установлено, что данные и другие виды тактильных знаков могут иметь свойство направленности – быть обращенными к партнеру по вербальному или невербальному взаимодействию (а не только использоваться для получения человеком информации из внешней среды), т.е. они имеют коммуникативную природу. Указанное свойство сближает их с эмоциональным состоянием и эмоциональным отношением к предмету переживания [18; 20; 23]. Имея в своей основе внутренние ощущения, тактильные и эмоциональные проявления маркируются системой внешних показателей – вербальных или невербальных знаков внутренних ощущений другой природы. Слова этих групп используются в коммуникативных ситуациях с целью передачи чувств коммуникантов и осуществления коммуникативного контакта:

Она почтительна с директором, любезна с моей матушкой и, взглянув на меня, сразу же гладит по голове. Глаза ее излучают удовольствие (Алешин С. И. Воспоминания).

Учитель обнял его за плечи, и они вместе вошли в спортивный зал (Ременцова Л. А. Поцелуй с вампиром).

– Не отпущу, не пушу! – сказала мать тихо, но настойчива, – и схватила сына за руку, не давая ему уйти (Лаврова Л. Л. Шляпа).

Значение и оценка прикосновения в значительной степени зависят от его контекста, отношений между партнерами по диалогу, физическим положением прикосновения, а также культуры общения партнеров.

Знаки прикосновений могут иметь этикетный характер, определяться нормами поведения в культуре, поэтому вербальная форма их обозначений может символизироваться. Например: ‘целоваться’ – *подносить к губам, подходить к ручке, приложиться губами, приложиться к ручке, запечатлевать поцелуй, христосоваться*.

Вербализация прикосновения может значительно варьироваться в ситуациях различной степени официальности

Все они, выстроившись в ряд, с нетерпением ждали своей очереди пожать руку новому советскому руководителю (Даунинг Т. 1983-й. Мир на грани); *Рослый пожал руку капитану и, развернувшись, зашагал к «мерседесу», припаркованному в трёх шагах от них* (Злотников Р. Руигат. Рождение); *Он мягко пожал руку гостю, приглашая сесть в глубокое кресло* (Абдуллаев Ч. Одноразовое использование).

В неофициальных ситуациях приветствие рукопожатием получает иные обозначения: *сунуть руку, вставить ладонь, дать пять, дать краба, рукобитие, трясти ладонь*. В современных иконических интернет-коммуникациях для этого вырабатываются специальные знаки, подобные системам эмотиконов.

Эмоциональная значимость прикосновений определяет возможность их описания через образы, переносные значения. Природа прикосновения является процессуальной, она носит фреймовый характер: «Фрейм концепции прикосновения проявляются в том, что субъект контактирует с получателем, а субъект приближает часть тела к поверхности тела получателя информации» [22, с. 86]. Образные обозначения не только указывают на характер прикосновения, но одновременно выражают его оценку со стороны объекта воздействия и определяют возможность его допустимости / недопустимости в коммуникативной ситуации.

Выделяют различные виды прикосновений: для привлечения внимания партнера; ритуальное социальное прикосновение; профессиональное прикосновение (например, прикосновение врача к пациенту); враждебное прикосновение и др. В результате корреляции между контекстами употребления, их эмоциональным содержанием и характером прикосновения закрепляется социальная связь названных параметров: принимае-

мые, допустимые прикосновения, вызывающие позитивные эмоции; недопустимые, отвергаемые прикосновения, вызывающие у человека негативные эмоции:

Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала ее... (Пушкин А. С. Капитанская дочка).

Необходимо подчеркнуть, что онтологические характеристики прикосновений имеют большое физиологическое опосредование, которое определяет наличие дополнительных свойств субъективных ощущений по отношению к эмоциональным переживаниям. Факторы, определяющие вербальное изображение тактильных контактов, зависят от базовых характеристик этого явления, к которым относятся интенсивность, скорость и частота тактильного контакта, положение на теле, температура, продолжительность и площадь контакта [23; 24]. Все они влияют на изменения характера прикосновения: прикосновение относится к движению предметов по коже, а общение – к получению информации через сенсорную систему кожи, в связи с этим прикосновение может быть коммуникативным и некоммуникативным. Однако предполагается, что средства репрезентации прикосновений могут описываться по аналогии с существующими эмоциональными явлениями, а именно: посредством их вербальной номинации, дескрипции, экспрессии.

Таким образом, для описания субъективного опыта тактильного восприятия лингвистике еще предстоит сделать многое: разработать системы тактильных лексиконов, образной репрезентации, косвенной вербализации прикосновений; усовершенствовать методики оценки восприятия и научного описания видов тактильности; выделить признаки коммуникативных и некоммуникативных тактильных стимулов; сформировать модели интеграции различных каналов получения информации с учетом тактильной семиотики, разработать методику интерпретации вербальных реакций на тактильные стимулы. Все эти задачи соотносятся с фундаментальными проблемами лингвистики, нейролингвистики, теории коммуникации. При этом сегодня данное поле исследовательских проблем может опираться на методологию и серьезную доказательную базу лингвистики эмоций, а значит, научные результаты могут быть получены уже в ближайшей перспективе.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1989.
2. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М.: Прометей, 1992.
3. Варламов А. А., Иняшкин С. Г., Горбачева А. В. и др. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. № 18 (1). С. 47–61.
4. Варламов А. А., Портнова Г. В., Макглун Ф. Ф. С-тактильная система и аффективное прикосновение: история открытия и современное состояние концепции // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2019. № 69 (3). С. 280–293.
5. Варламов А. А., Ионова С. В., Горбачева А. В. и др. Перышком по коже: оценка зависимости субъективных ощущений от характера тактильного стимула // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 70. № 4. С. 262–283.
6. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.
7. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.
8. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 221–226.
9. Ионова С. В. Лингвopsихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 26–39.

10. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 135–152.
11. Крейдлин Г. Е., Григорьева С. А., Григорьев Н. В. Словарь русских жестов. М.: Языки русской культуры, 2000.
12. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналит. обзор / ИНИОН РАН. Отв. ред. Яковлева Э. Б. М.: ИНИОН РАН. 2017.
13. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.09.2024).
14. Но А. Новая электронная кожа может предчувствовать прикосновения // 4PDA. URL: https://4pda.to/2023/01/28/409113/novaya_elektronnaya_kozha_mozhet_predchuvstvovat_prikosnoveniya/ (дата обращения: 18.08.2024).
15. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: монография / Астафурова Т. Н. и др.; редкол.: В. И. Шаховский, С. В. Ионова, А. А. Дьякова. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012.
16. Символы в коммуникации: кол. монография / Дзялошинский И. М. и др.; науч. ред.: И. М. Дзялошинский. Серия «Коммуникативные исследования». Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ. 2011.
17. Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком. 2012.
18. Человек ощущающий: Перцепция в современном гуманитарном знании / Ред.-сост. Нагорная А. В. // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН. 2015. С. 143–151.
19. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
20. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–43.
21. Шлотгауэр Е. А. Вербализация и метафоризация тактильных коммуникативных сигналов в русском языке: комплексное описание: дис. ... канд. филол. наук. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2023.
22. Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 81–96.
23. Bezemer J., Kress G. Touch: A resource for making meaning // Австралийский журнал языка и грамотности. 2014. № 37 (2). P. 77–85.
24. McGlone F., Wessberg J., Olausson H. Discriminative and affective touch: sensing and feeling. Neuron. 2014. № 82 (4). P. 737–755.

* * *

1. Babenko L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkom yazyke. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. 1989.
2. Baranov O. S. Ideograficheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Prometej, 1992.
3. Varlamov A. A., Inyashkin S. G., Gorbacheva A. V. i dr. Leksika i scenarii taktil'nogo vospriyatiya v aspekte sozdaniya issledovatel'skogo tezaurusa // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2019. № 18 (1). S. 47–61.
4. Varlamov A. A., Portnova G. V., Makglun F. F. S-taktil'naya sistema i affektivnoe prikosnovenie: istoriya otkrytiya i sovremennoe sostoyanie koncepcii // Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti im. I. P. Pavlova. 2019. № 69 (3). S. 280–293.
5. Varlamov A. A., Ionova S. V., Gorbacheva A. V. i dr. Peryshkom po kozhe: ochenka zavisimosti sub»ektivnyh oshchushchenij ot haraktera taktil'nogo stimula // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. T. 70. № 4. S. 262–283.
6. Gudkov D. B., Kovshova M. L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju. M.: Gnozis, 2007.
7. Ionova S. V., Shteba A. A. Smeshannye emocii: k voprosu o lingvisticheskoj reprezentacii i metazykye opisaniya // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 2 (40). S. 63–81.
8. Ionova S. V. Lingvistika emocij v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 3. S. 221–226.

9. Ionova S. V. Lingvopsihologiya emocij v koncepciyah sovremennogo yazykoznanija // Voprosy psiholingvistiki. 2022. № 1 (51). S. 26–39.
10. Kibrik A. A. Mul'timodal'naya lingvistika // Kognitivnye issledovaniya. 2010. № 4. S. 135–152.
11. Krejdlin G. E., Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V. Slovar' russkih zhestov. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000.
12. Nagornaya A. V. Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennyh lingvisticheskikh issledovanij: Analit. Obzor / INION RAN. Otv. red. Yakovleva E. B. M.: INION RAN. 2017.
13. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 20.09.2024).
14. No A. Novaya elektronnyaya kozha mozhet predchuvstvovat' prikosnoveniya // 4PDA. URL: https://4pda.to/2023/01/28/409113/novaya_elektronnaya_kozha_mozhet_predchuvstvovat_prikosnoveniya/ (data obrashcheniya: 18.08.2024).
15. Rossiya lingvisticheskaya: nauchnye napravleniya i shkoly Volgograda: monografiya / Astafurova T. N. i dr.; redkol.: V. I. Shahovskij, S. V. Ionova, A. A. D'yakova. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo, 2012.
16. Simvoly v kommunikacii: kol. Monografiya / Dzyaloshinskij I. M. i dr.; nauch. red.: I. M. Dzyaloshinskij. Seriya «Kommunikativnye issledovaniya». Vyp. 6. M.: NIU VShE. 2011.
17. Harchenko V. K. Lingvosensorika: Fundamental'nye i prikladnye aspekty. M.: Librokom. 2012.
18. Chelovek oshchushchayushchij: Percepciya v sovremennom gumanitarnom znanii / Red.-sost. Nagornaya A. V. // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. M.: INION RAN. 2015. S. 143–151.
19. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij: monografiya. M.: Gnozis, 2008.
20. Shahovskij V. I. Emocii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike // Voprosy psiholingvistiki. 2009. № 9. S. 29–43.
21. Shlotgauer E. A. Verbalizaciya i metafORIZaciya taktil'nyh kommunikativnyh signalov v russkom yazyke: kompleksnoe opisanie: dis. kand. filol. nauk. M.: Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 2023.
22. Yurina E. A., Shlotgauer E. A. Russkaya taktil'naya metafora v aspekte emotivnosti (na materiale leksiko-frazeologicheskogo polya «Gladit'») // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2023. T. 22. № 1. S. 81–96.

The language of subjective sensations of man: from the linguistics of emotions to tactile linguosemiotics

The issue of potential use of linguistic theory of emotions as the methodological basis for classification and description of system of tactile linguosemiotics is considered. As emotions, the tactile sensations are classified as the phenomena of the inner sphere of man that is concealed from direct observation, for that reason the issues of verbalization of its manifestation are related to the difficult questions of diagnostics of man's states. Both spheres are communicatively significant and can be objectified with the help of verbal signs for the transfer of information about the subjective sphere of man.

Key words: *linguistics of emotions, emotive code, tactile semiotics, touchings, subjective semantics, objectification of sensations.*

(Статья поступила в редакцию 01.10.2024).

М. Л. КОВШОВА

Москва

**ВЕЖЛИВОСТЬ В ПОНИМАНИИ МОЛОДЫХ
(на материале экспериментального опроса в Сети)***

В целях исследования взаимодействия языка, когнитивных и эмоциональных процессов анализируется понимание и употребление слов «вежливость», «вежливый» и рефлексия над ними в обыденном интернет-общении. Освещаются результаты опроса, проведенного с молодыми носителями русского языка. Вопросы были разработаны с целью выявить, какое значение молодые вкладывают в слово «вежливый»; чему противопоставлено понятие вежливости; кто является эталоном вежливости и др.

Ключевые слова: вежливость, понятие, слово, значение, употребление, молодые респонденты.

Несущей конструкцией человеческого общества является культура и ее институты: мораль, этика, этикет, система общественных отношений и др. Вежливость как социальное ритуализованное поведение лежит в основе создания общественного порядка, является неотъемлемой частью повседневной жизни людей и служит предпосылкой их сотрудничества во всех сферах человеческой деятельности. В гуманитарных дисциплинах исследование вежливости ведется с разных научных ракурсов: вежливость описывается как социальная норма; как этическая и этикетная категория; как речевой этикет, максимы и правила; вежливость исследуется в национально-культурном аспекте как моральное качество человека; как его внешняя и внутренняя мягкость; как «лицо», обеспечивающее достижение прагматических целей и др. В лингвистике понятие вежливости связано в первую очередь с речевым этикетом, который формируется на основе правил и норм общения.

Теоретические основы исследования заложены в работах Л. А. Булаховского, Г. Грайса, Н. И. Формановской, М. Халлидея и др.

В современных работах (В. М. Алпатов, Н. Г. Брагина, А. Вежбицка, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Т. В. Ларина, Р. Ратмайр, С. Ю. Тюрина, В. И. Шаховский и др.) особое внимание уделяется национальным, социальным, психологическим факторам речеведения; описанию языковых средств вежливости; установлению взаимосвязи вежливости с речевыми актами, типами дискурса и др. Считается, что основной принцип вежливости речи – уважение [1]; исследуются стратегии вежливости, направленные на бесконфликтное общение, на минимизацию конфронтации в дискурсе; выделяются позитивные и негативные стратегии [2; 4; 5; 6].

Согласно точке зрения Т. В. Лариной, вежливость является «центральной коммуникативной категорией» и выступает «как системообразующий стержень, который регулирует поведение представителей различных лингвокультур, позволяет проследить его логику» [2, с. 129].

В. И. Шаховский исследует вежливость в аспекте эмоциональных категориальных ситуаций и определяет вежливость как культурный принцип сдерживания эмоциональ-

* Много лет назад в секторе общего языкознания Института языкознания РАН появился молодой докторант, Виктор Иванович Шаховский. Он всегда молодо выглядел, молодо мыслил и молодо, с задором, говорил о том, что интересовало его больше всего на свете – о науке. Виктор Иванович глубоко продумывал изменения в языке и культуре и всегда был созвучен молодому поколению. Его страстная увлеченность эмоциональной сферой языка продолжает увлекать исследователей и открыта лингвистике будущего. Памяти доктора филологических наук, профессора В. И. Шаховского посвящается настоящая статья.

ного поведения человека, как фактор воспитания эмоциональной толерантности, формирующей все типы человеческого общения. Обращаясь к теме вежливости, он отмечает: «Есть мнение, что вежливость и эмоциональность – две противоположные категории, что вызывает сомнение и требует специального исследования» [7, с. 29]. В. И. Шаховский указывает на необходимость видеть в вежливости не только социальный ритуал, но и отражение «динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей; вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения; <...> стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения» [7, с. 21].

Изучая когнитивные и эмоции в их противоположности и единстве и «погружая» (по Н. Д. Арутюновой) вежливость «в жизнь», В. И. Шаховский проводит тонкие наблюдения: «Неискренняя вежливость <...> – это временная, сиюминутная толерантность по обоюдному умолчанию. Неискренняя вежливость одновременно может работать на принцип амортизации конфликта и может обострять его, всё зависит от конкретной ситуации» [8, с. 63].

Целью данной работы было продолжить начатое В. И. Шаховским исследование вежливости в когнитивно-культурологическом и коммуникативном аспектах и описать представления о вежливости такими, какими они отражены в сознании молодых людей 17–35 лет (для которых русский язык и культура являются родными и которые думают на русском языке).

Экспериментальный опрос, проведенный методом анкетирования, позволил выявить, что современные молодые люди вкладывают в понятие вежливости; какое значение в их сознании связано со словами *вежливость*, *вежливый*; в каких ситуациях говорят о вежливости, какие они видят синонимы и антонимы для слов *вежливость*, *вежливый* и др. Ссылка на опрос была опубликована в апреле 2024 года в одном молодежном телеграм-канале на 300 человек и распространена его подписчиками в личных контактах в Сети. Собранные в течение одной недели ответы образовали материал исследования; опрос носит пилотажный характер, участие в нем приняли 59 человек.

«Паспортную» часть анкеты составляли два вопроса о возрасте и поле с предложением выбрать один ответ из нескольких. Учитывалось, что для современного сознания вопросы о возрасте и поле могут носить субъективный, ментальный, характер. 91,5% респондентов определили свой пол как женский; 5,5% – как мужской; оставшиеся выбрали опцию: «Нет моего ответа». Были составлены возрастные группы: 17–20 лет, 21–25 лет, 26–30 лет, 31–35 лет. Направленное формулирование ответов обеспечило создание общения исследователя и респондентов на одной, современной, «волне», а также сняло психологическое напряжение, которое может вызывать бесконтактная вопросно-ответная форма эксперимента.

Основная часть анкеты включала в себя: прямые вопросы; предложение выбрать один вариант ответа из нескольких; предложение выбрать несколько вариантов ответа; предложение провести шкалирование ответов; предложение дать собственный ответ в свободной форме; предложение ответить на вопросы-тесты.

Опрос завершала просьба поделиться контекстами употребления «слов вежливости», вырезав контексты из чатов или пабликов.

Ср., например, вопросы и их оформление в анкете:

Вы вежливый человек?

* (выбрать один пункт):

Скорее, да.

Скорее, нет.

Затрудняюсь с ответом.

Как Вы считаете, какие слова будут антонимами для слова вежливый?

*(несколько из списка):

Грубый.
Агрессивный.
Невоспитанный.
Прямолинейный.
Другое (можно вписать своё).

Чем же отличается взгляд на вежливость у старшего поколения от взгляда молодых? Представим результаты опроса, пройдя по основной (не «паспортной») части анкеты.

На вопрос: *Вы вежливый человек?* 94,9% респондентов выбрали опцию: *Скорее, да*. При этом на следующий вопрос: *Как Вы думаете, слова **вежливый** и **культурный** – это синонимы?* 72,9% респондентов ответили отрицательно, 18,6% дали положительный ответ, а 8,5% затруднились с ответом. Тем самым большинство респондентов проявило знание семантики данных слов и понимание существенной разницы между их смысловым объемом. Ср.: «ВЕЖЛИВЫЙ. Соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый. *Вежливое обращение. Вежливый намёк. Вежливо попросить.* || сущ. Вежливость»; «КУЛЬТУРНЫЙ. Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему. *Культурный человек. Культурное общество. Культурно себя вести*» [3, с. 72; 314].

Третий вопрос звучал так: *На каком месте по важности для Вас стоит вежливость среди качеств человека?* Было предложено шкалирование от «1» до «5», при этом отметка «1» означала наивысшую важность. Была также опция, находящаяся за пределами шкалы, она была дана в свободной формулировке: «Даже в топ-5 не входит». По итогам шкалирования, вежливость «заняла» среднюю позицию «3» у наибольшей части респондентов – 40,7%, за позицию «2» проголосовало 18,6%, за позицию «4» – 16,9%; минимальные ответы выбрали позиции «1», «5» и «Даже в топ-5 не входит».

Четвертый вопрос продолжал тему, начатую в предыдущем вопросе, и был нацелен на то, чтобы выявить ценностно-значимые качества, которые образуют идеальный норматив человека глазами молодого поколения: *Какие качества Вы цените в людях?* В ответах, которые были распределены по возрастным группам, на первом месте стоят наиболее часто повторяющиеся характеристики; важно отметить, что они оказались приоритетными для всех групп. Приведем характеристики по степени их убывания в ответах респондентов.

Группа 17–20: *честность, эмпатичность, юмор, ум, общительность, ответственность, интеллигентность, анализ, любознательность, смелость, чуткость, избирательность, открытость новому, увлеченность.*

Группа 21–25: *доброта, честность, чувство юмора, позитивность, незащищенность, любознательность, открытость новому, активность, адаптивность, спокойствие, терпение, пунктуальность, вежливость, внимательность, искренность, пунктуальность, любопытство, верность своему слову, сочувствие, жизнелюбие, наличие интересов, дружелюбность, общительность, открытость, толерантность, заботливость, тактичность, любовь к животным, любовь к музыке, увлеченность, сочувствие, интеллект, ум, отзывчивость, понимание, искренность, асертивность, нежность, смелость, вдумчивость, широта взглядов, ответственность, верность, аккуратность, надежность, целеустремленность, отзывчивость, искренность и любовь к ближнему, уважение к другим.*

Группа 26–30: *доброта, честность, чувство юмора, терпимость, умение слушать, тактичность, эмпатичность, желание расширять свой кругозор, открытость, открытость миру, открытость новому, подвижный ум, любознательность, любопытство, смелость, позитивность, корректность, гибкость, внимательность, общительность, толерантность, адаптивность, неконфликтность/доброжелательность, дружелюбие, гуманность, умение сопереживать и выражать сочувствие, отзывчи-*

вость, разносторонность, образованность, эрудированность, оптимизм, уважение чужих личных границ, готовность идти на компромиссы, спокойствие, мудрость, уравновешенность, логика, ответственность, пунктуальность, добропорядочность, приверженность своим принципам, адекватность, чистоплотность, умеренность, скромность, адекватная самооценка, самоирония, уверенность в себе, вежливость, сильный характер, жизнелюбие, предприимчивость, искренность.

Группа 31–35: доброта, честность, чувство юмора, искренность, интеллект, гибкость мышления, разумный эгоизм, креативность, грамотная речь, эрудиция, желание понимать, способность проговаривать проблемы, способность сопереживать, эмпатия, тактичность, отзывчивость, способность к сотрудничеству, ненасильственность, любовь к жизни, опрятность, любознательность, смелость, вежливость, справедливость, ответственность, решительность, красноречие, коммуникабельность.

Следующий вопрос звучал так: *Какие понятия можно соединить с понятием «вежливость»?* Данный вопрос был нужен, чтобы прояснить, насколько выделенные ранее ценностные качества человека соотносятся с кругом понятий, связанных с понятием «вежливость». Был предложен список, из которого респонденты выбрали два-три понятия, а также дополнили список своими словами. Подавляющая часть респондентов (94,9%) выбрала «тактичность» как самое близкое понятию «вежливость», также среди ответов лидирует «уважение к людям» (86,4%). Далее следуют «воспитанность» (79,7%), «учтивость» (72,9%), «владение формой» (62,7%), «самоконтроль» (56,7%), «внимание» (55,9%), «интеллигентность» (37,3%), «приветливость» (27,1%), «доброта» (18,6%), «умение писать письма» (16,9%), «образованность» (11,9%). Из ответов видно, что ни честность, ни чувство юмора, отмеченные ранее как приоритетные качества человека, не являются для респондентов когнитивно релевантными понятию вежливости, это иные категории этического, интеллектуального и эмоционального плана. Также, согласно ответам, не столько важна доброта как сущностное, но во многом природное свойство человека, сколько воспитанные в нем тактичность и уважение к людям. На «привитый», окультуренный характер вежливости указывают и другие понятия, выбранные из списка или дополненные самостоятельно; не осталась без внимания вежливость как «владение формой/ формальностями», «умение писать письма».

Чтобы из понятийной области «вернуться» в языковую область, респондентам был задан вопрос: *Как Вы считаете, какие слова будут антонимами для слова **вежливый**?* Из предложенного списка ответов выбирались одно-два слова, среди них «лидирует» слово *грубый* (91,5%), затем идут слова *невоспитанный* (71,2%) и *нелюбезный* (61%). Также респонденты предложили свои антонимы: *агрессивный* (25,4%), *хам*, *хамство* (1,7%), *задиристый* (1,7%), *прямолинейный*, *честный* (1,7%). Был получен и такой ответ: «Можно быть вежливым и грубым одновременно».

На вопрос *Как Вы думаете, разные поколения вкладывают разный смысл в слово **вежливый**?* ответы распределились следующим образом: *скорее, да* (67,8%), *скорее, нет* (13,6%), *очень сложно определиться* (18,6%). Уточняющий вопрос *Чем отличается взгляд на вежливость у старшего поколения от взгляда молодых?* вызвал подлинный интерес у респондентов, которые отвечали пространно, с пояснениями, отмечали как различное, так и сходное во взглядах старших и молодых. Ср. наиболее показательные ответы (орфография и пунктуация авторов сохранена):

Начальный уровень для всех один, тот которому учат еще детей: говорить вежливые слова, не грубить;

Взрослые более внимательны к словам, молодых людей реже задевает ненамеренное обращение, не совсем соответствующее нормам этикета;

У них это социальная включенность и знание, когда сказать нужное слово, а если вежливости нет, то ты сразу хам;

У старшего поколения вежливость – качество культурного человека, нужно быть вежливым всегда и везде. У молодого поколения в кругу своих быть слишком вежливым не так уж и хорошо;

Старшее поколение больше обращает внимание на формальную сторону: отсутствие мата/грубых слов. Для молодых – соблюдение границ, инклюзивность;

Для старшего поколения формальное наличие вежливых слов имеет большее значение. У нас меньше слов, короче фразы, нет точек и т.д. плюс наше поколение не учит никого вежливости. Наша вежливость не напыщенная;

У старшего поколения фразы «здравствуйте», «будьте добры», а молодые ценят больше эмпатичность, уважение границ;

У родителей это скорее считается с авторитетом, чтоб не возникал, говорил много «спасибо», «пожалуйста». У молодых – это скорее про тактичность и границы;

Для 30+ воспитанность, образованность, для 30– тактичность, эмпатия или нейтральность;

Для старших вежливый – послушный, для молодых – уважающий чужие границы, отстраненный;

У старшего поколения вежливость ассоциируется с культурностью и умом, уважай старших и т.д. Наше поколение старается быть вежливым базово, и это больше про толерантность;

У поколения 50+ вежливый – это интеллигентный, культурный, приятный в общении. А в поколении 20–30 вежливый – это не опускающийся до оскорблений;

Поколение родителей вкладывает в это «культурный человек» и про отсутствие грубости. Поколение 30– понимает «вежливый» в сторону «тактичный» и тоже про отсутствие грубости.

В ответах четко отразилось мнение молодых людей, что существует две вежливости:

По-моему, «классическая» вежливость несколько более однородная, без частого переключения контекстов, как общий свод правил. У меня есть достаточно много знакомых ± моего возраста, общение с которыми выходит за рамки классического понятия вежливости, но при этом не определяется участниками как грубое. Современная вежливость – это поиск общей волны с конкретным собеседником или группой;

Есть две вежливости: внешняя (здравствуйте, спасибо и на «Вы») и внутренняя (тактичное, нейтральное отношение);

Есть фразы, а есть attitude, отношение;

Не конкретные фразы, а отношение делает речь вежливой (и спасибо может быть не таким).

Следующий вопрос *Что значит общаться вежливо?* продолжил открытую ранее тему. Ответы, выбранные респондентами из списка или данные в свободной форме, четко показали, что молодые разделяют «вежливость фраз» и «вежливость отношения». Общаться вежливо – это, с одной стороны, «не забывать говорить спасибо, пожалуйста, будьте добры, здравствуйте и т.д.» (89,8%); «в начале разговора поздороваться, представиться, если деловая встреча» (71,2%); «не перебивать», «сказать комплимент, что-то такое приятное» и др. С другой стороны, общаться вежливо – это «проявлять внимание, уважение терпение» (86,4%); «деликатно обходить неприятные для собеседника темы» (74,6%); «нормальное общение» (62,7%); «приветливо общаться» (42,4%); «уметь держать дистанцию, уважать чужие чувства» (42,4%); «открытое и теплое общение» (13,6%); «понимать уместность и неуместность чего-то»; «уважать границы»; «базовое уважение к людям»; «уважительное и неконфликтное общение»; «вести себя соответственно»; «снисходительно реагировать на чужие слова»; «прохладное общение, не лезть с откровениями»; «уметь сдерживаться, чтобы не дать в нос» и др.

Приведем два ответа более полно:

Нина, [19.04.2024 20:50]: *всегда начинать с приветствия: Добрый день, здравствуйте. «Будьте добры» вместо «дайте/принесите/сделайте». Просьбу обозначать, скорее, как предложение, но не требование. По типу: Можете, пожалуйста, передать? Постоянно добавлять «пожалуйста»; говорить «спасибо/благодарю»; если разговор располагает, сделать комплимент; говорить четко, но негромко; по сути, держать расстояние между человеком и собой; проявлять доброжелательность или нейтральное отношение.*

Аглая, [19.04.2024 20:31]: *всегда говорю «до свидания», «хорошего дня» или «всего доброго»; если что-то узнать, то «подскажите, пожалуйста» или «пришлите, пожалуйста», – короче на позитиве.*

Также можно отметить внимание молодых к невербальным знакам с семантикой вежливости в интернет-коммуникации. Например, эмоджи «сложенные молитвенно руки» молодые трактуют как просьбу или благодарность, в отличие от старшего поколения, которые используют этот знак как молитву, утешение, сочувствие. Ср. присланный респондентами текст из переписки в Сети:

Кстати, ты этот эмоджи воспринимаешь как «молитву» или как «дай пять» или как поклон, что-то вежливое? – Я сначала воспринимал как «дай пять», но потом мне несколько человек сказали, что они видят его как «молитву», и теперь я не могу избавиться от этой двойственности. – Я его часто использую, как когда, руки так складываешь и кланяешься вежливо, типа как «плиз».

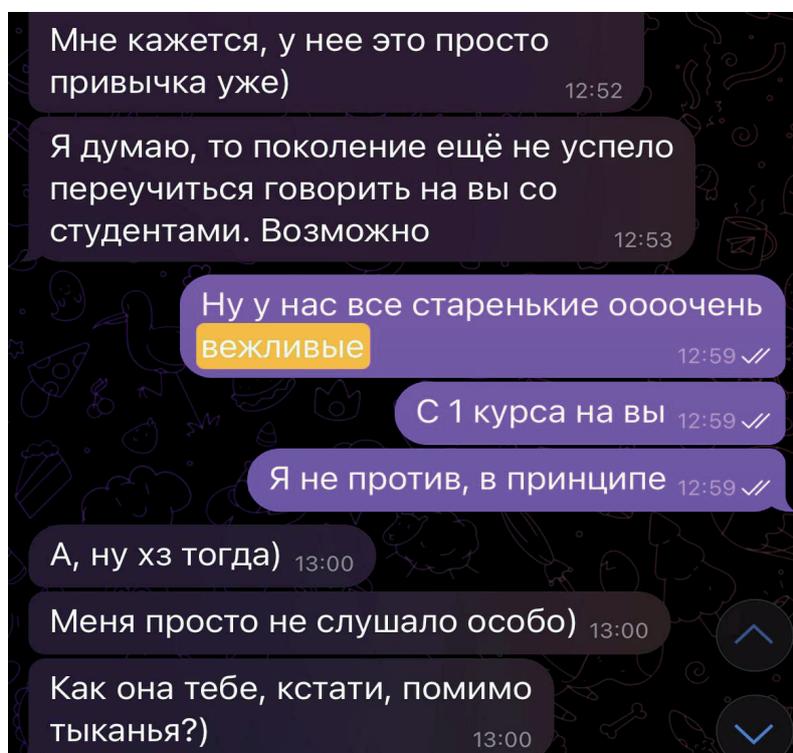

Рис. 1. Выдержка из переписки в соцсетях.

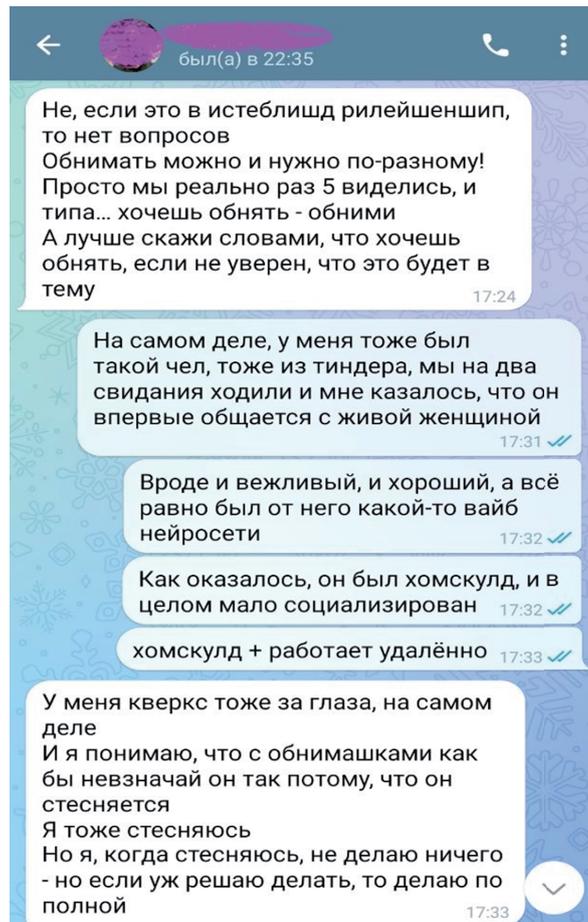

Рис. 2. Первый контекст обыденного употребления слова *вежливый*.

Следующий вопрос переводил внимание респондентов на ситуацию живого общения: *Можете ли Вы сказать другу, родственнику, чужому человеку в какой-то ситуации, что он вежливый?* В ответах отражены представления молодых об уместности данного оценочного высказывания в той или иной коммуникативной ситуации, о факторе адресата и др. Ср. ответы:

Нет, подумать могу, а говорить не стану. Нет, особенно другу, это будет как сказать: «Ты очень хорошо притворяешься»;

Вежливость – это норма, можно не говорить. Особенно другу. Звучит патерналистски;

Если только ребенку, для воспитания;

Вежливость – это формально. Скорее скажу про тактичность;

Только если похвалить. Например, когда человек очень занят, но нашел время объяснить важную для меня вещь без наездов и агрессии. Или себя за самоконтроль;

Да, если со стороны похвалить кого-то, сказать, что он или они такие вежливые;

Могу в отзывах на сайте отеля написать или в сфере обслуживания сказать;

Да. Похвала либо ирония (после общения с мудаком).

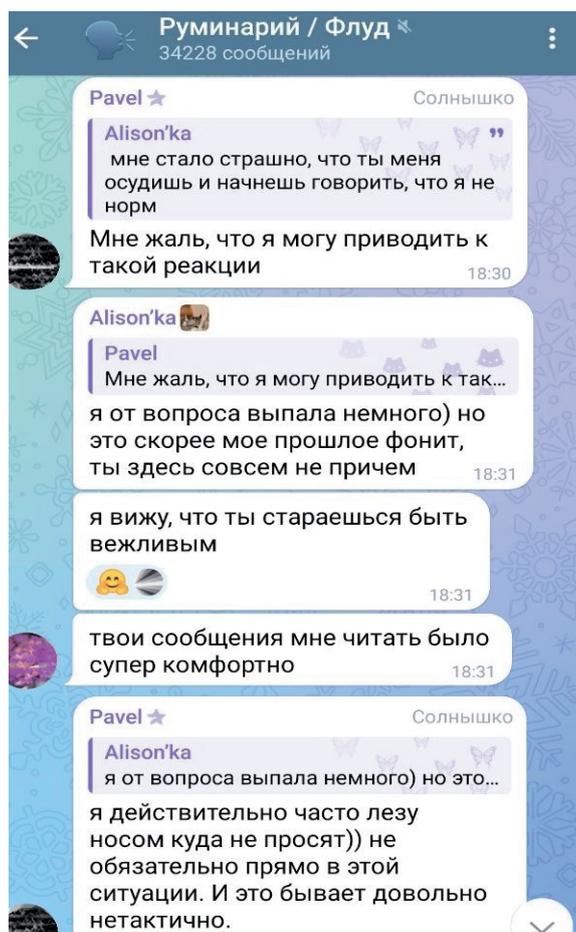

Рис. 3. Второй контекст обыденного употребления слова *вежливый*.

(Заметим, что в Национальном корпусе русского языка контексты употребления слов *вежливый*, *вежливо* и др. служат иллюстрацией тому, что здесь сказано).

В примерах, присланных респондентами, слова *вежливый*, *вежливость* используются в контексте темы старшего поколения: молодые рассуждают о том, что старшие должны вести себя по отношению к ним вежливо. Ср. выдержку из переписки в соцсетях (рис. 1):

В отношении своих ровесников молодые люди используют слово *вежливый* при обсуждении темы знакомства, когда рассказывают, как и с кем познакомились (в т. ч. в социальных сетях), какое первое впечатление на них произвел человек; вежливость выступает «стартовой» позитивной чертой нового знакомого, но не является основной, сущностной характеристикой; наружность, как правило, противопоставляется сущности. Ср.:

Он вежливый, но какой-то мутный; Я вижу, что ты стараешься быть вежливым; Вроде и вежливый и хороший, но все равно был от него какой-то вайб нейросети.

Ср. отдельные контексты, присланные респондентами в качестве примеров употребления ими слова *вежливый* в обыденном общении (рис. 2 и рис. 3):

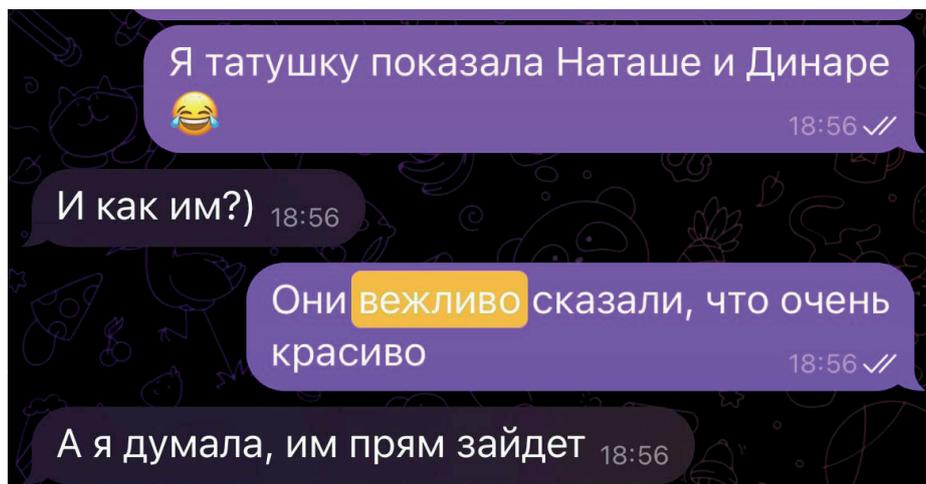

Рис. 4. Пример эвфемистического употребления.

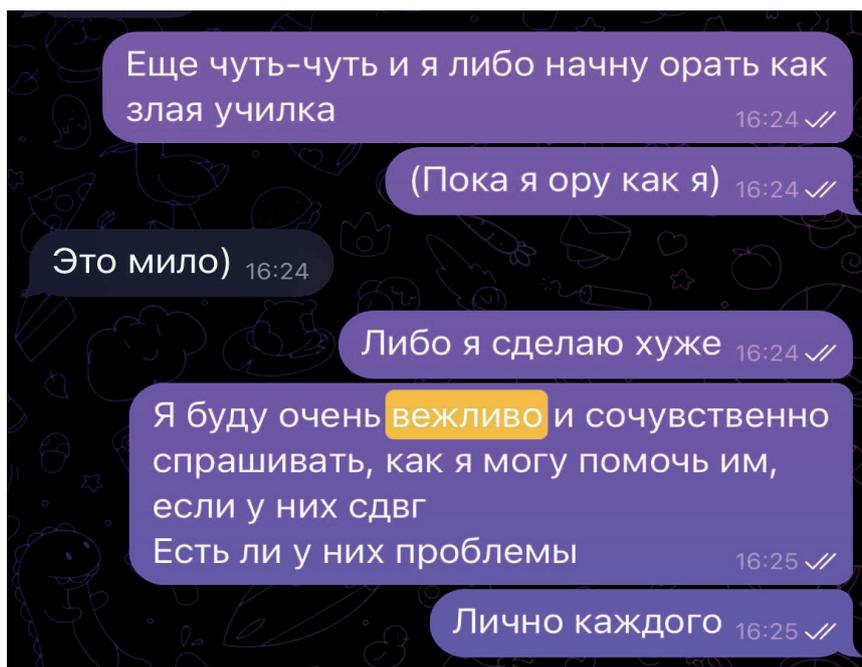

Рис. 5. Пример употребления в положительном смысле.

В большинстве примеров употребления «о себе» слово *вежливый* и его дериваты используются для описания ситуаций этикетного и ритуализованного типа; подчеркивается формальный характер вежливости; ср.:

Я вежливо поздоровалась с ней; Я всегда веду себя вежливо с незнакомыми; Я на работе со всеми очень милая и вежливая; Я ему вежливо отвечала, а он не понял, что

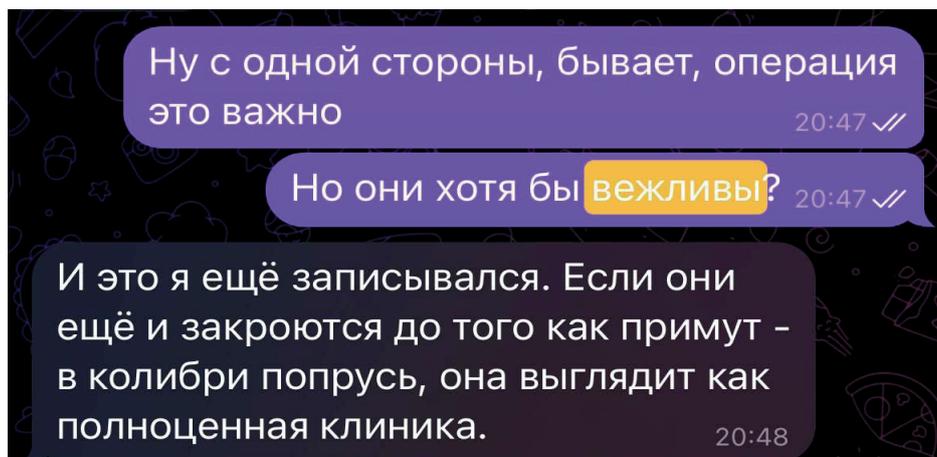

Рис. 6. Пример употребления в «измерительном» смысле.

я просто не хочу с ним общаться; В общем, я его послала нах. Раньше я с ним вежливо здоровалась, а он мою вежливость воспринял как ЗНАК.

Ср. также пример эвфемистического употребления слова *вежливо* (рис. 4):

Тем не менее некоторые из присланных респондентами примеров говорят об употреблении слов *вежливый, вежливо* в положительном сущностном плане (см. пример на рис. 5). В другом примере подчеркивается минимальная, стартовая значимость вежливости на позитивной «шкале» коммуникации (рис. 6). Ср.:

Далее шли вопросы-тесты, в которых были смоделированы некоторые типичные ситуации.

Первый вопрос-тест звучал так: *Ваша подруга поссорилась с партнером и показывает Вам свою переписку. Она переживает, что наговорила ему каких-то гадостей, но Вы видите, что с ее стороны все было нормально. Как Вы оцените ее переписку? Используете ли слово **вежливо**? А если нет, то как Вы скажете?*

98% респондентов отказались употреблять в такой ситуации слово *вежливо* и объяснили свое решение; ср.:

Нет, этого слова не будет; Это слово употреблять не буду; Скажу, что она общалась нормально и написала все как надо; Слово «вежливо» для меня звучит как наставление/нравоучение, поэтому не употребляю его по отношению к близким людям; Скажу что-то типа «все нормально, не грубо, ты вполне адекватно все сказала, по фактам»; корректно; адекватно; все было нормально; нормально, без оскорблений; тактично.

В ответах еще раз проявилась установка на то, что имеются две вежливости – формальная и сущностная. При этом «вежливость отношения», на взгляд молодых, важнее, чем «вежливость фраз». Слова, которые предложили респонденты, являются, на взгляд молодых, более тактичными, а значит, более вежливыми.

Следующий вопрос-тест звучал так: *Вы познакомились на дружеской тусовке с девушкой/молодым человеком лет 25. У вас общие интересы, вы хорошо пообщались. Вашему общему знакомому эта девушка или молодой человек сказали, что Вы очень **вежливый/вежливая**. Что это значит?*

Ответы разделились практически поровну. Одна часть аудитории восприняла оценку «очень вежливый/ вежливая» как положительную и проинтерпретировала ее в этикетном плане; ср.:

Значит, что я веду себя прилично и не грубо; Мои манеры произвели впечатление; Я произвела хорошее впечатление; Кажется, разговор прошел хорошо и др.

Другая часть увидела в оценочном суждении негативный подтекст и отреагировала на него более или менее эмоционально; ср.:

Жалко, что не «классный» или «интересный»; Странно, что они обсуждали меня в таком ключе; Думаю, он/она считает, что общение было чисто формальным; Возможно, ей показалось, что я не хочу продолжать общение; Скорее всего, ей было неинтересно со мной общаться и др.

Третий вопрос-тест описывал ситуацию, в которой оценочное суждение принадлежало старшему по возрасту: *Вы пообщались с мамой своего друга. Потом она сказала ему, что Вы очень вежливый. Как Вы это прокомментируете?* Около 80% респондентов ответили в духе: *Думаю, это очень хорошо; Я произвела хорошее впечатление и др.* Единичные ответы содержали сомнение в искренности оценки; ср.: *Она меня в чем-то подозревает; Ощущение, будто больше во мне нет ничего хорошего и др.*

На последний вопрос: *Кто для Вас является примером вежливости?* были получены ответы в словах и картинках. Ответы оказались весьма репрезентативным материалом для подтверждения актуальности прочного для русской лингвокультуры стереотипа английской (британской) вежливости и верификации новых идеалов в культурно-языковом сознании молодого поколения. На первом месте (45,8%) оказался персонаж британского актера Колина Фёрта Гарри Харт из шпионского комедийного боевика «Кингсмен секретная служба» (2014), а также другой его персонаж из более раннего фильма «Гордость и предубеждение» (1995); на втором месте – медвежонок Паддингтон (33,9%) из фильма «Приключения Паддингтона» (2014). Среди ответов выделялась также группа, которую можно условно назвать «Мой преподаватель/учитель; мои преподаватели в вузе» (27,3%). Далее по количеству ответов следуют королева Елизавета II (18,6%); английский пират Стид Боннет («джентльмен пиратов»); Бенуа Бланк, частный детектив; Дживс (персонаж сериала «Дживс и Вустер» (1990–1993), снятого по романам П. Г. Вудхауса); «советский Холмс» (в исполнении Василия Ливанова). К историческим и художественным персонажам добавляются герои фандомов и компьютерных игр: Лань Ванцзи – персонаж китайской драмы, герой фандома, гроссмейстер демонического совершенствования; Син Цю, благородный молодой, начитанный, и Чжун Ли, или дед, старый, мудрый, с манерами, – персонажи китайской компьютерной игры Геншин-импакт и некоторые другие.

Подытоживая полученные в ходе экспериментального опроса ответы, можно сказать следующее. На взгляд молодых, *вежливый* и *культурный* не синонимы; есть две вежливости – «про фразы» и «про отношение», формальная и сущностная; у старших вежливость больше «про фразы и учтивость», у молодых больше «про тактичность, эмпатичность, уважение личных границ». И у тех, и у других вежливость противостоит грубости и оскорблениям. Главными качествами в человеке являются доброта, честность, чувство юмора. Этикетные слова и выражения «здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста» и др. молодые респонденты говорят, но слова *вежливость*, *вежливый* в оценочных суждениях не используют, считают их словами старшего поколения («звучит наставнически»), однако присланные примеры употребления показывают, что данные слова используются при описании этикетных, ритуализованных ситуаций общения, для похвалы и самопохвалы, в целях эвфемизации или для выражения иронии. Вежливость и эмоциональная сфера оказываются тесно взаимосвязанными как в сознании молодых, так и в обыденной, типичной для них коммуникации и требуют дальнейшего исследования в духе «активной филологии», о которой пишет В. И. Шаховский, анализа «конкретных житейских ситуаций речи и вербального поведения языковой личности» [7, с. 85].

Список литературы

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2006.
4. Тюрина С. Ю. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. № 1. С. 92–95.
5. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
6. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. С. 80–96.
7. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Перемена, 2009.
8. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

* * *

1. Karasik V. I. Yazyk social'nogo statusa. M.: Gnozis, 2002.
2. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Rukopisny'e pamyatniki Drevnej Rusi, 2009.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy'razhenij. 4-e izd., dop. M.: Institut russkogo yazy'ka im. V. V. Vinogradova, 2006.
4. Tyurina S. Yu. Diskursivny'e markery' vezhlivosti v delovom obshhenii // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo e'nergeticheskogo universiteta. 2008. № 1. S. 92–95.
5. Formanovskaya N. I. Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticeskij podhod. M.: Russkij yazy'k, 2002.
6. Shaxovskij V. I. E'mocional'ny'e kul'turny'e koncepty': paralleli i kontrasty' // Yazy'kovaya lichnost': kul'turny'e koncepty'. Volgograd: Peremena, 1996. S. 80–96.
7. Shaxovskij V. I. Yazy'k i e'mocii v aspekte lingvokul'turologii. Volgograd: Peremena, 2009.
8. Shaxovskij V. I. E'mocii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. M.: Knizhny'j dom «LIBROKOM», 2010.

***Politeness in comprehension of the young
(on the basis of experimental inquiry on the Web)***

To study the cooperation of language, cognitions and emotions there are analyzed the comprehension, usage of the words «politeness» and «polite» and their reflection in ordinary Internet communication. There are described the results of the inquiry, conducted with the young speakers of the Russian language. The questions were developed to define what meaning the young people contribute to the word «polite», what is contrasted with the concept of politeness, who is the sample of politeness, etc.

Key words: *politeness, concept, word, meaning, usage, young respondents.*

(Статья поступила в редакцию 10.06.2024.).

Н. И. КОРОБКИНА

Волгоград

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Окказиональные онимы рассматриваются как основа некоторых стилистических приемов: иронии, метафоры, антономасии и др. В результате стилистической актуализации окказиональных знаков зодиака в астрологических прогнозах онимы выступают средством характеристики и оценочного отношения. Прогностические тексты в таком случае становятся дополнительным фоном демонстрации авторских мотивов и идей в определенном коммуникативном контексте.

Ключевые слова: *оним, окказиональный оним, стилистический прием, прогностический текст, астрологический прогноз.*

Общеизвестно, что стилистическое направление современной лингвистики занимается изучением текстов различных функциональных стилей, в которых используются разнообразные выразительные средства и стилистические приемы. Нередко основу средств художественной выразительности могут составлять не только апеллятивы (имена нарицательные), но и особый класс лексики – онимы (имена собственные).

Последние являются объектом изучения специальной комплексной науки – ономастики, которая занимается исследованием основных закономерностей истории, развития и функционирования собственных имен. Обратившись к известной работе А. В. Суперанской по ономастике, отметим, что каждый оним – это прежде всего слово с определенным набором закономерностей и свойств, со своей уникальной семантикой, развивающееся по законам языка; это бесценный лингвистический материал [11]. Именно поэтому разнообразные ономастические проблемы вызывают неподдельный интерес лингвистов и обсуждаются в научной литературе последних лет [7; 10; 12 и др.].

Обновление коммуникативного пространства современного русского языка часто происходит за счет появления в нем имен собственных окказионального характера.

Окказиональные онимы – это не существовавшие ранее имена собственные, для которых характерны следующие дифференциальные признаки: 1) постоянная новизна вне условий порождения и независимо от хода времени; 2) авторский характер; 3) появление в определенной коммуникативной ситуации; 4) создание по случаю; 5) отсутствие широкого (частотного) ситуативного функционирования [6].

Довольно часто именно онимы, в том числе и окказиональные, обладают богатым стилистическим потенциалом, который раскрывается в определенном коммуникативном контексте. Представляется справедливым сказать, что иносказательная функция имени собственного может оказаться более действенной, чем аналогичная функция у апеллятива, за счет создания ярких, неожиданных образов.

В качестве примера, иллюстрирующего некоторые стилистические особенности окказиональных номинаций, в основе которых лежат онимы, рассмотрим следующие слова: **макронить** – *часто звонить без пользы, долго и без толку болтать по телефону*; **валять шольца** – *постоянно обещать, но ничего не давать*; **меркельнуть** – *вовремя уйти откуда-либо, до того, как «подставят»*; **гейтсить** – *«подставлять» кого-либо*; **кардашьянить** – *отрацивать «заднюю точку»*; **сэрдоганить** – *всем помогать до момента, когда можно воткнуть нож в спину* и др. [4].

В основе перечисленных окказионализмов, с одной стороны, заложено имя известного политического, общественного или культурного деятеля мирового масштаба, с другой стороны, имеет место модификация фразеологической единицы (например, *валять шольца* вместо *валять дурака*) или присутствует стилистический прием антономасии, когда имя собственное употребляется в качестве имени нарицательного [8].

Данные окказионализмы, несмотря на отрицательную семантику и коннотацию со знаком «-» (минус), стилистически являются привлекательными, поскольку обладают ироническим оттенком, а также выразительностью и яркостью. Они способствуют реализации эстетической функции слова, которая организует весь речевой контекст. Благодаря этому достигается особая глубина окказионального слова, его многоплановость, полифоничность.

Еще одним проявлением имплицитного потенциала имени собственного, свидетельствующего о некоторых стилистических особенностях онимов, являются флористические наименования видов современного российского оружия: «Герань», «Тюльпан», «Гиацинт», «Пион» и пр. (см. подробнее: [9]). Здесь нет места окказиональности слова, но очевиден метафорический перенос, в основе которого лежит общеизвестный в военной среде факт – название для оружия должно быть таким, чтобы никто не догадался, для чего оно необходимо. Аналогичная авторская интенция, не допускающая утечки информации о реальном назначении оружия из соображений секретности, наблюдается и в образно-ассоциативных наименованиях иностранного оружия – «Леопарды», «Тигры», «Росомахи», «Волкодавы», «Мастиффы» и др.

Не вызывает сомнения тот факт, что общественные и языковые процессы тесно взаимосвязаны друг с другом. Как следствие, новые, ранее не существовавшие слова, в т. ч. и онимы, представляют собой закономерную реакцию на определенные социальные, культурные, экономические и другие стимулы. Одним из таких недавних отражений жизни общества в языковой системе могут служить окказиональные имена собственные, появившиеся в качестве рефлексии на экономические санкции, их последствия и отношения с Западом: *газогеддон* (*газовый* + *Армагеддон*), *энергогеддон* (*энергетический* + *Армагеддон*) (примеры взяты из [3], пояснения в скобках наши – Н. К.).

По нашему мнению, данные окказиональные онимы, возникнув в современном коммуникативном пространстве, обладают всеми необходимыми возможностями для укрепления в нем своих позиций: они вербально отражают новые экстралингвистические феномены, которые, так или иначе, затрагивают многие пласты современного общества. Следовательно, данные номинации могут начать активно использоваться с определенным стилистическим эффектом в речи современных горожан.

Стилистические особенности онимов могут быть очевидными не только в единичных окказиональных номинациях, но и в более объемных текстовых произведениях прогностического характера. К таким, в частности, можно отнести тексты о будущем, различные гороскопы, которые уже не раз становились объектами лингвистических исследований [3; 4; 5; 13].

Интересным со стилистической точки зрения является пост под заголовком «Волгоградский гороскоп 2024», который был опубликован 2 января 2024 г. в группе мессенджера «Viber» «Опер_Info_Кировский район». В этом астрологическом прогнозе присутствуют не только окказиональные ономастические номинации, но и некоторые образованные на их основе средства художественной выразительности, которые оказывают определенный прагматический эффект на говорящего / слушающего.

Сами названия знаков зодиака представляют собой окказиональные онимы, образованные по принципу блендинга: *Центророги* (*Центральный (район)* + *Козероги*), *Ворошильвы* (*Ворошиловский (район)* + *Львы*), *Краснодевы* (*Краснооктябрьский (район)* + *Девы*), *Дзержиновны* (*Дзержинский (район)* + *Овны*), *Советлеи* (*Советский (район)* + *Водолеи*), *Красноарыбы* (*Красноармейский (район)* + *Рыбы*), *Тракторпионы* (*Тракто-*

розаводский (район) + Скорпионы), Волжнецы (Волжский + Близнецы) (пояснения в скобках наши – Н.К.).

Позиционно первый компонент лексического бленда – название одного из пригородов или районов г. Волгограда, второй компонент – название одного из знаков зодиака. В случае с анализируемыми именами собственными наблюдается частичное редуцирование в морфологической структуре исходных компонентов лексического бленда, что приводит в конечном итоге к образованию нового окказионального онима компрессионного характера. Эти необычные блендовые сочетания подчеркивают подвижность языковой системы, ее динамичность и эволюционность, свидетельствуют об использовании языкового материала в креативных и стилистических целях.

Стилистический потенциал прослеживается не столько в самих окказиональных названиях знаков зодиака, сколько в связанных с ними коммуникативных контекстах, которые, по сути, можно отнести к разряду прогностических текстов. Эти контексты оказываются богатыми различными выразительными средствами и стилистическими приемами, которые не только украшают речевые произведения, но и способствуют конкретизации семантического содержания окказионализмов, о которых идет речь.

Обратим внимание на некоторые из этих коммуникативных контекстов.

1) *Центророги: Вас ждет продуктивный год! Звезды обещают всегда полный стакан латте на кокосовом в ваших руках и свободные места в кофейнях.*

В прогнозе на 2024 год для жителей Центрального района г. Волгограда, используются эпитеты – *продуктивный год, полный стакан латте, свободные места* – и эллипсис – *стакан латте на кокосовом* (молоке – комментарий наш – Н.К.). Однако в наибольшей степени эстетическое удовольствие от предсказания будущего достигается в данном случае при помощи своеобразной аллюзии к общеизвестному для жителей г. Волгограда факту: в центре города сконцентрировано наибольшее количество заведений, где можно приобрести разнообразные виды кофе. Также в анализируемом фрагменте прогностического текста чувствуется иронический оттенок: автором выражается надежда на то, что Центророги смогут найти свободные места в кофейнях, где обычно многолюдно.

2) *Красноарыбы: Пусть все проплывает мимо вас, как город за окнами электрички до дома. Главное – это сохранять баланс внутри.*

Поскольку Красноармейский район – самый отдаленный от центра г. Волгограда, то в астрологическом прогнозе неслучайно используется следующее сравнение: *Пусть все проплывает мимо вас, как город за окнами электрички до дома*. Благодаря этому стилистическому приему становится понятно, что жители Красноармейского района, чтобы добраться на работу или учебу, нередко пользуются пригородным железнодорожным транспортом. Кроме этого, для достижения желаемого стилистического эффекта в рассматриваемом фрагменте прогностического текста улавливается ассоциация между зодиакальным знаком Рыбы и предсказанием того, что все у жителей Красноармейского района должно «проплывать» мимо них.

3) *Ворошильвы: Астрологи советуют начать Новый год с новых планов. И мы не про поход в Торгушку, ну нет, ну не опять! Эх, ладно ...*

В данном случае внимание читателей привлекается с помощью использования средств художественной выразительности, которые стилистически определяют принадлежность анализируемого текста к разговорному жанру: междометий (*ну нет, ну не опять*), незаконченных предложений (*Эх, ладно ...*), слов с явно обиходно-бытовым оттенком (*Торгушка* – разговорный вариант названия магазина «Ворошиловский торговый центр» – комментарий наш – Н. К.). В любом астрологическом прогнозе на календарный год формулируются своего рода резолюции – цели и планы, которые желательно осуществить. У Ворошильвов такой установкой является стремление начинать очередной год со свежих концепций. Стилистически данная идея выражена при помощи

синтаксического повтора эллиптического характера, исключающего наличие сказуемого: *Новый год с новых планов.*

Таким образом, в результате стилистической актуализации окказиональных наименований знаков зодиака в представленных астрологических прогнозах они приобретают дополнительное содержание, выступают средством характеристики, оценочного отношения и эмоционального воздействия. Прогностические тексты в таком случае становятся дополнительным фоном демонстрации авторских мотивов и идей в определенном коммуникативном контексте.

В заключение подчеркнем, что окказиональное имя собственное способно содержать в себе стилистический потенциал, который раскрывается при необходимых коммуникативных условиях. Окказиональный оним может представлять собой выразительное стилистическое средство, функционирование которого определяется конкретной ситуацией общения. Окказиональное имя собственное может содержать в себе коннотации общеинформационного и эстетического плана, что позволяет ему выполнять разнообразные стилистические функции.

Список литературы

1. Архипова А. А. Общие и дифференциальные характеристики прогностических текстов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С. 9–20.
2. Бейм В. В. Темпоральная характеристика текстов гороскопов в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск: Сев. (Арктический) федер. ун-т, 2019.
3. Демченко В. У нас – «деяхтизация» и «дечубайсизация». А их «наглосаксы» «помакронят» и бросят // Комсомольская правда. URL: https://pressa.ru/files/issue/private/kp-penza/2023/99-2023/raw_issue/kp-penza-2023-99-2023.pdf. (дата обращения: 25.02.2024).
4. Интересно о людях: Словарь новых слов и выражений // peoples.ru. URL: <https://www.peoples.ru/anekdote/kzxkp8lk7s.shtml> (дата обращения: 11.02.2024).
5. Князева А. А. Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 207–212.
6. Коробкина Н. И. Окказиональные онимы в коммуникативном пространстве языка современного города // Городской ономастикон: материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / Отв. ред. проф. И. В. Крюкова. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 80–87.
7. Крюкова И. В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 261–266.
8. Москвин В. П. Антономасия: к уточнению понятия // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2 (02). С. 87–94.
9. Попова О. А., Соболева О. В. Ономастическое пространство российской армии (на материале наименований военной техники и вооружения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). В 2-х ч. Ч. 2. С. 129–131.
10. Сулейман М. М. Названия российских и британских телепередач в ономастиологическом аспекте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 6 (129). С. 108–114.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
12. Ханова А. А. Топонимы, гидронимы и антропонимы в китайских нарративах о Великом шелковом пути // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3 (03). С. 52–58.
13. Цзиньлэй Ч., Непомнящих Е. А. Текстологическая специфика гороскопов (на материале русского и китайского языков) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 4 (73). С. 60–62.

1. Arhipova A. A. Obshchie i differencial'nye harakteristiki prognosticheskikh tekstov // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 5 (795). S. 9–20.
2. Bejm V. V. Temporal'naya harakteristika tekstov goroskopov v nemeckom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Arhangel'sk: Sev. (Arkticheskij) feder. un-t, 2019.
3. Demchenko V. U nas – «deyahtizaciya» i «dechubajsizaciya». A ih «naglosaksy» «pomakronyat» i brosyat // Komsomol'skaya pravda. URL: https://pressa.ru/files/issue/private/kp-penza/2023/99-2023/raw_issue/kp-penza-2023-99-2023.pdf. (data obrashcheniya: 25.02.2024).
4. Interesno o lyudyah: Slovar' novyh slov i vyrazhenij // peoples.ru. URL: <https://www.peoples.ru/anekdot/kzxkp8lk7s.shtml>. (data obrashcheniya: 11.02.2024).
5. Knyazeva A. A. Teksty o predskazanii budushchego kak vid prognosticheskikh tekstov // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 114. S. 207–212.
6. Korobkina N. I. Okkazonal'nye onimy v kommunikativnom prostranstve yazyka sovremennogo goroda // Gorodskoj onomastikon: materialy Mezhdunar. nauch.-teor. onlajn-seminara molodyh issledovatelej / Otv. red. prof. I. V. Kryukova. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. S. 80–87.
7. Kryukova I. V. Aksiologicheskaya konnotaciya imeni sobstvennogo: dinamicheskij aspekt / Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. № 10. S. 261–266.
8. Moskvina V. P. Antonomasiya: k utocnieniu ponyatiya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2 (02). S. 87–94.
9. Popova O. A., Soboleva O. V. Onomasticheskoe prostranstvo rossijskoj armii (na materiale naimenovaniy voennoj tekhniki i vooruzheniya) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 3 (57). V 2-h ch. Ch. 2. S. 129–131.
10. Sulejman M. M. Nazvaniya rossijskikh i britanskikh teleperedach v onomasiologicheskom aspekte // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2018. № 6 (129). S. 108–114.
11. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. 4-e izd. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012.
12. Hanova A. A. Toponimy, gidronimy i antroponimy v kitajskih narrativah o Velikom shelkovom puti // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3 (03). S. 52–58.
13. Czin'lej Ch., Nepomnyashchih E. A. Tekstologicheskaya specifika goroskopov (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov) // Evrazijskij Soyuz Uchenyh (ESU). 2020. № 4 (73). S. 60–62.

Stylistic peculiarities of occasional proper names

Occasional onyms are considered as the basis of some stylistic devices: irony, metaphors, antonomasia, etc. In the result of stylistic actualization of occasional astrological signs in forecasts, onyms are used as the means of characterization and evaluative attitude. The prognostic texts become the additional background of demonstration of author's motives and ideas in the definite communicative context.

Key words: *onym, occasional onym, stylistic device, prognostic text, astrological forecast.*

(Статья поступила в редакцию 14.06.2024).

И. В. КРЮКОВА

Волгоград

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА 1990-Х ГОДОВ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЕ СРЕДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматриваются имена собственные, которые вошли в широкое употребление в последнее десятилетие XX века и приобрели семантические и формально-грамматические признаки precedentного имени. На примере контекстов из современной российской массовой коммуникации показана потенциальная способность данных имен использоваться в качестве эмоционально-оценочного средства.

Ключевые слова: *прецедентное имя, постсоветский период, эмоциональная оценка, коннотативная сема, ономастическая метафора.*

Периоды кардинальных изменений в экономической и социально-политической жизни любой страны всегда сопровождаются появлением новых слов и семантической трансформацией старых слов. По точному замечанию М. А. Кронгауза, «про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха» [7, с. 14].

Особенно показательны в этом отношении 1990-е годы в России, с которых берет начало постсоветский период. В. П. Безбородов внутри постсоветского периода выделяет два этапа: 1) с 1991-го по 2000 г. Этап «дикого капитализма», во время которого произошла несправедливая приватизация, приведшая к социальной стратификации, падению производства, утрате духовных ориентиров, чувств патриотизма, к расколу общества и мн. др.; 2) с 2000 г. – по настоящее время. Это период «относительной стабилизации, а точнее, неустойчивого равновесия» [2, с. 110].

Первый период, последнее десятилетие XX в., определяется, с одной стороны, как «время развала и дестабилизации (выражение “лихие девяностые” прочно входит в общественный лексикон)», с другой стороны, как время становления государственности Российской Федерации и определения ее места в мире [1]. Слова, вошедшие в речевой обиход в этот период, такие, как *гламур, новый русский, киллер, рэкет, откат* и многие другие, не раз становились объектом лингвистических исследований [7; 12 и др.]. При этом имена собственные данного периода не анализировались. Однако они наиболее чутко реагируют на общественно-политические изменения и за сравнительно короткое время приобретают коннотации эмоционально-оценочного плана. По определению В. И. Шаховского, главным в коннотации является эмотивный компонент, автор определяет коннотацию как эмоциональную окраску слова, входящую в его внутреннюю форму как один из семантических признаков «эмоции» [14, с. 29].

Кроме того, широко известные имена собственные данного периода используются не только для номинации конкретных персоналий и реалий, но и для образной характеристики других объектов более позднего периода, обладающих теми же эталонными признаками. Иначе говоря, они приобретают основное свойство precedentного имени – способность употребляться нереферентно, интенционально, использоваться в качестве культурных знаков, символов определенных качеств [4; 9 и др.].

Причины появления в постсоветский период большого количества precedentных имен разнообразны. Политические и экономические реформы, отношение к которым в обществе было неоднозначно и крайне эмоционально, надолго закрепили в речи име-

на политиков и общественных деятелей, названия общественно-политических объединений разных направлений и имена олигархов. Как это часто бывает в сложные исторические периоды, стали популярны имена новоявленных прорицателей и целителей. Начало разработки рекламных технологий на какой-то срок закрепило в речи названия финансовых пирамид и имен рекламных персонажей. Повсеместное открытие в начале 1990-х видеосалонов, в которых демонстрировались голливудские фильмы, ранее считавшихся антисоветскими и идеологически вредными, и показ по телевидению первых зарубежных сериалов, привело к закреплению в массовом языковом сознании названий многих культовых кинофильмов, мультфильмов, имен киноактеров и вымышленных персонажей.

Так в повседневную речь и массовую коммуникацию вошли имена *Горбачев, Ельцин, Черномырдин, Абрамович, Солженицын, Сахаров, ГКЧП, МММ, Мавроди, Леня Голубков, Кашиповский, Макдоналдс, Черкизовский рынок, Джеймс Бонд, Чип и Дейл, Бэтман, Санта-Барбара* и мн. др. В первоначальном употреблении они были эмоционально нейтральны. Однако, как отмечает В. И. Шаховский, текст может наводить эмоциональные семы на совершенно нейтральные слова, если объект вызывает у говорящего и отражающего определенный интерес. Несущественные признаки содержания понятия об этом объекте могут становиться существенными и получать эмоциональное осмысление [15, с. 77]. Так формируются переносные значения, приводящие к утрате ряда признаков имени собственного и развитию признаков прецедентности.

Цель данной статьи – определить признаки эмоциональной оценочности у широко известных прецедентных имен последнего десятилетия XX в. при их использовании в массовой коммуникации первой четверти XXI в.

Материалом исследования послужили контексты употребления прецедентных имен 1990-х гг. за пределами этого периода, т.е. начиная с 2000 г. и до наших дней. Основным источником контекстов стали Национальный корпус русского языка [8] и тексты средств массовой информации [16].

Полученные результаты показали наличие у широко известных имен 1990-х гг. признаков прецедентности, как семантических, так и формально-грамматических.

Прежде всего стоит отметить семантические трансформации таких имен, закрепление за каждым из них определенных эталонных признаков, которые в настоящее время эмоционально оцениваются языковым коллективом. К примеру, олигарха, который думает только о собственном обогащении, называют *Абрамовичем*; организацию, которая обманывает доверчивых граждан, – *МММ*; основателя финансовой пирамиды, мошенника – *Мавроди*; косноязычного политика – *Черномырдиным*; сложные и запутанные взаимоотношения, интриги и скандалы – *Санта-Барбарой*; шпиона – *Агентом 007* или *Джеймсом Бондом* и т.п. Примеры многочисленны:

Причем если раньше родные деньги шли в бюджет города, области, государства, то теперь мы будем отдавать их в карман новоявленных абрамовичей; МММ нашего времени: как сегодня не попасться на удочку мошенника; В настоящее время американский «Мавроди» находится под домашним арестом, куда он был помещен после залога в 10 млн. долл.; И в Америке есть свой Черномырдин. Это их президент – Буш; В Киеве не ожидали такого разоблачения своих «агентов 007» и ограничились какими-то невнятными заявлениями [16] и т.п.

Имена собственные в подобных контекстах мы рассматриваем как ономастические метафоры. Исследователи имен собственных определяют ономастическую метафору как особую речевую реализацию «воплощенного» имени собственного, обусловленную его неререферентным употреблением как контекстуально, так и прагматически [11], обращают внимание на зависимость ономастической метафоры от обстановочного контекста эпохи [3], называют ономастическую метафору яркой чертой новейшего публицистического дискурса, не использовавшейся в советской массовой коммуника-

ции [6, с. 45] и отмечают формирование в современном политическом дискурсе оноимов-фразеологизмов с образным компонентом значения [5]. В рамках теории прецедентности случаи использования ономастической метафоры определяются как случаи употребления прецедентных имен [4; 9].

При этом, по нашим наблюдениям, у многих прецедентных имен конца XX в. отмечаются переносные значения, амбивалентные в эмоционально-оценочном плане, что отражает сложное и неоднозначное отношение к персоналиям и реалиям 1990-х гг. Например, *Горбачевым* могут назвать не только политика, развалившего свою страну, но и прогрессивного политика-реформатора:

Америка накануне перестройки: там появился местный Горбачев. США решили развалить изнутри. Знакомьтесь, местный Горбачев – Александрия Окасио-Кортес; России нужен новый Горбачев. По мнению экспертов, протесты в Хабаровске продемонстрировали, что стране нужны экономические реформы, по масштабу сравнимые с изменениями 1990-х годов [16].

Имя рекламного персонажа *Леня Голубков* используется не только для образной номинации наивного и доверчивого бездельника, жертвы обмана, но и для обозначения того, кто сам обманывает доверчивых граждан: *Возьмите меня в Лёни Голубковы* (заголовок статьи об успешной попытке возрождения деятельности АО МММ); *Квартиры от Лёни Голубкова* (заголовок статьи об обманутых дольщиках) [16].

Говоря о формально-грамматических признаках прецедентности у рассматриваемых имен, отметим развитие формы множественного числа, часто с заменой прописной буквы на строчную, и употребление в типовых конструкциях с фиксированным набором определителей. Эти признаки не свойственны именам собственным в их обычном, эмоционально-нейтральном употреблении.

В ономастике для обозначения процесса образования имени в форме множественного числа используется термин «плюрализация» [10, с. 107]. Отсылка имени во множественном числе к определенной группе объектов говорит об утрате его основной функции (выделение объекта) и приобретении функции, свойственной апеллятивам (обобщение). Такие имена передают значение множественности, повторяемости признаков, присущих многим объектам в рассматриваемый исторический период. Причем в одном контексте часто соединяются имена со сходными эталонными признаками. При этом преобладает негативная оценочность. Интенсификаторами негативной коннотации выступают местоимения *какие-то, все эти, всякие*. В сочетании с прецедентным именем во множественном числе они не только передают значение множественности, но и способствуют формированию и последующему усилению коннотативных сем пренебрежения или несущественности, называют объекты, не заслуживающие уважения:

Везде обманывали народ, именно тогда с экранов ТВ хлынула ложь, пропаганда колдовства, все эти кашпировские и чумаки, лечение рака заклинаниями; Но обидно, что пришли какие-то Абрамовичи, Потанины, Прохоровы и, не вкладывая ни копейки, стали миллиардерами [16].

При этом имена с позитивной эмоциональной оценкой единичны, и они не нуждаются в дополнительных интенсификаторах: *Но, скорее всего, не так все просто, ведь были Сахаровы и Солженицыны* (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека. 2001).

Кроме того, анализ показал частотность употребления прецедентных имен последнего десятилетия XX в. в устойчивых синтаксических конструкциях – в составе нескольких метафорических моделей с разнообразными определителями. Рассмотрим их.

1) Прецедентные имена с территориальными характеристиками. Они используются в атрибутивных словосочетаниях с оттопонимическими прилагательными, зачастую образованными от названий стран, а также с прилагательным *местный* или местоимениями *наш, свой*. При этом чужая культура может выступать как эталон качеств для сво-

ей культуры: *Но я так удивилась, что меня не спешат спасать! Насмотрелась американских фильмов про 911 и решила, что у нас тут тоже спешат на помощь за секунды. Но наши Чип и Дейл – большие тугодумы. Нашему городу явно нужен Бэтмен* [16] – коннотативная сема ‘профессиональные спасатели’. И своя культура – как эталон качеств для чужой культуры: *Китайский Солженицын Лю Сяобо, умерший от рака печени в заключении, опубликовал множество работ, в том числе по китайскому национализму, при этом стал лауреатом Нобелевской премии мира, и его, естественно, не выпустили для получения ее* [16] – коннотативная сема ‘борец с существующим строем, правозащитник’. *Жан Эллентейн, порвавший с коммунизмом в ту пору, считает, что Монтан был «в некоторой степени французским Солженицыным по моральному весу в обществе»* [16] – коннотативная сема ‘моральный авторитет’.

2) Прецедентные имена с характеристиками регулярной повторяемости признака. В нашем материале это преимущественно конструкции с определителями *второй* и *новой*. Они могут использоваться при негативной эмоциональной характеристике места или человека: *Если китайцы хотят сделать там второй Черкизовский рынок, то это будет категорически неприемлемо для российской стороны* [16] – коннотативная сема ‘криминальное место, в котором нарушаются правила торговли’. Или при оценке основателей финансовых пирамид, которых с годами не становится меньше: *А строительство пирамид продолжается. В период экономического кризиса 2009 появление новых Мавроди стало нашей общей проблемой* [16] – коннотативная сема ‘финансовый аферист’. Признак повторяемости может блокироваться в конструкциях с экспрессивным отрицанием: *Сегодня много говорится о том, что российская оппозиция не может победить, потому что в ее среде нет своего Ельцина* [16] – коннотативная сема ‘политик, способный совершить государственный переворот’. *А в России сейчас не время героев. У нас не может родиться новый Виктор Цой* [16] – коннотативная сема ‘герой поколения’.

3) Прецедентные имена с темпоральными характеристиками. Эти имена, близкие по контекстуальному окружению к предыдущей группе, употребляются в конструкциях с глаголами будущего времени. Так описываются возможные прогнозы развития ситуации, не всегда утешительные: *Не станет ли Российский Пенсионный фонд вторым МММ?* [16]. Здесь тоже преобладают негативные оценки, отмечается использование прецедентных имен в речевых актах угрозы-предупреждения. В данном случае имеется в виду угроза как ‘возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события’ [13. с. 436]. Это констатирующие высказывания о будущих негативных событиях, ассоциативно связанных с событиями 1990-х гг.: *Второй ГКЧП может стать реальностью; Если появится новый Горбачев, мы тогда будем обречены, и последствия будут печальны* [16].

4) Прецедентные имена с указанием на подлинность и/или полноту признака. Данные имена сопровождаются определителями *настоящий, сплошной, полный*: *Что подделывать, если у нас все поголовно утратили вкус к настоящим вещам – настоящему кофе, настоящему вину. Сплошной «Макдоналдс»* [16]. К ним примыкают ироничные высказывания, в которых в качестве оценочных интенсификаторов используются разговорная частица *просто/прямо* и неопределенное местоимение *какой-то*. Такой «апеллятивный конвой» не только придает высказыванию характер стилистической сниженности, разговорности, но и значительно усиливает эмоциональную оценку полноты признака: *Прямо Голливуд какой-то, заложники в банке; Сериал «Здесь кто-то есть» – это просто Санта-Барбара какая-то* [16].

В заключение отметим, что данные имена собственные не только сами являются эмоционально-оценочными знаками во многих современных текстах массовой коммуникации, но и характеризуют автора речи (его политические взгляды, морально-этические установки, потребительские вкусы и т.п.). Обратим также внимание на гра-

фическую нестабильность прецедентных имен в рассмотренных выше текстовых фрагментах – контекстуальную замену прописной буквы на строчную и наличие в некоторых случаях кавычек. Этот признак прецедентного имени можно отнести к факультативным, нерегулярным, однако такие «знаки для глаз» функционально значимы, поскольку демонстрируют коммуникативное намерение автора текста обратить внимание читателя на особое, необычное, эмоционально-маркированное употребление имени собственного.

Таким образом, прецедентные имена 1990-х гг. продолжают функционировать и в наши дни, пополняя фонд эмоционально-оценочных средств русского языка.

Список литературы

1. Басинский П. В. Постсоветский период // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/5547858> (дата обращения: 16.08.2024).
2. Безбородов В. П. Формационная определенность СССР в постсоветской России // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 107–110.
3. Воронцов Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2012.
4. Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.
5. Декатова К. И. Структурно-семантические особенности политических фразеологизмов-онимов // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1. С. 87–92.
6. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2008.
7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007.
8. Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 25.08.2024).
9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
11. Ратникова И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2002.
12. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
16. East View. Журналы и газеты на русском языке // Президентская академия. Научная библиотека. URL: <https://lib.ranepa.ru/ru/informationnyeresursy/russkoyazychnye-resursy/57-east-view> (дата обращения: 31.08.2024).

* * *

1. Basinskij P. V. Postsovetskij period // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/5547858> (data obrashcheniya: 16.08.2024).
2. Bezborodov V. P. Formacionnaya opredelennost' SSSR v postsovetskoj Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. 2011. № 5 (101). S. 107–110.
3. Voroncov R. I. Onomasticheskaya metafora v russkom literaturnom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena, 2012.

4. Gudkov D. B. Lyudi i zveri. Russkie precedentnye imena i zoonimy v nacional'nom mife. Lingvokul'turologicheskij slovar'. M.: LENAND, 2020.
5. Dekatova K. I. Strukturno-semanticheskie osobennosti politicheskikh frazeologizmov-onimov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1. S. 87–92.
6. Klushina N. I. Intencional'nye kategorii publicisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2008.
7. Krongauz M. A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M.: Znak: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
8. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // URL: [https:// ruscorpora.ru](https://ruscorpora.ru) (data obrashcheniya 25.08.2024).
9. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2007.
10. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Nauka, 1988.
11. Ratnikova I. E. Imya sobstvennoe: ot kul'turnoj semantiki k yazykovoj. Minsk: BGU, 2002.
12. Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.
13. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. T. 4 / Pod red. A. P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazyk, 1981–1984.
14. Shahovskij V. I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. Voronezh: Izd-vo VGU, 1987.
15. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaya teoriya emocij: monografiya. M.: Gnozis, 2008.

***The precedent names of the 1990s as the emotional
and evaluative means in the modern mass communication***

The proper names, having passed into the general usage in the late decade of the XXth century and acquired the semantic and formal-grammatical features of the precedent name, are considered.

At the example of contexts of modern Russian mass communication there is demonstrated the potential ability of these names to be used as the emotional and evaluative means.

Key words: *precedent name, post-Soviet period, affective evaluation, connotative seme, onomastic metaphor.*

(Статья поступила в редакцию 02.09.2024).

Н. Н. ПАНЧЕНКО
Волгоград

**ОТРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ «ЭГОЦЕНТРИК»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Рассматривается коммуникативная личность «эгоцентрик», предпринята попытка доказать, что описываемая коммуникативная личность является узнаваемым типом личности. Анализируется сочетаемость номинации эгоцентрик / эгоцентрист, выделяется набор характеристик эгоцентричной личности, определяются контексты ее описания и отношение к ней социума.

Ключевые слова: коммуникативная личность, номинация, сочетаемость, Эго, эгоцентрик, эгоцентризм.

Актуальность изучения коммуникативного поведения народа или отдельной личности в настоящее время не ставится под сомнение. Понятие коммуникативного поведения, как известно, является объектом исследования нескольких направлений лингвистической науки (см. подробнее: [14, с. 42–50]), при этом особое внимание уделяется особенностям коммуникативного поведения типизируемых личностей.

На современном этапе развития лингвистики в рамках антропоцентрического подхода к исследованию языка и речи отчетливо выделяется эгоцентрическая концепция языка, в основе которой лежит ориентация на говорящего и его «Эго» / «Я».

Нельзя не отметить, что феномен эгоцентризма в последнее время все чаще привлекает внимание ученых из различных научных парадигм. Очевидно, что первенство по-прежнему принадлежит психологии и философии, имеющим длительную историю изучения концепта «Эго», развития концепции эгоцентризма и формирования различных взглядов на его природу, что не относится в полной мере к лингвистическим исследованиям, обращения к проблеме эгоцентризма в которых немногочисленны и фрагментарны [1; 13]. Этим фактом, а также интересом к изучению коммуникативной личности обусловлена актуальность предлагаемого исследования.

В данной статье попытаемся ответить на вопрос, является ли эгоцентрик типизируемой коммуникативной личностью, узнаваемой по поведенческим признакам или особенностям коммуникативного взаимодействия. Уже в первом приближении к рассмотрению данного вопроса интуитивно напрашивается положительный ответ. Показательным в этой связи является факт, что эгоцентрик в настоящее время выделяется как один из четырех основных типов личности:

Ученые из Северо-Западного университета (США) представили новую концепцию классификации людей по типам личности. Об этом говорится в пресс-релизе на портале MedicalXpress. Специалисты проанализировали данные более чем 1,5 млн. респондентов со всего мира и выяснили, что существует как минимум четыре типа личности – «типичный», «замкнутый», «эгоцентрик» и «образец для подражания» [12].

Для верификации нашего предположения рассмотрим, как в языковом сознании носителей русского языка зафиксированы представления говорящего коллектива об эгоцентричной коммуникативной личности. Для этого обратимся к контекстам описания эгоцентричного поведения, анализу комбинаторного потенциала номинации *эгоцентрик* (или ее морфологического варианта *эгоцентрист*). Общеизвестно, что сочета-

емость слов позволяет выявить зафиксированные в лексикографии компоненты лексического значения, а также набор семантических компонентов, смысл слова, актуализирующийся в конкретном контексте [8; 10, с. 10–34; 11].

Были проанализированы отобранные из Национального корпуса русского языка [7] контексты, содержащие употребление номинаций *эгоцентрик* / *эгоцентрист* и их грамматических форм (231 контекст).

Прежде всего считаем нужным обратить внимание на существование расширенного понимания эгоцентризма, согласно которому каждую личность можно рассматривать как эгоцентричную, манифестирующую свое «Эго» в любом высказывании, «примешивающую» свое «Я» на любом шаге развертывания речевой деятельности. Сходное представление об эгоцентриках находит отражение в обыденном сознании:

[Таша (жен)] *Ну, каждый человек, в той или иной степени и форме, эгоцентрик* (Форум: Мысли про ЕГЭ. 2008).

Соглашаясь в целом с данным утверждением, мы тем не менее сосредоточим свое внимание на особом типе индивида, воспринимающего свое личное Я как центр всего мироздания.

Эмпирический материал позволяет предположить, что эгоцентрик – это не ситуативная роль, варьируемая в зависимости от обстоятельств, условий коммуникации, а скорее некая сущность, обладание набором определенных качеств личности, коммуникативной в том числе. Нельзя вольно или невольно трансформироваться в эгоцентрика, превратиться на какое-то время, а затем вернуться к прежнему образу мыслей, жизни и т.д. Думается, что эгоцентричность – постоянная характеристика личности, которая находит отражение в специфических моделях поведения. Исключения составляют контексты, в которых речь идет об общественных изменениях, когда эгоцентризм рассматривается на социальном уровне и отождествляется с индивидуализмом:

*Вот и подумаешь – что хуже, а что лучше: индивидуализм, доведенный в некоторых странах до абсурда, изолированность людей друг от друга, когда они замыкаются в «мой дом-мою крепость», а потом сами же страдают от разобщенности и одиночества, или что-то иное?.. Мне начинает казаться, что то благо, которым когда-то для миллионов моих сограждан стала возможность переехать в отдельные квартиры <...> оборачивается теперь и другой своей стороной <...> дети не могли, играя и вырастая, постигать законы «дворового братства». Вот люди и превратились невольно в этиких **социальных эгоцентриков** и, выйдя в большую жизнь, агрессивно воспринимают всех непохожих на себя, а особенно тех, кто в чем-то лучше их* (И. К. Архипова. Музыка жизни. 1996).

Тезис об интроспективности и эгоцентричности художественного мышления человека [2; 3; 4, с. 29–40] находит подтверждение в контекстах, наделяющих представителей творческих профессий эгоцентричными чертами как имманентно присущими им характеристиками личности:

... главный эгоцентрик русской литературы (А. Ю. Колобродов. Неактуальный юбиляр. Новые сюжеты покойного писателя. 2011);

... не уйти от сравнения со строчками эгоцентрика Пастернака, обращенными уж точно к себе, к поэту (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них. 2004-2008);

Рассказчик – ничем не примечательный субъект. Эгоцентрик. А рассказывать имеет смысл только нечто значительное в глазах читателя (В. Баевский. Счастье. 2004);

Эгоцентрик-литератор был убежден, что все только и делают, что думают о нем, о его сочинениях, поведении (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов». 1997);

Артист отдает все за «чечевичную похлебку» успеха. Артист по своей природе – эгоцентрик. Даже самый заурядный человек, случайно попавший в артисты, а такие случаи известны, начинает разделять корпоративные, «цеховые» нормы поведения, ощущать свою «инаковость» (Г. Г. Дадамян. О театре и сверхтеатральном времени. 1988).

Доказательством того, что в массовом русскоязычном сознании существуют некие типизированные представления об эгоцентричной коммуникативной личности, служат примеры: *Он был образцовый эгоцентрик; Вы – образец эгоцентрика*, предполагающие наличие в сознании говорящих определенного эталона соответствующего поведения – поведения человека, всецело сконцентрированного на себе, собственных чувствах, интересах и желаниях:

Даже в актерской среде я не запомню подобного эгоцентрика. «Я» настолько в нем поглощает и держит в цепях все его душевные способности, что он уже не может этого заметить, попадая в смешное положение (К. А. Федин. Распахнуть все окна... Из дневников 1953–1955 гг. 1986).

Гипертрофированную концентрацию на своих чувствах и переживаниях, отсутствие адаптации к собеседнику (о факторе адаптации к собеседнику см. подробнее: [5, с. 31–39]), заикленность на своем «Я», пожалуй, можно считать основной характеристикой эгоцентричного коммуникативного поведения:

– Послушайте, Слава, вы звоните мне уже два месяца. Вы ни разу не поинтересовались, кто я, как живу, вы все о себе. Я в курсе всех ваших дел. По-моему, вы образец эгоцентрика (Д. Гранин. Нина. 1999).

Чрезмерная сосредоточенность на собственной персоне наглядно фиксируется в афористическом контексте:

Эгоцентрик – это такой субъект, который, кроме собственной метрики, ничего не читает (Дон Аминадо. Афоризмы. 1920-1935).

Поведение эгоцентрика обнаруживает сходство с поведением эгоиста, неслучайно, в лексикографических источниках, отражающих наивно-языковую картину мира, эгоцентризм трактуется как *крайняя степень эгоизма* [9], а в контекстах номинация *эгоцентрик* нередко употребляется в синтагматической близости к номинации *эгоист*:

<...> чудовищного эгоиста, эгоцентрика, подчиняющего все своим личным интересам, своему тщеславию и корыстолюбию (М. М. Морозов. Шекспир на сцене театра имени Хамзы. 1950);

<...> вся моя жизнь сложилась так, чтобы сделать из меня эгоиста и эгоцентрика (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941).

Коллокации, таким образом, способствуют уточнению понятия, раскрывая многообразие его семантических признаков, отражают сущностные и ценностные характеристики денотата, а также «насыщают» слово разнообразными семантическими нюансами, эксплицируемыми в высказывании. При этом нередко контекст, благодаря эксплицитной актуализации одного из семантических признаков понятия, «высвечивает» его значимые характеристики:

Если весь год воспитываем самлюбивого эгоцентриста, то, конечно, реакция на пост у него будет не радостная [6].

Отношение окружающих к эгоцентрикам, судя по анализу сочетаемости, исключительно отрицательное, эксплицитно выражающее презрение и неприятие: *прожженный эгоцентрик; законченного эгоцентрика; чудовищного эгоцентрика; ядовитый эгоцентрик; неисправимом эгоцентрике; эгоцентрист проклятый; бессердечнейший эгоцентрист.*

Выражению отрицательного отношения к эгоцентричным личностям служат и гневная интонация, адресованная эгоцентрику, и описание «последствий», сопутствующих эгоцентрическому поведению человеческих пороков:

«Рухнул в себя, как в пропасть!» (Эти слова я слышала от нее не раз. Они проносились по адресу эгоцентриков, и интонация Ахматовой бывала гневной...) (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы. 1957–1985);

Грацианский – эгоцентрик, с вытекающими из этого всеми последствиями: подлостью, трусостью, злостью, завистью и неограниченным стремлением к захвату власти (Н. Тарасова. Об источниках живой воды. 1954).

Поведение эгоцентрика нередко воспринимается массовым языковым сознанием как чрезмерное, максимально отличающееся от привычного, условно нормального:

Он был эгоцентриком до мозга костей, ужасно жалел себя и не мог поверить, что Аня не разделяет этой жалости (Ю. М. Нагибин. О Галиче – что помнится. 1994);

<...> будучи крайним эгоцентриком, считал, что Эдит может выйти замуж только за человека, который вместе с ней будет работать в качестве его помощника (протоиерей Георгий Чистяков. В поисках Вечного Града. 1999).

Комплекс превосходства, присущий эгоцентрикам, может достигать максимально-го уровня, характеризующего неискоренимость эгоцентричного поведения, что находит отражение в атрибутивном признаке *закоренелый*:

Смешно было предполагать, чтобы этот закоренелый эгоцентрик испытывал стыд за поступки своих соплеменников, и молчание его каким-то странным образом начинало действовать мне на нервы (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Сказка о Тройке. 1967–1968);

Эгоцентрик такого уровня эгоцентризма, да еще относительно молодой, здоровый и энергичный... (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Все изложенное позволяет подтвердить гипотезу о существовании в языковом сознании представления о типизируемой коммуникативной личности «эгоцентрик», характеризующейся заикленностью на своем «Я», концентрацией на собственных чувствах, интересах и желаниях, что провоцирует негативное отношение окружающих.

Список литературы

1. Абросимова Н. Г. Актуализация эгоцентрической точки зрения речевого субъекта в текстах деловой и повседневной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2019.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 5-е изд., доп. Киев: Next, 1994.
3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.
4. Гончарова Е. А. Эгоцентризм и интроспекция как основа композиции и архитектоники художественного текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 29–40.
5. Гуляева М. А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 3. С. 31–39.
6. Мицкевич П. Пост – это не замена мяса на еще более вкусную рыбу! // «Комсомольская правда» в Беларуси. URL: <https://www.kp.ru/daily/25648/811855/06.03.2011> (дата обращения: 27.07.2024).
7. Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.07.2024).
8. Никитин М. В. Лексическое значение слова: структура и комбинаторика. М.: Высшая школа, 1983.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
10. Стернин И. А. Коммуникативный анализ семантики слова // Текст – дискурс – картина мира. Воронеж, 2011. Вып. 7. С. 10–34.
11. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011.
12. Ученые обнаружили новые типы личности // Известия.iz.ru. URL: <https://iz.ru/790460/2018-09-18/uchenye-obnaruzhili-novye-tipy-lichnosti> (дата обращения: 27.07.2024).

13. Хомякова Е. Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности: На материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2002.

14. Ху Юйпинь. Коммуникация и коммуникативное поведение как объект изучения в гуманитарных науках // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1. С. 42–50.

* * *

1. Abrosimova N. G. Aktualizaciya e`gocentricheskoj točki zreniya rechevogo sub`ekta v tekstax delovoj i povsednevnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: Ros. gos. pedun-t im. A. I. Gercena, 2019.

2. Baxtin M. M. Problemy` poe`tiki Dostoevskogo. 5-e izd., dop. Kiev: Next, 1994.

3. Vinogradov V. V. Problemy` russkoj stilistiki. M.: Vy`sshaya shkola, 1981.

4. Goncharova E. A. E`gocentrizm i introspekciya kak osnova kompozicii i arhitektoniki xudozhestvennogo teksta // Nemeckaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. SPb.: SPbGU, 2013. S. 29–40.

5. Gulyaeva M. A. O nekotory`x osobennostyax kommunikativnogo povedeniya rossijskoj molodezhi // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social`no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3. S. 31–39.

6. Miczkevich P. Post – e`to ne zamena myasa na eshhe bolee vkusnuyu ry`bu! // Komsomol`ska ya pravda» v Belarusi. URL: <https://www.kp.ru/daily/25648/811855/06.03.2011> (data obrashheniya: 27.07.2024).

7. Nacional`ny`j korpus russkogo yazy`ka // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashheniya: 18.07.2024).

8. Nikitin M. V. Leksicheskoe znachenie slova: struktura i kombinatorika. M.: Vy`sshaya shkola, 1983.

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. M: Az``, 1992.

10. Sternin I. A. Kommunikativny`j analiz semantiki slova // Tekst – diskurs – kartina mira. Voronezh, 2011. Vy`p. 7. S. 10–34.

11. Sternin I. A., Salomatina M. S. Semanticheskij analiz slova v kontekste: Ucheb. posobie. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2011.

12. Ucheny`e obnaruzhili novy`e tipy` lichnosti // Izvestiya.iz.ru. URL: <https://iz.ru/790460/2018-09-18/uchenye-obnaruzhili-novye-tipy-lichnosti> (data obrashheniya: 27.07.2024).

13. Xomyakova E. G. E`gocentrizm rechemy`slitel`noj deyatel`nosti: Na materiale anglijskogo yazy`ka: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2002.

14. Xu Yujpin`. Kommunikaciya i kommunikativnoe povedenie kak ob`ekt izucheniya v gumanitarny`x naukax // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social`no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1. S. 42–50.

Reflection of communicative personality “egocentric” in linguistic consciousness of the native speakers of Russian

The communicative personality «egocentric» is considered. There is made an attempt to prove that the described communicative personality is a recognisable type of personality. The combinability of nominations of egocentric/egotist is analyzed. There is emphasized the set of characteristics of self-centered personality. The contexts of its description and the society`s attitude to it are identified.

Key words: *communicative personality, nomination, combinability, ego, egocentric, egocentrism.*

(Статья поступила в редакцию 14.08.2024).

ЭМОТИВНЫЙ ЯЗЫК КАК МАРКЕР РЕВЕРСА ЭМОЦИЙ В КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ «ОВЛАДЕТЬ СОБОЙ»

На примере категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой» иллюстрируется реверс эмоций. В качестве его маркера рассматривается эмотивный язык. Постулируется, что реверс эмоций обнаруживается через соотношение эмоциональности (тех эмоций, которые коммуникант действительно испытывает) и эмотивности (тех эмоций, которые коммуникант (не)выражает). Демонстрируется, что эмотивный язык маркирует реверс эмоций, когда коммуниканту удается «овладеть собой».

Ключевые слова: лингвистика эмоций, эмотивный язык, маркер, реверс эмоций, категориальная эмоциональная ситуация «овладеть собой».

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык.

В. И. Шаховский

Данная статья представляет собой оммаж В. И. Шаховскому, которому в 2024-м году исполнилось бы 85 лет. Невозможно недооценить вклад, который ученый внес в отечественную лингвистику эмоций [15]. Высокий научный рейтинг ученого подтверждают следующие данные: цитирований – 1076, индекс Хирша – 34 [17]. Фундаментальным трудом ученого является монография «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [16]. Переиздание данной книги уже не при жизни ее автора свидетельствует об актуальности поднимаемых в ней проблем и убеждает, что современным исследователям осталось научное наследие, из которого можно бесконечно черпать творческое вдохновение.

Классикой стал предложенный В. И. Шаховским метаязык: *эмоция, эмоциональность, эмотивность, эмотивный язык, номинация, дескрипция, экспрессия эмоций, категориальная эмоциональная ситуация* и мн. др. Напомним принадлежащие ученому формулировки именно данных терминопонятий, поскольку они необходимы нам в данной статье.

Эмоции – одна из форм отражения мира, отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку, т.е. не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. Эмоции являются способом оценки этого значения для конкретного человека и через нее – информацией о состоянии внутренне-го «я», его сознания и психики. Эмоции есть только там, где есть интерес и отношение.

Эмоциональность – это чувствительность человека к эмоциональным ситуациям и его эмоциональные (чувственные) реакции на них.

Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции; имеет два плана: план содержания и план выражения, через которые манифестируются эмоциональные отношения / состояния говорящих.

Эмотивный язык – научная абстракция, содержание которой составляет совокупность всех языковых, речевых, кинетических и фонационных (просодических) средств общения человека и кодифицированных правил их употребления для выражения и называния эмоций.

Выражение эмоций – их экспрессия, манифестация: неязыковая (мимика, жесты, фонация и пр.) и языковая (средства языка, без называния выражаемой эмоции). Ср. *обозначение эмоций*: гнев, страх, радость, печаль и т.д. и *описание эмоций*: он гневно сверкнул очами.

Категориальная эмоциональная ситуация – определенная эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной и абстрактной ситуацией, которая называется типовой ситуацией (категориальной). Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т.д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоцию [13, с. 23, с. 24, с. 29, с. 181].

В. И. Шаховский занимался анализом эмотивов и в системном, и в коммуникативном планах: от словаря к полю, а от него – к тексту. Для сбора и обработки данных ученый не использовал различного рода компьютерные программы. Исследователи, развивающие идеи В. И. Шаховского, на наш взгляд, могут комбинировать оба способа. В данной статье использование компьютера значительно облегчило как поиск по ключевым словам работ на сходную тематику, так и поиск определений ключевых слов в различных электронных базах словарей. Быстрым и удобным также был поиск материала исследования. Однако эмотивный анализ мы выполняли без использования компьютера.

В работе «Методы коммуникативных исследований» О. А. Леонтович цитирует мнение Дж. Корбина (J. Corbin), А. Страусса (A. Strauss) и отмечает положительные стороны применения компьютеров в ходе исследования [1]. Они заключаются в том, что компьютеры помогают организовывать, систематизировать и хранить данные, играют важную роль в оценке исследования, повышают «методологическую сознательность» ученого, позволяя отслеживать принятые на разных этапах работы решения, показывая недостаточно проработанные категории, логические ошибки, недостатки в концептуализации. О. А. Леонтович приводит и противоположную точку зрения методологов М. Агара (M. Agar), Н. Филдинга (N. G. Fielding), Р. Ли (R. M. Lee) [Там же, с. 27], которые высказывают опасение, что использование компьютеров в научных исследованиях снижает креативность, делает аналитический процесс чрезмерно механистическим и может привести к так называемому «технологическому детерминизму», когда не исследователь, а компьютер будет структурировать анализ. В мире, в котором стираются границы между действительным и виртуальным мирами, заключает О. А. Леонтович, компьютер становится надежным помощником и своего рода продолжением «я» исследователя» [Там же]. Как было сформулировано выше, в нашем случае компьютер действительно значительно облегчил утомительную рутинную работу и дал нам свободу для творческого эмотивного анализа.

Следуя идеям и стилю В. И. Шаховского, в данной статье рассмотрим такую актуальную категориальную эмоциональную ситуацию, как «овладеть собой». Она не была ранее описана в современной лингвистике эмоций: поиск в [4] выявил отсутствие публикаций на эту тему.

В «Словаре русских синонимов» представлены такие варианты «*овладеть собой*»: *сдержаться, перебродить, взять себя в руки, уgomониться, перекипеть, перемочься, поостыть, вытерпеть, скрепиться, успокоиться, унять, утихомириться, воздержаться, утерпеть, остыть, стерпеть, удержаться, уходить, устаканиться, сдержаться* [2].

В «Учебном фразеологическом словаре» [3] видим следующие: «*владеть/овладеть собой*»: Чаше сов. *Сохранять хладнокровие, уметь сдерживать свое волнение, свои чувства, порывы. = Держать себя в руках. Горбун содрогнулся, поднялся... и медленно вышел. Но на улице уже не мог владеть собой – зашагал своими длинными и тонкими но-*

гами быстрее... (И. Бунин.). Дочь не рванулась ко мне, не заторопилась, а, быстро овладев собой, ... подошла и нехотя дала себя обнять (В. Распутин.).

В качестве аргументации актуальности названной категориальной эмоциональной ситуации приведем следующий тезис В. И. Шаховского: «Тут к месту можно привести слова Аристотеля о том, что самое редкое качество – это уметь рассердиться именно на того человека, рассердиться до правильной степени и в правильное время, с правильной целью и правильным образом. Квинтэссенцией интерпретации понятия “эмоциональный интеллект” могут послужить следующие слова Д. Гоулмана: эмоциональный интеллект помещает эмоции в центр адаптивной способности человека к жизни. Эмоциональный интеллект человека – это рационализация эмоций, а значит, сознательное управление ими в любых категориальных эмоциональных ситуациях, в т. ч. и в стрессовых» [14, с. 14].

В рамках категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой», предложенной выше, наше внимание привлекает соотношение эмоциональности и эмотивности, которое помогает обнаружить, т.е. маркирует, реверс эмоций.

Поисковые запросы *реверс эмоций* [8; 9] и *эмоциональный реверс* [18; 19] не дают результатов, что свидетельствует о новизне предлагаемой в данной статье формулировки.

Слово *реверс* происходит от лат. *revērsus* – *обращенный назад* [7]. *Реверс* понимается как *возврат* [6].

Согласно гипотезе данной статьи, реверс эмоций возможен именно в категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой». Если коммуниканту удастся овладеть собой, реверс его эмоций проявляется через эмотивность. Если же овладеть собой коммуниканту по каким-то причинам не удастся, реверс эмоций нельзя считать состоявшимся. Но в обоих случаях очевидной становится асимметрия эмоциональности и эмотивности, о которой мы писали ранее [11].

Поскольку источниками данных для коммуникативных исследований могут становиться материалы, относящиеся к любым формам общения: живая речь, художественная литература (стилизация под реальную коммуникацию), популярная литература, массовая коммуникация (газеты, журналы, телевизионные программы), кинотека и т.д. [1, с. 24], мы в качестве материала исследования выбрали художественную литературу с ее стилизацией под реальную коммуникацию.

Изначально подобрать нужный контекст для иллюстрации категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой» нам помог ресурс ruscorpora.ru [5]. Всего по запросу «овладеть собой» системой было найдено 88 текстов и 99 примеров. Мы прочитали все примеры и выбрали для анализа пример № 84 – Г. И. Успенский. Из памятной книжки (1876): *«Если же иной раз ему удавалось пересилить себя и овладеть собой настолько, чтобы не стесняться присутствием жены, – зато какво было им оставаться с глазу на глаз?»* [5].

В рамках метода эмотивного анализа найдем в данном фрагменте текста все случаи названия, описания и выражения эмоций. Стилизация художественной коммуникации под реальную и комментарии самого автора облегчают задачу. Анализируемый фрагмент является показательным для иллюстрации категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой». В нем показаны оба случая: и когда реверс эмоций состоялся, и когда его не произошло. Принятые сокращения: *Н* – название, *О* – описание. Рядом с буквенным обозначением используется числовое, необходимое для подсчета эмоций. Особое внимание обратим на отсутствие в анализируемом фрагменте случаев выражения эмоций персонажами. Это объясняется тем, что в приводимом фрагменте нет прямой речи персонажей. Заметим также, что не существует единого подхода к классификации эмоций [10]. Названные и описанные эмоции в анализируемом фрагменте мы сверяли по списку наиболее частотных эмоций человека [14, с. 137–138] и кластерам эмоций [14, с. 140–142].

В развернутом виде пример № 84 выглядел так: *Это вгоняло ее в какое-то упорство (О-1), в какое-то тупое негодование (Н-1) на свое положение и возбуждало охоту (О-2) разорвать всякую связь с тем новым кругом мужниных дел и знакомств, благодаря которым она ежеминутно должна была чувствовать себя душой (О-3)... Нужно было видеть, что за мучения (Н-2) испытывали они оба, появляясь в обществе или принимая у себя. Они были истинные мученики (Н-3), и любезность (О-4) и развязность (О-5) мужа в присутствии жены были связаны почти по рукам и по ногам (О-6) – он чуял (О-7), что она смотрит (О-8), и не мог врать (О-9) перед новыми знакомыми с того же развязностью (О-10), как если бы ее здесь не было. Если же иной раз ему удавалось пересилить себя (О-11) и овладеть собой (О-12) настолько, чтобы не стесняться (О-13) присутствием жены, – зато каково было им оставаться с глазу на глаз (О-14)? Спрашивается, из-за чего все это вранье (О-15) и притворство (О-16)? Из-за чего эта мука (Н-4), эта напряженная (О-17) выдумка разговоров с людьми, которых презираешь (Н-5)? Эти вопросы чуть не ежеминутно задавали впалые и, отчасти, гневные (Н-6) глаза жены; они выводили мужа из себя (О-18) [5].*

Итак, в анализируемом фрагменте 6 случаев названия, 18 случаев описания и нет случаев выражения эмоций. В рамках данной статьи мы ограничены объемом, поэтому демонстрируем сам принцип эмотивного анализа текста и результаты количественного подсчета в пределах анализируемого фрагмента.

Мы прочитали и полный текст художественного произведения, чтобы узнать его вертикальный контекст [12]. Обращение к полному тексту произведения было необходимо, чтобы верифицировать наше понимание, почему иногда мужу было так трудно овладеть собой и почему иногда ему это удавалось.

Мучение мужа в отношении его жены – эмоция, которую он пытается реверсировать. Когда ему удастся овладеть собой, то, появляясь в обществе или принимая у себя гостей, он может быть любезным и развязным с ними, – с теми, которых он презирает. Успешный или неуспешный реверс его эмоций связан с тем, что ему приходится врать в присутствии жены. Выражая положительные эмоции, муж в то же время испытывает отрицательные. Мы убеждаемся в этом, когда видим, какие эмоции своего персонажа автор называет и описывает в тексте. Когда ему удастся «овладеть собой», т.е. пересилить себя в свете в присутствии жены, он непринужденно лжет. Иногда пересилить себя в свете в присутствии жены не удастся, тогда муж скован. Наедине с ней реверс эмоций не получается вообще. Мучение обоих связано с тем, что они оба знают, что он лжет. Вспомним латинский афоризм Марка Фабия Квинтилиана «*Conscientia mille testes*» («Совесть – тысяча свидетелей»).

Подведем итоги. Изначально нашей гипотезой не было утверждение, что реверс эмоций означает выражение неискренних эмоций. Мы полагали, что реверс эмоций демонстрирует способность человека «овладеть собой» и не выразить те эмоции, которые он по какой-то причине не хочет выражать. Однако анализ материала продемонстрировал, что наша гипотеза была неполной. Принципиально важным считаем наблюдение, что реверс эмоций возможен тогда, когда человеку удастся «овладеть собой». Отметим также, что анализ названных, описанных и выраженных эмоций позволяет заметить, что произошел реверс эмоций. Эмотивный язык является маркером реверса эмоций в категориальной эмоциональной ситуации «овладеть собой».

Список литературы

1. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.
2. Овладеть собой // Словарь русских синонимов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/254555/%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%8C (дата обращения 27.03.2024).
3. Овладеть собой // Учебный фразеологический словарь. Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. М.: АСТ, 1997. URL: <https://phraseologiya.academic.ru/149/%D0%BE%D0%B2>

- %D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%8C_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B9 (дата обращения: 27.03.2024).
4. Овладеть собой // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (дата обращения: 27.03.2024).
 5. Овладеть собой // URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CIqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKL7N%2FdPooK4JQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCJgokCiIKA3JlcRIbChnQstC70LDQtNC10YLRjCDRgdC%2B0LHQvtC5MAE%3D> (дата обращения: 27.03.2024).
 6. Реверс // Словарь русских синонимов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/152901 (дата обращения 25.03.2024).
 7. Реверс // Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М.: Русский язык, 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31543 (дата обращения: 25.03.2024).
 8. Реверс эмоций // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (дата обращения: 25.03.2024).
 9. Реверс эмоций // URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=реверс+эмоций> (дата обращения: 25.03.2024).
 10. Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология. 2016. Вып. 4. С. 12–27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29237964_86334054.pdf (дата обращения: 29.03.2024).
 11. Солодовникова Н. Г., Гребнёва Е. А. Асимметрия эмоциональности и эмотивности // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 55–60.
 12. Успенский Г. И. Из памятной книжки // URL: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_1875_iz_ramyatnoy_knizhki.shtml (дата обращения: 27.03.2024).
 13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
 14. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2009.
 15. Шаховский В. И. // Энциклопедия о заслуженных учителях и работниках системы образования Волгоградской области. Вып. II. М.: Планета, 2022. С. 174–175.
 16. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: на примере лексики английского языка. URSS, 2023.
 17. Шаховский В. И. // URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478918&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения: 29.03.2024).
 18. Эмоциональный реверс // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (дата обращения: 25.03.2024).
 19. Эмоциональный реверс // URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=эмоциональный+реверс> (дата обращения: 25.03.2024).

* * *

1. Leontovich O. A. Metody kommunikativnyh issledovaniï. M.: Gnozis, 2011.
2. Ovladet' soboj // Slovar' russkih sinonimov. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/254555/%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%8C (data obrashcheniya: 27.03.2024).
3. Ovladet' soboj // Uchebnyj frazeologicheskij slovar'. E. A. Bystrova, A. P. Okuneva, N. M. Shanskij. M.: AST, 1997. URL: https://phraseologiya.academic.ru/149/%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%8C_%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B9 (data obrashcheniya: 27.03.2024).
4. Ovladet' soboj // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
5. Ovladet' soboj // URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CIqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKL7N%2FdPooK4JQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCJgokCiIKA3JlcRIbChnQstC70LDQtNC10YLRjCDRgdC%2B0LHQvtC5MAE%3D> (data obrashcheniya: 27.03.2024).
6. Revers // Slovar' russkih sinonimov. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/152901 (data obrashcheniya: 25.03.2024).
7. Revers // Tolkovyj slovar' inostrannyh slov L. P. Krycina. M.: Russkij yazyk, 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31543 (data obrashcheniya: 25.03.2024).
8. Revers emocij // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (data obrashcheniya: 25.03.2024).
9. Revers emocij // URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=revers+emocij> (data obrashcheniya: 25.03.2024).

10. Simonova O. A. Bazovye principy sociologii emocij // Vestnik SPbGU. Seriya 12: Sociologiya. 2016. Vyp. 4. S. 12–27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29237964_86334054.pdf (data obrashcheniya: 29.03.2024).
11. Solodovnikova N. G., Grebnyova E. A. Asimetriya emocional'nosti i emotivnosti // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 55–60.
12. Uspenskij G. I. Iz pamyatnoj knizhki // URL: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_1875_iz_pamyatnoj_knizhki.shtml (data obrashcheniya: 27.03.2024).
13. Shahovskij V. I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. M.: Izd-vo LKI, 2008.
14. Shahovskij V. I. Yazyk i emocii v aspekte lingvokul'turologii: Ucheb. posobie. Volgograd: Peremena, 2009.
15. Shahovskij V. I. // Enciklopediya o zasluzhennyh uchitelyah i rabotnikah sistemy obrazovaniya Volgogradskoy oblasti. Vyp. II. M.: Planeta, 2022. S. 174–175.
16. Shahovskij V. I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka: na primere leksiki anglijskogo yazyka. URSS, 2023.
17. Shahovskij V. I. // URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478918&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (data obrashcheniya: 29.03.2024).
18. Emocional'nyj revers // URL: <https://www.elibrary.ru/keywords.asp> (data obrashcheniya: 25.03.2024).
19. Emocional'nyj revers // URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=emocional'nyj+revers> (data obrashcheniya: 25.03.2024).

Emotive language as the marker of reverse of emotions in categorial emotional situation «to recover temper»

At the example of categorial emotional situation «to recover temper» the reverse of emotions is illustrated. The emotive language is considered as its marker. It is stated that the reverse of emotions is discovered in terms of correlation of emotionality (the emotions that the communicator feels) and emotiveness (the emotions that the communicator does not express or express). It is demonstrated that the emotive language indicates the reverse of emotions when the communicator manages to recover temper.

Key words: *linguistics of emotions, emotive language, marker, reverse of emotions, categorial emotional situation «to recover temper».*

(Статья поступила в редакцию 22.07.2024).

А. А. ШТЕБА
Волгоград

ЭМОТИВНОСТЬ В АСПЕКТЕ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ

Эмотивность традиционно рассматривается как сущностная характеристика семантики любых языковых знаков по причине наличия явных или скрытых эмосем. Приблизительность (нечеткость) выделяется как сущностная характеристика эмотивности: эмотивность всегда остается системой с множеством точек потенциального равновесия. Четкая эмотивность включает в себя выделяемые традиционно в эмотивной лингвистике классы эмотивов. Нечеткая эмотивность вбирает как изменение эмотивного статуса эмотивов, имеющих конвенциональную эмоционально-оценочную составляющую, так и разного рода нетипичные способы номинации, дескрипции и экспликации эмоций.

Ключевые слова: *приблизительность, нечеткость, эмотивность, эмосема, феноменология, энергетический потенциал, смысл.*

Конвенциональная семантика всегда условна, когда лингвистический взгляд на объект точнее математического или физического. Со сказанным соглашается К. И. Бринев, который подчеркивает, что факты определяют названия, когда названия – сокращения для фактов [2, с. 39]. Прав В. И. Шаховский, утверждавший, что лингвистика становится базовой наукой для всех современных наук [16, с. 53]. Лингвистика исходит из множественности интерпретаций и принятие данного условия сближает лингвистический подход с естественной организацией вселенной: идеальный образ предмета многообразен, один и тот же предмет удовлетворяет разные потребности и может выступить мотивом различной деятельности, поэтому любой предмет многомерен [11, с. 12]. Такое понимание значимости социогуманитарных наук, в частности лингвистики, сравнимо с отношением научного сообщества к месту эмоций в языке. Изначально эмоции считались лишь фактуальным остатком, в необходимости отдельного изучения которого имелись сомнения, но затем важность эмоций в процессах деятельности человека (в т.ч. языковой, речевой, коммуникативной, дискурсивной) вывела сферу эмоционального в исследовательский авангард.

В своей кандидатской диссертации, предметом исследования которой выступило понятие эмотивно-субъективной оценки, средств и способов языкового выражения субъективной эмоциональности в английском языке [17], В. И. Шаховский затрагивает и частную проблему эмотивного аспекта семантики слов, тем самым закладывая основы для дальнейших исследований в области эмотивной лингвистики. К задачам, которые ставит ученый, отнесены исследование объективности эмотивной семы в семантической структуре, изучение условий реализации данной семы, в т.ч. валентностного потенциала лексических единиц. Исследовательский фокус внимания смещен к дериватам имен существительных, образованных преимущественно суффиксальным способом. Ученый указывает, что ряд суффиксов имеет аффективное происхождение (суффиксы ласкательности, уничижительности и т.п.), что соответствует понятию эмотивно окрашенных дериватов.

Совмещение в семантической структуре диминутивных суффиксов предметно-логической и эмотивно-оценочной составляющих является признаком бифункциональности: реализацией объективно-различительной и эмотивно-экспрессивной функций. Несмотря на сдержанность изложенного подхода к месту и значимости эмотивного компонента семантики, подчеркивается, что эмотивно-оценочные оттенки значения мо-

гут превращаться в основное содержание деривата. В аспекте анализа семной структуры эмоционально-оценочных дериватов показано, что эмотивная сема не зависит в них от индивидуального употребления, а, напротив, остается объективной для всех говорящих. При рассмотрении оценочных прилагательных, становящихся средством выражения эмотивно-субъективной оценки, выделены узуально-эмоциональные и узуально-нейтральные прилагательные, которые отнесены к категории объективных информаторов, пустых в плане эмотивного содержания. Интересным является осуществленный анализ дистрибутивных связей внутри трехкомпонентных словосочетаний (прилагательное + прилагательное + существительное) для экспликации эмотивно-субъективной оценки. Показано, что положительно оценочное существительное предполагает сочетание с положительно оценочным прилагательным и наоборот. Подобный структурный подход был необходим как начальный этап изучения сочетаемостного потенциала эмоционально-оценочных слов и установления его безграничного потенциала.

Ряд бегло обозначенных в кандидатской диссертации В. И. Шаховского проблем в дальнейшем входит в проблемное поле эмотивной лингвистики. К примеру, значимость валентностного потенциала слов как актуализатора эмотивной семантики трансформируется позднее в понятие эмотивной валентности. Поскольку в коммуникации речевой знак не может быть сведен к набору дискретных функций, за пределами которых остаются безграничные смысловые потенции слова, актуализируемые в речи, а также взаимосвязь синтагматических и парадигматических связей слова, постольку соотношение слова как знака с иными окружающими его актуально и потенциально семиотическими образованиями приобретает особую значимость.

Коммуникация способствует реализации смысловых потенций слова, поскольку она обладает такими характеристиками, как пластичность, уникальность и смежность [12, с. 68]. Пластичность коммуникации заключается в предоставлении смыслу возможности вступать в неограниченное множество ассоциативных связей, уникальность – в неповторимости коммуникативного потенциала на основе языкового опыта (при этом уникальность языкового опыта для каждого отдельного «оператора» коммуникации), смежность – в создании многослойных отношений одного и того же объекта с безграничным окружением.

Анализ коммуникативной реализации эмотивов-стимулов и провоцируемых ими реакций показал, что, наряду с «нормативной» сочетаемостью (положительный эмотив-стимул – положительная эмотив-реакция и пр.), потенциал эмоционального реагирования на некоторый стимул является неограниченным. Подтверждением сказанному могут послужить эмотивные симулякры, распознавание которых адресатом приведет к нетипичной внутри условной схемы сочетания эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций модели эмоционального резонирования. Доказано, что аффектонимы (обращения, используемые в ситуациях близкого знакомства) могут вызывать абсолютно противоположные реакции реципиента в зависимости от статуса коммуникантов, их взаимоотношений, особенностей коммуникативной ситуации (слово *голубчик* в литературе XX в. характеризуется следующими оттенками: *симпатия, снисходительность, фамильярность, ирония, агрессия, мягкий упрек*) [4, с. 25].

Эмосема выделяется как облигаторный компонент семантики слов, а мнение о том, что эмосема может быть ингерентной и адгерентной (ср. с положением об узуально-нейтральных и эмоциональных лексических единицах), изменяется, поскольку актуализация эмотивного потенциала слов возможна не только, например, с помощью сочетания с эмоционально-оценочным прилагательным, но и через эффект «молчаливого мышления» (по Г. Гийому) путем условного сопоставления с неактуализированным контекстом, на фоне которого нейтральное слово воспринимается как эмотивно маркированное. Вывод об облигаторном статусе эмотивных сем в семантике любого слова согласуется с проблемой взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов, в резуль-

тате которого (взаимодействия) задается инвариантность смысла для говорящего и слушающего [6, с. 307]. Можно говорить об инвариантной эмотивности (таксономический универсум эмотивности) любого (в том числе языкового) знака, вариации (эмотивные таксоны) которой принимают форму актуализации эмотивности, конкретизации эмотивной семантики.

В феноменологической перспективе слово заряжено энергичным потенциалом семантики. Эмоциональное слово наделено сравнительно большим энергично-смысловым потенциалом; повышение доли эмоционального в семантике подавляет смысловую компоненту, низводит ее до затмения, угасания или помрачения собственного смыслового плана слова [9, с. 368]. Такая гиперэмоционализация семантики преобразует конвенционально нейтральные слова в эмотивы, статус эмотивной семантики которых близок к аффективному. Статус потенциатива внутри художественного произведения может преобразовываться в коннотатив, эмотивная семантика аффективов не является предопределенной и может изменяться вплоть до противоположной.

Выраженность эмоционального компонента вариативна, но коммуникация невозможна без эмоций. Эмоции мотивируют сознание и направляют человека в осуществляемой им деятельности. Попытки классифицировать модели эмоционального реагирования внутри коммуникативных ситуаций разной тональности распространяются только на частотные коммуникативные шаги внутри ситуации общения. Эмотивный компонент гибок, флуктуативен, подвижен, эмоциональные реакции на идентичный стимул гетерогенны даже со стороны одного и того же агента.

Язык представляет собой нелинейную систему, поэтому использовать для его описания двухполюсную логику кажется недопустимым на современном этапе развития социогуманитарных наук. Множественность интерпретаций и содержательная неопределенность проявляются на уровне семантики. Теория нечетких множеств позволила выйти за пределы бинарных логических оппозиций [1], два полюса которых не позволяют определить сущностные особенности некоторого объекта.

Неточность и приблизительность построения и понимания текстов становится отдельной областью лингвистических исследований – лингвистической аппроксимацией [7]. Под последней предложено понимать функционально-семантическую категорию, которая реализует семантику приблизительности средствами языка и речи (текста). Аппроксимация для текста рассматривается как конститутивное свойство, поскольку она позволяет транслировать представления «о многомерном пространстве жизни в многомерную плоскость текстового пространства» [Там же, с. 6]. С. В. Ионова указывает, что основу семантического подхода к аппроксимации составляют исследования Л. А. Заде о нечетких понятиях и размытых множествах, выделяет основные понятия для оперирования категорией аппроксимативности: инвариант (генерализация всех проявлений единицы языка) и прототип (конкретизация отличительных, значимых особенностей) [7].

Л. А. Заде [5] предложил использовать понятие лингвистической переменной, которой соответствует любое слово, для решения практических целей, связанных преимущественно с созданием искусственного языка (машинного моделирования естественных языков). Тогда, например, лингвистическая переменная *возраст* может принимать такие лингвистические значения, как *молодой*, *не молодой*, *вполне молодой*, *старый* и т.п. Набор лингвистических значений для переменной является нечетким: для данного набора можно задать крайние полюсы (термы), но включение в этот набор качественных прилагательных и наречий, соединительных и противительных союзов (*и не молодой*, *и не старый*) переводит линейную организацию множества (шкала с полюсами) в нелинейную структуру. Лингвистическая переменная изначально ориентирована на попытку аппроксимативного описания количественно не измеряемых явлений (например, *истинность*). Значения лингвистической переменной графически изображаются как площадки с нечетко очерченными границами, где инициальная нечеткость отобра-

жения гарантирует четкость схематичного представления. Нечеткость эмоционально-смысловой составляющей семантики подчеркивал Г. Г. Шпет, писавший, что не существует критериев для принципиального разграничения личных, индивидуальных, коллективных особенностей эмоционального словоупотребления, а потенциальные носители эмоционального впечатления могут быть только стилистически или эстетически скорректированы [19, с. 152–153].

Эмотивность рассматривается как имманентное свойство языка выражать эмоциональное отношение человека к окружающей действительности [15, с. 4]. Применение принципа бинарных оппозиций позволяет В. И. Шаховскому дифференцировать эксплицитную и имплицитную (скрытую), узуальную иokkaзиональную, коллективную и индивидуальную эмотивность [18, с. 57–60], различающиеся наличием/отсутствием идеологических, культурных и прочих со-значений. Уже при зарождении эмотивной лингвистики как самостоятельного лингвистического направления исследований акцент переводится с языка на речь, текст, коммуникацию (например, положение о коммуникативной важности эмотивной семантики, знание которой необходимо для владения «рулем прагматики») [15, с. 8]. Говоря о семантических статусах эмотивности, нужно выделить две разновидности потенциальной эмотивности – ингерентную и адгерентную. Адгерентная эмотивность, по З. Я. Кармановой, может быть описана через понятие феноменологической иррадиации, которая предполагает распространение энергии от одной нейросемы (внутреннего слова), имеющей выраженный эмоционально-смысловой заряд, к другой [9]. Иррадиация объясняет, почему одно и то же слово может звучать по-разному (более или менее трагически, авторитетно, радостно) в зависимости от окружения.

Однако мнение о том, что адгерентная эмотивность «наводится» на нейтральное слово извне, считаем корректным частично, поскольку подобная формулировка только имплицитно подразумевает наличие в семантике любого слова скрытых эмосем. Эмотивность не может быть исключительно наведенной извне: эмотивные семы не привносятся в нейтральное слово; контекст актуализирует уже наличествующие в семантике скрытые эмосемы. По мнению В. И. Шаховского, так называемая «прогрессирующая эмоционализация семантики» допустима исключительно при указании на имманентность эмотивной семантики слова.

В концепции нечетких множеств применяется понятие взаимозависимого возникновения, при котором каждое звено цепи обусловлено остальными звеньями, а модель человеческой жизни можно представить как «непрекращающееся, циклически повторяющееся стремление закрепить опыт в фиксированном и постоянном “я”» [3, с. 233]. Используя образное сравнение Л. А. Заде, лингвистическая переменная представляет собой «саквояж с жесткими стенками и прикрепленным к нему ярлыком» [5, с. 18]: при помещении объекта в переменную он приобретает определенное значение, множество предметов, допустимых для помещения внутрь переменной подмножеств, – значение переменной. Применение к эмотивности понятия нечетких множеств позволяет выделить два подвида: точная (четкая) и приближительная (нечеткая) эмотивность при условии, что эти переменные являются не сепарабельными (по Л. А. Заде), а взаимодействующими и пересекающимися, что нетрудно подтвердить примерами мены конвенциональными эмотивами их оценочной и узуальной эмоционально-смысловой составляющих.

В исследовании [20] указывается, что в коммуникации применяется аппроксимативный способ построения высказываний, в сообщении всегда присутствует шум, происходящий из теневых зон (*des zones d'ombres*), намеренное отсутствие точности. Неточное (*le flou*) сближается с приближительным, которое может быть выводным (*inféré*) или имплицитным и выраженным (эксплицитным). Значимость приближительного обусловлена тем, что в коммуникации упрощается сложность и многосоставность мира,

но эта поликомпонентность способна быть активированной, она выводима из семантики коммуникативных знаков. В качестве родового термина для неточного и приблизительного предложено использовать неопределенное (*le vague*), в котором границы означаемого расплываются (либо означающее слишком обобщено – намеренная приблизительность, либо означающее характеризует одну из особенностей означаемого – ненамеренная приблизительность).

Точность аппроксимативна, т.е. неточна, поскольку данная категория определяется внутри условных координат; чем выше абстрактность объекта, который необходимо определить в категории точности, тем труднее это осуществить. Примером может послужить оппозиция добра и зла: точное отнесение объекта к определенному месту на такой условной шкале имеет множество ограничений, зависит от количества и качества диагностических признаков, которые выбраны наблюдателем. Для количественно измеряемых объектов точность менее приблизительна, но низкий уровень аппроксимации точного превращает объект в неточный. Если объектом становятся эмоции, языковые средства их репрезентации, установление точного эмотивного пространства невозможно.

М. К. Мамардашвили указывал, что намерение справедливости есть одно, а справедливость – другое [14, с. 24]. Транспонирование данного утверждения в сферу эмотивной лингвистики позволяет с уверенностью заявлять о том, что любая попытка вербальной систематизации некоторого материала приблизительна и онтологически не может являться истинностной. Проблема нечетких множеств соответствует сложности, через которую понимаются природа, человек, общество, мир, коммуникация. Сложность может быть представлена как индивидуальный субъект, а появление уникальных Я-черт ведет к неинтерсубъективированному языку, поскольку индивидуально-субъектный смысл не обязательно должен быть выражен в значении [8, с. 124]. Усложнение общества ведет к усложнению его социальной организации, а также кодов, используемых членами общества. Поэтому коммуникация как средство взаимодействия между представителями усложненного общества становится более сложной (увеличение альтернативных форм и каналов общения, включение в привычные коды общения дополнительных семиотических образований, наделение привычных знаков новыми функциями, рост доли имплицитного как фактора успешной коммуникации и пр.), скорость общения растет, что также требует больших усилий.

Конвенция и нормативность случайны, поскольку случайность есть имманентное свойство бытия: норма – это повторяемая случайность, где итерацию можно рассматривать не столько как неоднократную фиксацию объекта разными наблюдателями, воспроизведение ими замеченных свойств, а заражение, аутосуггестию тождественностью восприятия объекта. Тогда ненормативные свойства идентичны по своим сущностным характеристикам нормативным. Отличие состоит только в степени их коллективного одобрения.

К признакам сложной системы относят множество элементов и сложное взаимодействие данных элементов, внутреннее разнообразие, многоуровневость при условии функционально-статусного паритета, открытость, нелинейность (упорядоченный беспорядок), эмерджентность как неконтролируемое создание нового, самоорганизация как ответ на энтропию и борьба с хаосом, создание порядка из беспорядка. Потенциально в семантику заложена бесконечность эмоционально-смысловых векторов, сложность семантической организации заключается в ее актуальной недостижимости и неисчерпаемости по причине потенциальной неограниченности.

К. Майнцер, рассмотревший особенности развития и функционирования систем с положительной обратной связью, в качестве примера выбрал секторы экономики, которые зависят от высоких технологий. Данные секторы предполагают высокие затраты на разработку и создание высокотехнологичных товаров, особые человеческие ресур-

сы, способные производить подобные товары, высокие затраты на дизайн и продвижение товара. Как только данные продукты выходят на рынок, увеличение объема производства стоит дешевле, времени затрачивается меньше, но прибыль продолжает увеличиваться. Такие системы с положительной обратной связью имеют несколько состояний равновесия [13, с. 355].

Эмотивность, сущностной чертой которой предложено считать приблизительность (нечеткость), имеет не одну, а множество точек потенциального баланса. Например, в ситуации конфликта положительная реакция на отрицательный стимул может как усилить конфликтность взаимодействия, так и смягчить ее; модус современного общения всё отчетливее отказывается от формы и содержания, а понимание достигается на уровне декодирования коммуникативного намерения; эмоциональная доминанта текста может быть объективно выраженной вербально в текстовом пространстве и соответствовать пониманию среднестатистического читателя, а может остаться непонятой, понятой неверно, быть извлеченной не из эксплицитной, а имплицитной составляющей семантики текстовых единиц, оказаться доступной ограниченному числу читателей, что также является точкой равновесия системы. Несколько состояний равновесия системы удобно показывать на примере эмоционально-смысловой наполненности слова в коммуникации, которое, по умолчанию, не может иметь объективной точки баланса, для которой любое препятствие для неравновесности приведет к упорядочиванию хаоса: «Стоит возвести в правило культивировать разнообразие, лелеять случайность, специально поддерживать хаос и неопределенность, потому что забота о случайности – это забота о нашей креативности» [10, с. 119].

В нечетких множествах нет входа или выхода, это элементарные частицы, объединенные в кольцевой массив, где анализу доступны внутренние действия [3, с. 206]. Поэтому приблизительность (нечеткость) как имманентное свойство эмотивности проецируется на конвенциональную (условно четкую) эмотивность и корректирует ее.

Список литературы

1. Альбеков Н. Н. Поле эмерджентности как модель определения потенциала нечетких лингвистических множеств // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9. С. 105–108.
2. Бринев К. И. Эссенциалистские теории значения: когнитивная теория категоризации и теория прямой референции: монография. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2023.
3. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М.: Фонд «Сохрани Тибет», 2023.
4. Ефремов В. А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 18–37.
5. Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений / Пер. с англ. Н. И. Ринго. М.: Мир, 1976.
6. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис. 2005.
7. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006.
8. Калинин Э. Ю., Черновицкая Ю. В. Реальность сложности или сложность реальности (информационно-коммуникативный подход) // Философия науки. 2013. № 1. С. 111–125.
9. Карманова З. Я. Принципы феноменологической лингвистики: монография. Калуга: ИП Стрельцов И. А. (Изд-во «Эйдос»), 2022.
10. Князева Е. Н. Когнитивная сложность // Философия науки. 2013. № 1. С. 81–94.
11. Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 5–20.
12. Логиновская Ю. В., Черникова И. В. Язык как творческий инструмент сознания // Язык и культура. 2022. № 60. С. 57–81.
13. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

14. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
15. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1988.
16. Шаховский В. И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / Отв. ред. проф. Н. Н. Панченко. Волгоград: Перемена, 2013. С. 53–61.
17. Шаховский В. И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1969.
18. Шаховский В. И. Эмотивное значение и методы его описания: Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983.
19. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006.
20. Diaz M. L. La parole approximative // Verba. 2003. Vol. 30. P. 411–430.

* * *

1. Al'bekov N. N. Pole emerdzhentnosti kak model' opredeleniya potenciala nechetkih lingvisticheskikh mnozhestv // Uspexi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. № 9. S. 105–108.
2. Brinev K. I. Essencialistskie teorii znacheniya: kognitivnaya teoriya kategorizacii i teoriya pryamoj referencii: monografiya. Barnaul: ООО «Pyat' plyus», 2023.
3. Varela F., Tompson E., Rosh E. Otelesnennyj um. Kognitivnaya nauka i chelovecheskij opyt. M.: Fond «Sohrani Tibet», 2023.
4. Efremov V. A. Affektonimy: semantika, pragmatika i lingvokul'turologiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2021. № 73. S. 18–37.
5. Zade L. A. Ponyatie lingvisticheskoy peremennoj i ee primenenie k prinyatiyu priblizhennyh reshenij / Per. s angl. N. I. Ringo. M.: Mir, 1976.
6. Zalevskaya A. A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy. M.: Gnozis. 2005.
7. Ionova S. V. Approksimaciya sodержaniya vtorichnyh tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2006.
8. Kalinin E. Yu., Chernovickaya Yu. V. Real'nost' slozhnosti ili slozhnost' real'nosti (informacionno-kommunikativnyj podhod) // Filosofiya nauki. 2013. № 1. S. 111–125.
9. Karmanova Z. Ya. Principy fenomenologicheskoy lingvistiki: monografiya. Kaluga: IP Strel'cov I. A. (Izd-vo «Ejdos»), 2022.
10. Knyazeva E. N. Kognitivnaya slozhnost' // Filosofiya nauki. 2013. № 1. S. 81–94.
11. Leont'ev A. A. Formy sushchestvovaniya znacheniya // Psiholingvisticheskie problemy semantiki. M.: Nauka, 1983. S. 5–20.
12. Loginovskaya Yu. V., Chernikova I. V. Yazyk kak tvorcheskij instrument soznaniya // Yazyk i kul'tura. 2022. № 60. S. 57–81.
13. Majncer K. Slozhnosistemnoe myshlenie: Materiya, razum, chelovechestvo. Novyj sintez. M.: LIBROKOM, 2009.
14. Mamardashvili M. K. Besedy o myshlenii. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023.
15. Shahovskij V. I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka (na materiale anglijskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: AN SSSR. In-t yazykoznanija. M., 1988.
16. Shahovskij V. I. Modus ekologichnosti v emocional'noj kommunikacii // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya / Отв. ред. проф. Н. Н. Панченко. Волгоград: Перемена, 2013. С. 53–61.
17. Shahovskij V. I. Nekotorye sposoby vyrazheniya emotivno-sub'ektivnoj ocenki v sfere imen sushchestvitel'nyh sovremennogo anglijskogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. obl. ped. in-t im. N. K. Krupskoj. M., 1969.
18. Shahovskij V. I. Emotivnoe znachenie i metody ego opisaniya: Ucheb. posobie k speckursu. Volgograd: izd-vo VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1983.
19. Shpet G. G. Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variacii na temy Gumbol'dta. 3-e izd., ster. M.: KomKniga, 2006.

Emotiveness in the aspect of fuzzy sets

Emotiveness is traditionally considered as the essential characteristics of semantics of any linguistic signs as a result of the existence of obvious or concealed emosemes. Approximation (indistinctness) is distinguished as the essential characteristics of emotiveness: emotiveness always stays the system with a lot of points of potential balance. Distinct emotiveness includes the classes of emotives, traditionally identified in emotive linguistics. Indistinct emotiveness includes both the change of emotive status of emotives, having the conventional emotional and evaluative component, and various untypical ways of nomination, description and explication of emotions

Key words: *approximation, indistinctness, emotiveness, emoseme, phenomenology, energy potential, sense.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2024).

В. И. СУПРУН
Волгоград

РУСИСТЫ СОБРАЛИСЬ В КРАСНОЯРСКЕ (о работе VIII конгресса РОПРЯЛ)

С 10 по 14 сентября 2024 г. в Красноярске на базе Сибирского федерального университета состоялся VIII конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) «Динамика языковых и культурных процессов в современной России». Самые актуальные проблемы современной русистики находились в центре внимания участников конгресса. Сопредседателями программного комитета были президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и президент РОПРЯЛ В. И. Толстой и ректор Сибирского федерального университета М. В. Румянцев. Они и выступили с приветствиями на церемонии открытия конгресса, которую вели зав. кафедрой теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ О. В. Магировская и директор секретариата МАПРЯЛ А. В. Коротышев. А. В. Коротышев вместе с директором института филологии и языковой коммуникации СФУ, членом-корреспондентом РАО, проф. Л. В. Куликовой провели пленарное заседание конгресса. На нем с докладами выступили ректор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Н. В. Гусев («Сохранение традиций и развитие идей научно-педагогической школы академика В. Г. Костомарова на современном этапе»), проф. кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации СФУ О. В. Фельде («Традиционная региональная лингвокультура: базовые коды и ценностно-смысловые доминанты»), вице-президент РОПРЯЛ, директор Центра коммуникативных компетенций Санкт-Петербургского государственного университета проф. С. А. Кузнецов («От функционально-коммуникативного анализа к коммуникативно-риторическому синтезу текста»), зав. кафедрой русской литературы и методики ее преподавания института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета доц. А. С. Афанасьев («Преподавание современной русской литературы в вузе: содержание, возможности, контексты»), первый заместитель директора Института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы доц. С. И. Ельникова («Русский язык в Африке: вчера, сегодня, завтра»).

С презентацией «Современный цифровой портал „Грамота.ру“ и развитие языковой культуры нации» выступил руководитель портала «Грамота.ру» К. С. Дервянко. Оживленную дискуссию вызвал часовой доклад руководителя образовательного направления портала «Грамота.ру» М. Ю. Лебедевой «Лаборатория новых практик в обучении РКИ». В формате форсайт-сессии (в ходе заседания участники должны были выработать желаемую модель будущего развития обсуждаемых проблем и наметить пути их воплощения в жизнь) прошла встреча российских и китайских ученых «Русский язык и культура в эпоху российско-китайского стратегического сотрудничества», посвященная 225-летию А. С. Пушкина. Ею руководили вице-президент РОПРЯЛ, проректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоно-

сова академик РАО, проф. Т. В. Кортава и проф. Пекинского государственного педагогического университета Лю Цзюань.

Секционные заседания были распределены на шесть направлений. На первом направлении «Русский язык: актуальные направления и аспекты исследования» были рассмотрены проблемы инновационных подходов к описанию и изучению русского языка; семантики и грамматики слова, предложения и текста в аспекте полипарадигмальности и в свете традиционных и новых структурно-семантического, когнитивно-дискурсивного, корпусного и других подходов; исследований дискурсов различных типов; направлений межпредметного взаимодействия в исследовании языка и его функционирования в аспектах лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингвофилософии, лингвопрагматики, психолингвистики, социолингвистики, корпусной лингвистики; перспектив развития новых научных парадигм в современной русистике. Большой интерес вызвали доклады проф. Уральского федерального университета Л. Г. Бабенко, зав. кафедрами РУДН проф. В. В. Воробьева и проф. В. Н. Денисенко (последний совместно с И. А. Романовой), главного научного сотрудника Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина В. И. Аннушкина, проф. РУДН Д. С. Скнарера и др.

Второе направление «Роль русского языка в формировании единого социокультурного пространства России» было посвящено обсуждению вопросов правового, социолингвистического и лингвокультурологического аспектов русского языка как государственного; субъектов и аспектов языковой политики Российской Федерации; языковой нормы, ее регулирования и функционирования в публичной коммуникации; языка СМИ и Интернета; теории и эффективных практик речевой коммуникации; функционирования русского языка в условиях правовой регламентации речи и судебной экспертизы текста; лингвоэкологии; коммуникативных процессов и стратегий в эпоху цифровизации; цифровой обработки лингвистических и историко-культурных данных. Отклик собравшихся вызвали доклады проф. Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Н. Г. Брагиной, проф. Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова С. Г. Шулежковой, зав. кафедрами Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова И. В. Евсеевой и П. Н. Ивановой, зав. кафедрой Кубанского государственного университета проф. В. П. Абрамова (совместно с Г. А. Абрамовой и В. В. Тихоновым) и др.

Третье направление «Русский язык и культура» посвятило свое заседание обсуждению проблем языка и культуры в эпоху глобализации; русского языка как средства межнационального общения, взаимосвязи и взаимовлияния русского языка и языков народов России; языка в поликодовых системах репрезентации культуры; аксиологической лингвистики; русского языка в культурном пространстве стран Запада и Востока и социокультурных и прагматических аспектов межкультурной коммуникации; исследований региональных лингвокультур; концептосферы русской национальной картины мира; ключевых концептов, концептуализации и стереотипизации лексических и грамматических единиц; русской языковой личности в когнитивно-дискурсивном и коммуникативном аспектах. На секции выступили зав. кафедрой Российского университета дружбы народов проф. В. М. Шаклеин, зав. кафедрой Томского государственного университета Т. А. Демешкина и др.

На четвертом направлении «Русская литература в современном мире» обсуждались вопросы русской художественной литературы в контексте мировой культуры; традиций и новаторства постсоветской художественной литературы; русскоязычной литературы народов России и зарубежья; современной русской литературы; ключевых имен и текстов классиков постмодернизма; новейшей художественной литературы; документальной прозы; процессов эволюции русского языка, языковых процессов в отображении русской литературы новой волны; русской литературы в зеркале перевода; изучения русской литературы в школе и вузе; методов интерпретации русской литературы в

иностранный аудитории; филологического анализа художественного текста с позиций литературоведения и лингвистики; дискурса как объекта междисциплинарного исследования. Были отмечены доклады зав. кафедрой Санкт-Петербургского горного университета им. Екатерины II проф. Д. А. Щукиной (с аспиранткой Е. С. Синильниковой), проф. Южного федерального университета Л. Б. Савенковой и др.

Пятое направление «Русский язык в образовательном пространстве России: дошкольное, среднее (общее) и высшее образование» было посвящено рассмотрению содержания филологических дисциплин в школе и вузе в аспектах социального заказа и современных вызовов; новых образовательных стандартов и современных технологий обучения русскому языку в средней школе; реализации метапредметной роли русского языка в образовательном процессе; преподавания русского языка в поликультурной школе; преподавания русского языка как неродного и как второго родного в современной России; обучения русскому языку филологов и нефилологов в вузе; цифровизации обучения русскому языку. Запомнились доклады проф. Смоленского государственного университета Н. А. Максимчук, зав. лабораторией Московского педагогического государственного университета доц. О. Е. Дроздовой, проф. Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова В. А. Марьянчик, декана Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации им. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета Р. Ф. Мухаметшиной и др.

На шестом направлении «Преподавание русского языка и литературы иностранным учащимся в России и за рубежом» обсуждались проблемы преподавания русского языка как иностранного в России и за рубежом; изучения русского языка вне языковой среды и особенностей довузовской подготовки иностранных граждан; новых аспектов в изучении и преподавании русской литературы в иностранной аудитории; применения электронных ресурсов и программных средств в преподавании РКИ; преподавания русского языка в билингвальной и поликультурной среде; особенностей реализации программ курсового обучения РКИ; перспектив международного сотрудничества в области разработки учебно-методической литературы по РКИ; совершенствования и развития российской государственной системы тестирования по РКИ; обучения и тестирования по русскому языку в сфере трудовой миграции. На трёх секционных заседаниях выступили ученые и преподаватели-практики из многих вузов России, в т. ч. зав. кафедрой Дальневосточного федерального университета Л. В. Воронова (совместно с О. А. Песоцкой), зав. кафедрой Высшей школы отечественной филологии Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий А. М. Ямалетдинова (совместно с О. Э. Гавриловой) и др.

Были также проведены четыре круглых стола. Первый из них «Русская литература вне столиц. Современные проблемы регионалистики в зеркале писательских биографий и профессиональных репутаций» был посвящен 100-летию писателя В. П. Астафьева. Его провели вице-президент РОПРЯЛ, ректор Литературного института им. А. М. Горького проф. А. Н. Варламов, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, телеведущий и журналист филиала ВГТРК А. В. Гришаков, подключившийся онлайн проф. кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания) Р. Гусман Тирадо. На втором круглом столе обсуждались деструктивные триггерные высказывания в современной коммуникации и правовой и лингвистический инструментарий противодействия. Третий круглый стол посвящался рассмотрению применения искусственного интеллекта в преподавании русского языка как иностранного. Четвертый круглый стол собрал участников конгресса, интересующихся учебно-методическим обеспечением программ подготовительных факультетов.

На закрытии конгресса слово было предоставлено старшему научному сотруднику ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, ученому секретарю Пушкинской комиссии РАН А. Ю. Балакину, который выступил с докладом «Пути и тропы современного пушкиноведения», посвященным 225-летию юбилею А. С. Пушкина.

В рамках конгресса состоялись также форум «Российско-китайский научно-образовательный диалог: импульсы и векторы сотрудничества» и всероссийский круглый стол «Родной язык в семейном воспитании (в рамках проведения Года семьи в Российской Федерации)».

Было также проведено заседание правления РОПРЯЛ, на котором открытым голосованием был переизбран президент В. И. Толстой и утверждены вице-президенты Н. В. Гусев, А. В. Должикова, Т. В. Кортава и С. А. Кузнецов. Было проведено тайное голосование по выборам членов правления РОПРЯЛ. В новый состав правления вошел и представитель ВГСПУ проф. В. И. Супрун.

*The specialists in Russian philology met in Krasnoyarsk
(about the work of the VIIIth Congress of the Russian Society
of Teachers of Russian Language and Literature)*

(Статья поступила в редакцию 01.10.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аляева
Лилия Сергеевна* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com
- Бабенко
Татьяна Александровна* – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии, Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани. E-mail: tatyana_p-med@mail.ru
- Бударина
Анастасия Александровна* – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: belousova.nastya122@yandex.ru
- Буряковская
Валерия Анатольевна* – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
- Васильев
Лев Геннадьевич* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского. E-mail: argumentation@mail.ru
- Волкова
Яна Александровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. E-mail: y.a.v@list.ru
- Гольденберг
Аркадий Хаимович* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: goldenberg48@mail.ru
- Завьялова
Елена Евгеньевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. E-mail: zavyalovaelena@mail.ru
- Зубаирова
Ралина Рамзаровна* – ассистент кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. E-mail: scharipova.ralina@yandex.ru
- Ионова
Светлана Валентиновна* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: sionova@mail.ru
- Кайжигитов
Эльдар Дарханбекович* – учитель МКОУ СОШ им. М. Бекмухамбетова с. Хошеутово. E-mail: ekayzhigitov.99@yandex.ru
- Карасик
Владимир Ильич* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: vkarasik@yandex.ru
- Карпова
Анастасия Михайловна* – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: coffeemur@yandex.ru

- Ковшова
Мария Львовна* – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, Институт языкознания РАН. E-mail: kovhova_maria@list.ru
- Кокова
Бэла Джамалдиновна* – профессор кафедры фортепиано и методики, Северо-Кавказский государственный институт искусств. E-mail: belakokova@yandex.ru
- Кокова
Лейла Джамалдиновна* – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией ономастики и социально-политических исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. E-mail: kokovaleila@yandex.ru
- Коробкина
Наталья Игоревна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natic-lion88@yandex.ru
- Котельникова
Надежда Николаевна* – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Крюкова
Ирина Васильевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kryukova-irina@ya.ru
- Леонов
Иван Сергеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: ISLeonov@pushkin.institute
- Некрасова
Кристина Игоревна* – старший преподаватель кафедры английского языка, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского. E-mail: serginakristina@yandex.ru
- Никифорова
Елена Борисовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
- Нин Хуайин* – кандидат филологических наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Тяньцзиньский университет иностранных языков. E-mail: ninghy2005@126.com
- Панченко
Надежда Николаевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: panchnn@yandex.ru
- Пименова
Марина Владимировна* – доктор филологических наук, ректор, Международный гуманитарный университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. E-mail: MVPimenova@yandex.ru

- Солодовникова
Наталья Геннадиевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: tommyboy22@mail.ru
- Сорокина
Марина Владимировна* – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: topchieva_nn@mail.ru
- Супрун
Василий Иванович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: suprun@vsru.ru
- Тропкина
Надежда Евгеньевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: netropkina@mail.ru
- Шацкая
Марина Федоровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru
- Шериева
Марианна Мухамедовна* – доцент кафедры истории и теории музыки, Северокавказский государственный институт искусств. E-mail: sherieva.marianna@mail.ru
- Штеба
Алексей Андреевич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: alexchteba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Aleksey Shteba* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: alexchteba@yandex.ru
- Anastasiya Budarina* – Post Graduate Student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: belousova.nastya122@yandex.ru
- Anastasiya Karpova* – Post Graduate Student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: coffeemur@yandex.ru
- Arkadiy Goldenberg* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: goldenberg48@mail.ru
- Bela Kokova* – Professor, Department of Fortepiano and Teaching Methods, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: belakokova@yandex.ru
- Valeriya Buryakovskaya* – Advanced PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vburyakovskaya@yandex.ru
- Vasiliy Suprun* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: suprun@vspu.ru
- Vladimir Karasik* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of General and Russian Language Studies, Pushkin State Russian Language Institute, E-mail: vkarasik@yandex.ru
- Eldar Kayzhigitov* – Teacher, Municipal state general education institution “Secondary general education school of the village of Khosheutovo named after M. Bektukhambetov” of the Kharabalinsky district of the Astrakhan region, E-mail: ekayzhigitov.99@yandex.ru
- Elena Zavyalova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature, Astrakhan State University, E-mail: zavyalovaelena@mail.ru
- Elena Nikiforova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
- Ivan Leonov* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of World Literature, Pushkin State Russian Language Institute, E-mail: ISLeonov@pushkin.institute
- Irina Kryukova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kryukova-irina@ya.ru
- Kristina Nekrasova* – Senior Lecturer, Department of English Language, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, E-mail: serginakristina@yandex.ru

- Lev Vasilyev* – Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Linguistics and Foreign Languages, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski, E-mail: argumentation@mail.ru
- Leyla Kokova* – PhD (Philology), Head of Laboratory of Onomastics and Socio-Political Studies, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, E-mail: kokovaleila @yandex.ru
- Liliya Alyaeva* – Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com
- Marianna Sherieva* – Associate Professor, Department of History and Theory of Music, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: sherieva.marianna@mail.ru
- Mariya Kovshova* – Advanced PhD (Philology), Chief Research Associate, Department of Theory and Practice of Communication named after Yu. S. Stepanov, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, E-mail: kovhova_maria@list.ru
- Marina Pimenova* – Advanced PhD (Philology), Rector, International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, E-mail: MVPimenova@yandex.ru
- Marina Shatskaya* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru
- Marina Sorokina* – Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: topchieva_nn@mail.ru
- Nadezhda Kotelnikova* – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com
- Nadezhda Panchenko* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: panchnn@yandex.ru
- Nadezhda Tropkina* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: netropkina@mail.ru
- Natalya Korobkina* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natik-lion88@yandex.ru
- Natalya Solodovnikova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: tommyboy22@mail.ru
- Nikolay Krasavskiy* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru

- Ning Huaiying* – PhD (Philology), Tianjin Foreign Studies University, E-mail: ninghy2005@126.com
- Ralina Zubairova* – Assistant, Department of English Philology, Linguodidactics and Translation, Astrakhan State University, E-mail: scharipova.ralina@yandex.ru
- Svetlana Ionova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of General and Russian Language Studies, Pushkin State Russian Language Institute, E-mail: sionova@mail.ru
- Tatyana Babenko* – Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Philology, Kuban State University, the branch in Slavyansk-on-Kuban, E-mail: tatyana_p-med@mail.ru
- Yana Volkova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, E-mail: y.a.v@list.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Первалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии